

А.Е. МУСИН

ЗАГАДКИ ДОМА СВЯТОЙ СОФИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ALEXANDER MUSIN

THE SECRETS OF THE HOUSE OF HOLY WISDOM

THE CHURCH OF NOVGOROD THE GREAT IN 10TH-16TH CENTURIES

Saint-Petersburg
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ МУСИН

ЗАГАДКИ ДОМА СВЯТОЙ СОФИИ
ЦЕРКОВЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В X-XVI ВЕКАХ

Санкт-Петербург
2013

БК
М

Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 12-41-93029к

Утверждена к печати решением Ученого Совета ИИМК РАН

Рецензенты: д.и.н. М.Б. Свердлов, д.и.н. С.В. Белецкий

Мусин, А. Е.

Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X-XVI вв. — СПб. : ИИМК РАН, 2013. — 139 с., ил.

ISBN 000-0-0000-0000-0

Книга в серии очерков излагает историю новгородской Церкви - дома Святой Софии. Она является первой отечественной попыткой популярного систематического изложения истории христианского Новгорода в X-XVI вв., основанной на применении современных научных подходов. Подчеркивается историчность древнерусского христианства, его отличия от современной церковной практики, декларируется отказ от мифов в восприятии истории Церкви. В книге предлагаются новые решения дискуссионных моментов новгородской истории, проводится сравнение событий российской истории с Византией и Европой. Публикация рассчитана на научных сотрудников и работников культуры, преподавателей и студентов, учителей и школьников, а также на широкие массы читателей, интересующихся историей России.

БК

ISBN 000-0-0000-0000-0

© А.Е. Мусин, 2013 г.

Оглавление

Епископы и архиепископы Новгородской Церкви X – XVI вв.	5
Введение	6
Очерк I.	
Метаморфозы «темного времени»	16
Очерк II.	
Таинственная анафема	29
Очерк III.	
География власти	36
Очерк IV.	
Вечно ли избрание на вече?	45
Очерк V.	
Тайна Святости	60
Очерк VI.	
Образ Соборности	72
Очерк VII.	
От Москвы до Литвы	82
Очерк VIII.	
От Литвы до Москвы	91
Очерк IX.	
Ересь новгородская	104
Очерк X.	
Осень архиепископа	118
Заключение	131
Словарь богословских и исторических терминов	134
Избранная литература	137

ЕПИСКОПЫ И АРХИЕПИСКОПЫ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ X – XVI вв.

Свт.Иоаким Корсунянин (989—1030)	Свт.Моисей (1325—1330, 1352—1359)
Свт.Лука Жидята (1036—1059)	Свт.Василий Калика (1331—1352)
Стефан (1060—1068)	Алексий (1359—1388)
Феодор (1069—1077)	Иоанн (1389—1415)
Свт.Герман (1078—1095)	Свт.Симеон (1416—1421)
Свт.Никита (1096—1108)	Евфимий Брадатый (1423—1429)
Иоанн Попьян (1110—1130)	Свт.Евфимий (1434—1458)
Свт.Нифонт (1130—1156)	Свт.Иона (1458—1470)
Свт.Аркадий (1158—1163)	Свт.Феофил (1470—1482)
Свт. Илья - Иоанн (1165—1186)	Сергий (1483—1484)
Свт. Гавриил - Григорий (1187—1193)	Свт.Геннадий (1485—1503)
Свт.Мартирий (1193—1199)	Свт. Серапион (1506—1509)
Митрофан (1200—1210, 1219—1223)	Свт.Макарий (1526—1542)
Свт.Антоний (1210—1219, 1225—1229)	Феодосий (1542—1550)
Спиридон (1230—1249)	Серапион (1551—1552)
Далмат (1251—1273)	Свт.Пимен (1552—1570)
Климент (1274—1299)	Леонид (1571—1575)
Свт.Феоктист (1300—1308)	Александр (1576-1591, с 1589 - митрополит)
Давид (1309—1324)	

ВВЕДЕНИЕ

В заглавие исторической книги можно было бы и не вносить слово «загадка». История и без этого тайна и «место для дискуссий». Только в ситуации, когда человек остается один на один с противоречивыми историческими фактами и мнениями историков, он может возрасти в ответственную и думающую личность.

Но так повелось, что книга, желающая быть популярной, должна «постараться» привлечь к себе внимание уже одним названием. Впрочем, это условие необходимое, но недостаточное. Неплохо было бы, если и сюжет книги, и изложение его тоже понравятся читателю. Сюжет, связанный с историей средневекового Новгорода, в целом отвечает этому требованию. Интерес к Новгородской земле как к одному из центров сложения Отечества продиктован не только тем, что Киев, «мать городов русских», оказался сегодня вне пределов современной России. Двучастное устройство «державы Рюриковичей», которое стоило бы назвать федеративным, принадлежало к историческим реалиям русского средневековья и в таком качестве осознавалось современниками.

Известно, что в выходной записи древнейшей из сохранившихся на Руси книг, Евангелия посадника Остромира 1057 г., сообщается, что оно было закончено, когда князь Изяслав «придержал обе власти: и отца своего Ярослава, и брата своего Владимира»¹. И Киев, и Новгород предстают здесь как два равноправных политических образования, каждое со своей «властью». На единовременное обладание Руськой землей и «властью новгородскую» претендовал и князь Всеволод в своем «Рукописании»². Это должно быть сопоставлено с зачалом Новгородской первой летописи, где читаем: «Временник, еже есть нарицается летописание князей и земли Русской, и как избрал Бог страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом, прежде Новгородская волость и потом Киевская»³. Отраженный в этих словах приоритет новгородского государственного образования по отношению к киевскому восходит к реалиям начальной русской истории.

Этот приоритет не есть изобретение новгородского патриотизма, но подчинение киевского политического бомонда порядку вещей. В 1205 г. князь Всеволод Большое Гнездо, отправляя своего старшего сына Константина в Новгород, напоминает тому, что «Новгород Великий старейшинство имеет княженью во всей Руськой земли»⁴. Такое старейшинство заставляло Рюриковичей, претендующих на власть в этой «земле», искать признания в

---

¹ Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV веков. М., 2000. С.14-15.

² Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI-XV в. М., 1976. С.160.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С.103. (далее – НПЛ).

⁴ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1997. С. 422. (далее - ПСРЛ).

Новгороде, отправляя туда своих сыновей и союзников. Без этого их суверенитет над Киевом, с точки зрения человека средневековья, был нелегитимен. Конституция Господина Великого Новгорода сформировалась не как привилегия, продиктованная популизмом Рюриковичей и полученная городской общиной путем политического лавирования между различными княжескими группировками XII в.. Она претендует на более глубокие исторические корни.

Подобный порядок был известен еще во времена императора Константина VII Багрянородного (945-959), который именовал будущую Новгородскую землю «внешней *Росией*»⁵. Такое политико-географическое членение Восточной Европы предполагало существование и «внутренней *Росии*», собственно «Русьской земли», в которой справедливо видеть Среднее Поднепровье во главе с городами Киевом, Черниговом и Переславлем⁶. Слова князя Олега про Киев - «мать городов русских» касались прежде всего днепровской «земли русов».

Новгород находился в достаточно сложных отношениях с этой русью и Русьской землей. В 1149 г. князь Изяслав Мстиславич и поставленный без благословения Вселенского патриарха митрополит Климент Смолятич вызвали главу новгородской Церкви епископа Нифонта в Киев, в связи с чем владычный летописец написал: «Отправился архиепископ новгородский Нифонт в Русь». Вплоть до XIII в. Русь в глазах новгородца находилась там, где был Киев. Часто встречающееся сегодня выражение «Новгородская Русь» – звонкое и красивое – плохо вписывается в русскую историю, как и утверждение о том, что Старая Ладога была «первой столицей Древней Руси». Ладога действительно стала местом рождения руси как новой этносоциальной группы, составившей основу правящего класса будущего государства⁷, однако в X в. эта русь, по свидетельству арабских и византийских источников, еще представляла собой конгломерат соперничающих группировок, концентрировавшихся преимущественно в срединных и южных широтах Восточной Европы и лишь номинально представленных князем киевским на внешнеполитическом уровне. Да и само понятие столицы плохо сочетается с особенностями политической организации раннефеодальных государств.

Итак, новгородцы не называли себя русью и не именовались так другими⁸. В преамбуле договора этой руси с Византией, сохранившегося в русском летописании под 945

---

⁵ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев (ред.). М., 1991.

⁶ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М. 1951.

⁷ *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С.5-25.

⁸ *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 160; *Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1976. С. 133–167, здесь с. 157.

г., послы и гости с именами в большинстве своем скандинавскими, заявляют: «Мы от рода русского»⁹. В Новгородской первой летописи, хронист XI в. завершает повесть о призвании варягов словами: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска»¹⁰.

В науке неоднократно обсуждалось историческое содержание «варяжского рода» новгородцев. Оно толковалось и как свидетельство проживания в городе потомков скандинавов, и как основа определенных политических привилегий горожан, в частности, право не платить «варяжскую дань», установленную русским князем¹¹. Стоит, однако, признать, что под понятием «род» в то время подразумевалась не столько этническая принадлежность, сколько социально-политическая организация общества. Это способно прояснить для нас политический приоритет Новгорода над Киевом. С точки зрения человека средневековья, насколько она может быть нам доступна, не варяги сформировали особенности новгородского общественного устройства, а сами новгородцы стояли у истоков «варяжского рода», поскольку были организаторами «призвания варягов» и заключения с князем Рюриком конституционного договора 862 г.

Появление на Севере Руси варяжской династии в результате «ряда-договора» как раз и заложило основы формирования в Новгороде особой политической системы, для которой впоследствии была характерна практика заключения с князьями особого договора-докончания, что надежно зафиксировано источниками для периода 1264 -1471 гг.¹² В более раннее время кодификация новгородских прав могла быть связана с упоминанием в 1229-1230 гг. «всех грамот» князя Ярослава Мудрого¹³, которые в XIV в. именуется в летописании как «старые грамоты». На их основе заключались новые договора с великими князьями. События 1136 г., когда новгородцы выгнали из города князя Всеволода, не были «революцией» изменившей ход истории, а лишь эпизодом борьбы за древние права. Эта новгородская конституция была отлична и в определенной степени автономна от киевской, собственно «русской», автократии, возникшей в результате завоевания Рюриковичами Среднего Поднепровья. Таким образом, призвание Рюрика и восходящая к этому событию «вольность в князьях» стали основополагающим моментом новгородской политической организации, именуемой современниками «варяжским родом».

⁹ Повесть временных лет. Л., 1996. С.13, 23 (далее - ПВЛ).

¹⁰ НПЛ. С.107.

¹¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 66, 421; Гунтуис А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavicization of the Russian North. Helsinki, 2006. P. 93-109; Петрухин В.Я. Новгородцы от «рода варяжска»? // Диалог культур и народов в средневековой Европе. Сб. ст. в честь 60-летия РАН Е.Н. Носова. СПб., 2010. С.148-150; Мусин А.Е. «Род русский», «род варяжский», «род прусский»: миграции и историческая память как факторы политогенеза // Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселения, война как факторы политогенеза. М., 2012. С.192-197

¹² Ср.: Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С.5, 62, 64, 83.

¹³ НПЛ. С.67, 68, 70.

Средневековый Новгород был Новгородом христианским. Таким образом, настоящая книга апеллирует не только к общественному интересу к новгородской истории, но к истории христианства Древней Руси. Этот интерес к христианству закономерен, однако эти закономерности во многом продиктованы современной заинтересованностью россиян в решении религиозных проблем, связанных с поиском как персональной, так и национальной идентичности. Подобная «злободневность» зачастую подталкивает наших современников представить историю христианства в Древней Руси по своему «образу и подобию», по аналогии с сегодняшней приходской жизнью. Такая модернизация искажает историю нашей страны, способствует формированию ложных стереотипов и мифов в восприятии Православия. Это заставляет исследователя быть крайне осторожным при обращении к темам церковной истории, где ему предстоит показать не только особенности истории христианства на Руси, но и подчеркнуть отличия средневековой церковной жизни от современности.

Отличительными чертами эпохи средневековья была тесная взаимосвязь и даже взаимное пересечение Церкви и общества. Однако в то же время и у общества, и у Церкви существовали эффективные средства взаимного контроля, выверенная веками система сдержек и противовесов, препятствовавшая как растворению внеисторических задач и целей Церкви в мирской суеде, так и клерикальному диктату, отчуждению отдельного человека и целой общины от церковной жизни. Эти явления существовали в конкретных исторических формах, присущих той эпохе со свойственными ей ценностями и ментальными установками. Понятие политических интересов, выгоды и пользы в то время могли существенно отличаться (и отличались!) от эксплуатируемых современным обществом, зараженным, в том числе, конспирологическим сознанием. Человеческая страсть видеть повсюду заговоры, от локальных до мировых, есть ничто иное как секуляризованная вера в противостояние Бога и демонических сил. Но если в Средние века эта борьба имела нематериальные и метаисторические основания, то сегодня, будучи лишенной религиозной подоплеки, «теория заговора» воплощается в окружающем мире, населяя историю фантомами. Отношения людей прошлого были гораздо более прозрачными, хотя бы в силу того, что людские общины оказывались не столь многочисленными, а их интересы – более локальными и, как ни странно, не всегда прагматичными.

Сегодня древний принцип «*Is fecit, qui prodest*» применяется по отношению к прошлому с разрушающей простотой, призывая во всем искать глобальный политический интерес или идеологическую тенденцию. Кто был инициатором канонизации святых князей Бориса и Глеба: князь Святополк, замаливающий грехи и стремившийся укрепить свои позиции на Руси, князь Ярослав, ищущий через это обрести законность своей власти в Киеве,

или династия Рюриковичей в целом, намеревавшаяся освятить новое феодальное государство первыми династическими святыми? Однако все, что нам известно о канонизации святых в XI в., позволяет придти к единственному непредвзятому мнению. Прославление князей-мучеников как святых было не следствием сознательно спланированной идеологической акции, а результатом естественным образом сложившегося местного почитания. Его стержнем и главной формой были ежегодные заупокойные панихиды на месте погребения Бориса и Глеба в Вышгороде, главными действующими лицами этой истории были вышгородский клир и местная община, собиравшиеся на эти службы, а основой цикла агиографических произведений о свв. Борисе и Глебе должны были стать «вышгородские записки», составленные местными клириками, существование которых предчувствовали некоторые отечественные историки. Древняя Русь и династия Рюриковичей лишь впоследствии оказались вовлечены в этот процесс, потому что сопротивляться ему было невозможно, да и не нужно. Именно с этой вовлеченностью были связаны общегосударственные мероприятия по возведению новых храмов на месте упокоения князей в 1072 и 1115 г., как и включение сказания о свв. Борисе и Глебе в древнерусскую летопись.

Но насколько вообще потомки способны понять церковную жизнь своих предков во всей ее полноте и во всех ее проявлениях? Представляется, что это возможно лишь на основе личной честности исследователя, который должен прочесть исторический источник как глазами его современников, так и сквозь призму современного опыта осмысления прошлого. Вспомним уже упоминавшиеся события 1205 г., когда князь Константин Всеволодович отправился на свое короткое княжение в Новгород. Согласно древнейшему списку Новгородской Первой летописи середины XIV в., он въехал в города 20 марта, на память прп. Герасима Иорданского, однако Комиссионный список, появившийся в 1440-е гг., связывает этот день с иной церковной памятью – в этот день празднуются прпп. Иоанн, Сергей, Патрикий и прочие монахи, убитые в VIII в. в обители прп. Саввы Освященного в Святой земле¹⁴. Однако читатель, обратившийся к Лаврентьевской летописи, где также упоминается это событие, может быть обескуражен: здесь говорится, что Константин прибыл в Новгород в воскресенье на память свт. Никиты, архиепископа Аполлониадского, защищавшего иконопочитание в начале IX в.

Двадцатое марта 1205 г. действительно было воскресением, но, заглянув в современный церковный календарь, читатель будет уже просто поражен сделанным им «историческим открытием»: здесь, под 20 марта / 2 апреля он найдет и свт. Никиту, и палестинских преподобных, но никак не старца Герасима с его верным львом, который празднуется сегодня 4/17 марта. Однако делать вывод, что писец Синодального списка

---

¹⁴ ПВД. С.51, 247.

ошибся, рано. Дело в том, что в Византии, согласно Студийскому уставу, который употреблялся и на Руси в XI-XIV в., память прп. Герасима действительно приходилась на 20 марта! Лишь в конце XIV-XV в. его сменил устав Иерусалимский, созданный в Лавре прп. Саввы Освященного, в месяцеслове которого празднование святому Герасиму находилось уже на его сегодняшнем месте. В 1438-1443 гг. повелением архиепископа Евфимия II в Новгороде переписываются богослужебные книги для каждого месяца уже по новому календарю¹⁵. В соответствии с этим писец Комиссионного списка и исправил текст летописи. Разная среда, в которой создавались и переписывались владими́ро-суздальские и новгородские летописи: княжеско-владычная в одном случае, и епископско-монашеская в другом, обусловили внимание писца к разным святым, чья память приходилась на день исторического события. В Лаврентьевской летописи им оказался святитель, а в Новгородской приоритет был отдан монаху, основателю монастыря.

Перед нами – лишь один пример насыщенной интригами истории православного Новгорода. Однако интрига, заключающаяся в сюжете, требует соответствующей формы изложения. Каким образом возможно показать историю церковной жизни Господина Великого Новгорода во всей ее полноте, не выходя при этом за рамки монографического исследования? «Нервом» церковной истории всегда была черед архiereев, отражающая апостольское преемство епископской власти, которое традицией гарантирует истинность исповедуемой Церковью веры. Но епископ, возглавляющий местную общину, не действует в одиночестве. Он окружен не только городской общиной, но гораздо теснее – своим клиросом, формирующим его канцелярию и богослужебное окружение – Владычный двор, именованный в Средневековье домом Святой Софии.

В обществе эпохи поздней Античности церковные структуры формировались на основе семейных общин греческого полиса, приобретающих форму *domus ecclesiae* – домашней церкви, из которых складывалась ткань епископской *париклии* – будущей епархии в современном понимании этого слова. Такой «дом», по-гречески οἶκος, ляжет в основу не только такого понятия как «экономика», но и традиционного представления о церковной общине как особом доме – цельном социальном и хозяйственном организме, посвященном Богу. Основанный прп. Сергеем Радонежским монастырь будет именоваться «домом Святой Троицы», а обитель епископа Мартирия Рушанина в Старой Руссе во имя Преображения Господня станет «домом Святого Спаса».

Что представлял собой дом Святой Софии в Новгородском кремле? Впервые резиденция новгородского архiereя упоминается в 1136 г. как «епископль двор». До этого

---

¹⁵ Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки. М., 1989. С. 19-27.

времени здесь уже могли существовать Софийский храм и церковь свв. Богоотец Иоакима и Анны, а также, возможно, Никитский корпус, разобранный в 1670 г. «до средних сводов» и перестроенный при митрополите Питириме (1664-1672)¹⁶. Это строение могло возникнуть на месте одной из жилых или служебных построек рубежа XI-XII в., о чем свидетельствует его имя, в восточной оконечности Владычного двора. В западной части двора до середины XII в. не существовало устойчивой жилой или служебной застройки, а в предшествующее время эта зона была отмечена хозяйственной деятельностью и следами перепланировки территории¹⁷. К 1044 г. строительство княжеского Детинца завершает формирование «епископской цитадели», обычного для европейского города клерикального квартала.

Первые известия о резиденции епископа внешне не имеют ничего общего с церковной жизнью: если в 1136 г. владычный двор становится местом заключения князя Всеволода, то в 1142 г. здесь заточается князь Ростислав, в 1210 г. - князь Святослав, а в 1230 г. «владычная гридница» вновь становится местом пребывания княжича Ростислава. В 1228 г. на владычном дворе собирается вече, а в 1269 г. он превращается в мастерскую по починке военной техники - «пороков». Наместники великого князя Михаила в 1313 г. вновь оказываются узниками Владычного двора¹⁸.

На фоне такой социально-политической функции двора роль самого архиерея в его устройении представляется достаточно скромной: лишь в 1191 г. архиепископ Гавриил (1187-1193) ставит Сретенскую церковь «во дворе у себя». Возможно, с Владычным двором связано сооружение, существовавшее к 1211 г. и известное как «палата» архиепископа Митрофана (1200-1211), которое архиепископ Антоний (1211-1218) в том же году перестраивает в церковь «во имя святого Антония». Активное строительство архиереев на Владычном дворе начинается лишь с правлением архиепископа Василия Калики (1330-1352): в 1336 г. вокруг Софийского собора и, очевидно, самого двора возводится новая ограда, в 1341 г. здесь строится «терем великий», в 1350 г. – «палата каменная» на дворе рядом с церковью Рождества Христова; еще ранее какой-то «теремец» стоял на месте Входоиерусалимского храма, построенного в 1336 г. В 1388 г. упоминаются владычные сени, очевидно, как средоточие целого комплекса построек.

Архитектурное преображение Владычного двора продолжается и при архиепископе Евфимии II (1429-1458), при нем здесь возведено не менее 13 построек: в 1433 г. – новые «сени» или палата, позже названная «грановитой», которая в 1441 г., как и прежние «сени», была расписана; в 1435 г. - церковь свт. Иоанна Златоуста на воротах, в 1436 г. - часозвоня, в

¹⁶ Греков Б.Д. Новгородский Дом святой Софии. СПб., 1914. Т.1. С.29; Новгородские летописи. СПб., 1879. С.162.

¹⁷ Родионова М.А. Итоги археологических исследований на Владычном дворе в Новгородском Кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 25. Великий Новгород, 2011. С.57.

¹⁸ НПЛ. С.24, 26, 51, 68, 66, 86, 94.

1437 г. - церковь св. митрополита Петра на воротах, в 1440 г. - комната каменная «меньшая», в 1442 г. - церковь свт.Николая, каменные комната и поварня, в 1443 г. - каменные «духовница и сторожа», в 1445 г. - церковь свт. Евфимия «на сенях». Позднее, при архиепископе Ионе в 1463 и в 1466 гг. на Владычном дворе возводятся церкви прп. Сергия Радонежского и Богоявления Господня¹⁹.

В итоге владычный двор предстает перед нами как укрепленная внутригородская территория, занятая многочисленными храмами, службами и постройками, по аналогии с осадными дворами боярства в древнерусском городе или даже местным замком, и вбирающая в себя совокупность владычного духовенства и служилых людей²⁰. Подобная ситуация складывалась не только в Новгороде, но и вокруг Софийского собора в Киеве, который вместе с комплексом соборных и жилых строений опоясывала мощная крепостная стена, и в Переяславле Южном, где митрополит Ефрем еще до 1089 г заложил «град каменный» с епископскими воротами и надвратной церковью св. вмч. Феодора, в котором располагался Михайловский собор с «великой пристроеною», церковь св.ап.Андрея и «банное строение»²¹. К XVI - XVII вв. новгородский владычный двор превращается в замкнутый комплекс связанных между собой помещений и корпусов, располагавшийся на двух уровнях²².

Представлению о Владычном дворе как замке городского типа соответствует и характер выявленных здесь культурных отложений, свидетельствующий об этом участке как о городском усадебном комплексе, бытом которого во многом сходен с бытом прочих новгородских усадеб. Однако в обществе надежно укоренился стереотип, согласно которому архиерейская резиденция должна быть похожа на монастырь. Так было не всегда: церковная традиция предписывала резиденции епископа находиться рядом с кафедральным храмом, а детинец древнерусского города являлся в некотором роде его оградой²³. Новая «монастырская практика», окончательно сложившаяся в позднем средневековье, долго пробивала себе дорогу. В 1276 г. Константинопольский патриарший Синод, в ответ на

---

¹⁹ НПЛ. С.39, 52, 348, 354, 362, 416, 417, 419, 421, 423, 425; Новгородская вторая летопись. ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 172; Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Л., 1925. С. 456; 498; Летопись Авраамки. ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Ст. 219.

²⁰ Греков Б.Д. Новгородский Дом святой Софии. С.27-28, 65.

²¹ Киртичников А.Н. Ладога и Переяславль Южный - древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977. С.427-428; Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т.2. С.206-216.

²² Гордиенко Э.А. Владычная палата Новгородского Кремля. Новгород, 1991; Она же, Петрова Л.И. Опись вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари 1763 г. Публикация и комментарий // Новгородский исторический сборник. 5 (15). 1995. С.10. Рис.16, 17.

²³ Голубцов А.П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. С.38, 51-54.

недоумение Сарайского епископа Феогноста, который спрашивал, имеет ли право епископ устроить свою резиденцию в монастыре, однозначно разрешил такое совмещение²⁴.

Очевидно, что общественное сознание того времени воспринимало монастырь и владычный двор в существенном различии их социально-политических функций. Однако во второй половине XIII в. русский епископат, отстаивая свою юрисдикцию над монастырями, создавал прецеденты, основывая свои резиденции на территории монашеских общин. Эти прецеденты получили поддержку Патриаршего Синода, но не древнерусского общества. Можно вспомнить события 1312-1313 гг., когда в Новгороде архиепископ Давид основал Никольскую церковь «на своем дворище», а потом устроил в ней монастырь и вседневную службу. Речь шла именно о городском дворе, находящимся в собственности владыки, но никак не о Владычном дворе. Епископский двор явно рассматривался не как монашеская корпорация или личная резиденция, а как общественно-значимое место с определенными функциями. Учитывая особый патронат Святой Софии - Премудрости Божией над Новгородом и Новгородской землей²⁵, можно утверждать, что Владычный двор, в качестве такого общественно-значимого места, был своеобразной персонификацией новгородской Церкви, к которой тоже приложимо имя «дом Святой Софии». Это имя становится в настоящей книге символом взаимоотношений новгородского епископа и средневекового общества.

Для того, чтобы продемонстрировать особенности этих взаимоотношений, автор предлагает обратиться к наиболее спорным и наименее изученным вопросам истории новгородской Церкви с помощью серии очерков. В этих очерках мы постараемся, насколько возможно, придерживаться известной последовательности епископских правлений, предлагая краткую характеристику каждому из них на фоне присущих этой эпохе проблем. Сегодня эти исторические проблемы становятся проблемами историков, пытающихся не только правильно понять отголоски дошедших до нас исторических событий, но и увлечь этим читателя, сделав его соучастником исторического расследования, зачастую носящего характер захватывающего детектива.

Зачем епископа Феодора «уел» свой пес, и почему новгородские архиереи в XI в. так часто умирали в Киеве? В каком отношении к новгородской Церкви находится известный нам сегодня патриарший титул, включающий в себя упоминание «всех Русии»? Постоянные конфликты новгородских владык с митрополитами в Киеве и в Москве, были ли они связаны

---

²⁴ Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. (Памятники XI-XV вв.). С. А. Павлов (ред.). СПб., 1908. Ст. 137.

²⁵ Хорошев А. С. Новгородская святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 102-116; Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

с противостоянием «свободолюбивого Новгорода» и «князей-тиранов»? Сколько лет могло быть епископу Никите в момент его кончины, и почему его печать была найдена за многие сотни километров от Новгорода, а архиепископ Нифонт освящал антиминос с разрешения Ростовского епископа Нестора? Почему епископ Иван Попьян был вычеркнут из истории новгородской Церкви, и какую роль в этой истории сыграло княжеское «спонсорство»? Избрание епископов на вече - было ли оно следствием демократических процедур, существовавших в этой «боярской республике», и был ли епископ Илья действительно избран этим вечем? Почему «коллорационист» и «тиран» Александр Невский – святой, и как вообще становились святыми в средневековом Новгороде? Икона Софии-Премудрости Божией в виде огнекрылого ангела – что она изображает, и какое отношение имеет к ней архиепископ Алексей? Зачем новгородцы, с благословения архиепископов, приглашали к себе на службу литовских князей и польских королей, и были ли они изменниками Православия, сослужа Литовским митрополитам Герасиму, Григорию и Спиридону? Кем приходился новгородский архиепископ Евфимий Брадатый новгородскому «олигарху» Оницифору Лукичу? Были ли новгородцы действительно «еретиками», «язычниками» и «колдунами», как их именовали великокняжеские чиновники из Москвы, и почему архиепископ Геннадий Гонзов не только не участвовал вместе с прп. Иосифом Волоцким в новой компании против «жидовствующих», но и был лишен кафедры? Действительно ли в истории имели место «канонизационные соборы» св. митрополита Макария, и почему присланные из Москвы новгородские владыки в одночасье становились поборниками свободы и независимости?

В центре этих проблем оказывался Владычный двор, отношения которого с современниками и определяли историю дома Святой Софии. Эта история еще долго будет ставить перед нами все новые и новые вопросы. Потому что только неинтересные вопросы, обращенные к прошлому, имеют простые и исчерпывающие ответы...

ОЧЕРК I МЕТАМОРФОЗЫ «ТЕМНОГО ВРЕМЕНИ»

Если в русской истории и есть «темные века», то это, несомненно, эпоха Владимира Святого и Ярослава Мудрого. События и процессы этого времени трудно «прочитать» и реконструировать. Все это свидетельствует о том, что культура Древней Руси, как и сама страна и населяющие ее народы, находилась в стадии становления, поиска своих идеальных форм для будущей истории. Парадоксальным образом среди дошедших до нас свидетельств этой эпохи отсутствует то, что, казалось бы, обязательно должно сохраняться в христианском обществе – епископские диптихи. Так, последовательность митрополитов Киевских оказалось возможным восстановить лишь в результате кропотливого труда современных историков. Имя первого предстоятеля Русской Церкви – архиепископа Феофилакта, очевидно, возглавлявшего посольство императора Василия II на Русь в 988 г., и впоследствии переведенного на новую кафедру из Севастии Армянской, вообще оказалось забыто церковной традицией²⁶. Его место занял изобретенный в XV в. средневековым книжником Михаил, фантом, который сегодня удостоился в Московском Патриархате титула «первого митрополита Киевского».

Быть может, это имя было внесено в искусственно созданный диптих русских митрополитов и в поздние редакции церковного Устава князя Владимира Святого XV – XVI в. под влиянием реформаторской деятельности митрополита Михаила I, занимавшего Киевскую кафедру в 1130-1145 гг. Оно встречается в Уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленской кафедре²⁷, т.е. в том же правовом контексте, что и во Владимировом Уставе. Возможно, первым документом, «совместившим» двух Михаилов, был принятый в Новгороде Устав князя Всеволода о церковных судах²⁸. Еще более загадочно появление в этой истории некоего Леонтия, который в качестве первого русского митрополита встречается в Уставе князя Владимира, переписанного в Новгороде в XIV в. Этот документ противоестественным образом делает современниками князя Владимира Святого и св. патриарха Фотия. В русской письменности Леонтий иногда предшествует Михаилу, как это можно видеть в Печерской редакции Устава, а иногда наследует его кафедру, как считает Троицкая версия²⁹. Был ли этот Леонтий тем епископом, который отправился к русам при императоре Василии I Македонянине, и чье имя сохранила

---

²⁶ *Поппэ А.В.* Митрополиты Киевские и вся Русь (988-1305 гг.) // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996. С. 446-471; *Турилов А.А.* Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси // *Вестник церковной истории.* 1/2 (17/18). 2010. С. 152, 171.

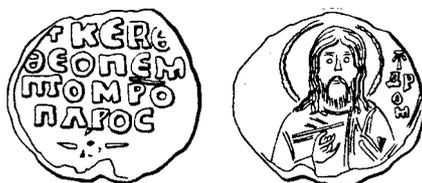
²⁷ *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI-XV в. М., 1976. С.144, 145.

²⁸ Там же. С.154.

²⁹ *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы.... С.72, 73, 76.

византийская традиция, перенесенная некогда на Русь, или же он вошел в русскую историю иначе, мы наверняка никогда не узнаем.

В Новгороде середины XV в. одновременно придерживались двух разных версий: первым киевским митрополитом могли считать как сомнительного Леона, взятого из текста Устава, так и вполне реального Феопемта, заимствованного из текста ПВЛ под 1039 г³⁰.

Печать митрополита Киевского Феопемта. 1030-1040-е гг.

Однако истории самой новгородской кафедры в этом смысле повезло куда больше. Ее диптихи сохранились и представлены несколькими редакциями, которые не противоречат друг другу³¹. В XI в. преемство епископской власти здесь выглядело следующим образом: епископ Иоаким Корсунянин, управлявший кафедрой 42 года (989-1030 гг.); Ефрем, «иже нас учаше», скорее всего, *locum tenens* (1030-1035/1036 гг.); Лука, бывший епископом 23 года (1035/1036 – 1058/1059 гг.), единственный, для которого одновременно указан день кончины - 15 октября, ее место – древнерусский город Копысь на Днепре и место погребения – «за святой Софьею в Новгороде»; Стефан, бывший в епископии 8 лет, которого в Киеве «свои холопы удавиша» (1060/1061 - 1068 гг.); Феодор, который был епископом 9 лет и умер от того, что его «свой пес уяде» (1069-1077 гг.); Герман, епископствовавший 18 лет и по странному совпадению, как и Стефан, скончавшийся в Киеве (1078-1096 гг.); и Никита, управлявший кафедрой 13 лет (1096-1108 гг.) и погребенный, согласно летописи, в Софийском соборе, в приделе свв. Иоакима и Анны³².

Уникальные бытовые подробности, отсутствующие в раннем летописании, свидетельствуют, что этот список возник на основе устного предания дома Святой Софии. Это предание оказалось записано в Пространной редакцией списка новгородских владык между временем кончины архиепископа Давида (†1325), поскольку именно этим событием обрывается редакция, содержащаяся в Новороссийском списке Новгородской 4 летописи и

³⁰ НПЛ. С.163, 473; ПСРЛ. Т.1. С.153

³¹ Хорошев А.С. Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник. 2(12). 1984. С. 127-142; Гимон Т.В. События XI-начала XII вв. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы-2010. М., 2012 (в печати). Я искренне благодарен автору последней статьи, с содержанием которой я смог познакомиться до выхода публикации в свет.

³² НПЛ. С.473.

Уваровском списке Ермолинского летописца³³, и 1352 г., когда еще были живы оба преемника Давида на кафедре – Моисей и Василий Калика. Появившаяся на ее основе Погодная редакция есть лишь умозрительная реконструкция книжка XV в., использовавшего данные летописи. Однако были ли эти подробности влиты в уже существовавший синодик новгородских владык или же такой перечень с фольклорными деталями впервые возник в XIV в.?

Представляется, что если в основе такого списка и лежал синодик дома Святой Софии, то это был не помянник с точными датами кончины каждого епископа, предназначенный для ежегодного совершения заупокойных служб, но текст, который зачитывался в Софийском соборе на Торжество Православия в первое воскресенье Великого Поста³⁴. Этот перечень не предполагал никаких подробностей кроме имен почивших, которым возглашалась «Вечная память». Именно в таком виде перечни киевских митрополитов и новгородских архиереев и посадников присутствуют в Комиссионном списке НПЛ, которые так же могут восходить к этому чину. Здесь, кстати, не упоминается Арсений, которому там быть не положено как не получившему хиротонии, а епископ Иоанн Попьян был туда вставлен, судя по всему, лишь впоследствии, в XV в., ради «исторической правды», непосредственно из летописи. Он действительно был епископом в Новгороде, но в силу отказа от кафедры лишился права на поминовение. Только потом, на основе чина Торжества Православия был создан синодикальный перечень новгородских владык, который включил в себя как фольклорные подробности, так и летописные известия, в том числе и специально высчитанные сроки святительства каждого архиерея.

Из всего сказанного следует несколько выводов, касающиеся истории дома Святой Софии в XI в. Сам «дом» еще «строился», что хорошо соответствует имеющемуся археологическому знанию. Здесь не существовало не только летописания, но и стабильной канцелярии, способной фиксировать даты кончины святителей для будущих панихид. Канцелярия, очевидно, представленная владычным духовенством, клиросом, приходила и уходила вместе со своими архиереями. Вряд ли изменения в перечне владык, связанные с новым характером подачи информации о владыках, занимавших кафедру с рубежа XI-XII вв., которая упоминала дату их кончины и место погребения, фиксируют время составления первой редакции списка. Эти подробности могли быть обусловлены началом владычного летописания в Новгороде в 1110-х гг. и сопровождавшей кристаллизацией исторической памяти софийского клироса, откуда они были позднее заимствованы автором списка.

---

³³ Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 625.

³⁴ *Никольский К.*, священник. Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о чине Православия. СПб, 1879; *Успенский Ф.И.* Синодик в Неделю Православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893.

Сам же перечень, в силу его предполагаемой связи с чином Торжества Православия в принципе не должен был иметь конкретной даты своего редактирования: имена добавлялись в чин после обновления кафедры. Возможно, он был внесен во владычную летопись в момент создания гипотетического «свода 1167 г.», будучи доведенным до епископа Аркадия. Однако длительное сохранение устного предания свидетельствует, что в Новгороде уже происходило складывание местной общины. Выражение «иже ны учаше», относящееся к местоблюстителю Ефрему, совсем необязательно должно быть связано со свидетелем событий. «Величественное множество», скрывающееся за местоимением «мы» лишь указывает на формирование церковной памяти, позволяющей члену Церкви причислить себя к единому потоку священной истории. Именно она позволяла церковным писателям эпохи средневековья вопрошать воображаемого или реального собеседника: «А помнишь как на Первом Вселенском соборе, иже в Нике... ?». Возможно, эта память до определенного времени сохранялась даже не столько в Софийском соборе, сколько в новгородских монашеских общинах, например в Юрьевом монастыре, в интересах которого в XII-XIII в. на основе владычной летописи мог быть создан самостоятельный свод.

Юрьев монастырь под Новгородом. Современная аэрофотосъемка.

Впрочем, главный вопрос истории Новгородской церкви конца X – XI вв. даже не в том, кто и как управлял епархией, а чем и кем, собственно, приходилось управлять. С точки зрения истории церковной организации весьма важно представить, по какому принципу были объединены первые новгородские христиане в евхаристические общины. Основанные на византийских принципах церковно-административные округа были на Руси искусственно

наложены на естественно сформировавшиеся общины и земли, из которых состояло раннефеодальное общество. В этой связи применение таких терминов как «епархия» и «приход» по отношению к древнерусским реалиям нуждается в ряде ограничений. «Приход», искусственно объединяющий христиан, объединенных местом проживания и иногда профессией, впервые упоминается в письменных памятниках лишь в 1485 г. Это была сознательно созданная государством церковная структура³⁵. Устав князя Ярослава Мудрого о митрополичьих судах говорит не о приходе, а о «пределе - переезде - уезде»³⁶, кальке греческого термина для обозначения церковной общины, который в Российском государстве конца XV-XVI в. превратился в административно-территориальный округ. Существовала еще «покаяльная семья», вообще независимая от территориальных границ, о которой в своих канонических ответах упоминает новгородский епископ Нифонт (1130-1156 гг.)³⁷.

Какова была структура новгородского общества того времени? Известно, что под защитой I статьи Правды Русской в XI в. состояли «русин» как представитель протофеодального военно-дружинного и торгово-административного слоя, концентрировавшегося вокруг князя, «словенин», относящийся к славянской патронимии, и «изгой», являвшийся лично свободным, но вышедшим из общины жизнеспособным феноменом³⁸. Вероятно, кодификация Русской Правды была непосредственно связана с событиями новгородской истории, когда князь Ярослав, в условиях союза с Новгородом во время гражданской войны 1015-1019 гг., был вынужден уравнивать в правах своих «русов» и «варягов» с членами новгородских славиний и подтвердить городские права «грамотами Ярославлими», на которых впоследствии основывались отношения города и его сеньора.

Принято считать, что социальную основу Новгорода как раз и составляла славянская патронимия, представлявшая родовую аристократию, которая в условиях городского землевладения формирует комплекс усадеб единой владельческой принадлежности, имеющий наследственный характер³⁹. Однако рядом существовала и другая не менее значимая общественная сила - связанные с князем служилое боярство и дружина, к которой тесно примыкала сотенная организация населения. Уже в 930-950 гг., т.е. с самого начала

---

³⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. М., 1964. Т.3. С.369.

³⁶ Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы... С.89, 98, 106; Памятники древнерусского канонического права. Ч.I...Ст.108.

³⁷ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. М., 1913. С.45, 176-177.

³⁸ Лебедев Г.С. Комментарий к статье I Русской Правды краткой редакции // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып.10. Л., 1987. С.78-84.

³⁹ Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. 1(11). 1982. С.89.

существования Новгорода, среди его жителей были скандинавы, пополнявшие княжескую «русь» и практиковавшие характерные для северного язычества культы⁴⁰.

В «Правде Русской» есть одна поразительная вещь, на которую исследователи не обращали должного внимания: этот закон еще не знает клириков как самостоятельный субъект права. Очевидно, что существование двух социально-правовых систем - княжеской и общинной, препятствовало формированию самостоятельного сословия духовенства в Древней Руси, которое было бы подчинено местному епископу. Следовательно, в древнерусский период основой церковной жизни были существующие подразделения социально-политической организации общества, представленные княжеским двором, городской сотней или боярской патронимией, население которых группировалось вокруг принадлежащего к этой организации священника. Еще в XIII в. эта архаичная ситуация, в которой на Руси в священство рукополагали холопов, вызывала озабоченность Вселенских патриархов⁴¹. Отдельно существовала община городского собора, прообраз дома Святой Софии, представленная епископом и его окружением, «софиянами» – клиром и горожанами, скрепленными с ними разными видами социальных связей, вплоть до личной зависимости.

Новгородские летописи не всегда позволяют напрямую отождествить конкретный храм с «княжеской» или «боярской» общиной, а новгородская археология не выявила до настоящего времени «частные церкви» на раскопанных усадьбах⁴². Однако существование подобных храмов в Древней Руси хорошо известно⁴³. Судя по всему, ранние деревянные церкви XI в. возникали на границах уже освоенных «пятен» городской застройки, на тех самых местах, где их позднее сменяют каменные храмы. Равным образом можно говорить о том, что на Торговой стороне на правом берегу Волхова селилось преимущественно сотенное население, о чем свидетельствует достаточно скромный быт исследованных здесь усадеб, и строились по преимуществу княжеские храмы. В XI в. здесь мог возникнуть храм во имя св. вмч. Дмитрия, почитание которого было связано с семейством князя Изъяслава Ярославича, в 1113 г. строится княжеский Никольский собор, а в 1127 г. на двореце своего соратника Петряты князь Всеволод начинает строительство каменного храма во имя св. Иоанна Предтечи.

Храмы, которые мы условно называем «сотенными», предназначенными для молитвы общин, связанных с князем, появлялись и на Софийской стороне. Возможно, с победой Глеба

---

⁴⁰ Мусин А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. 2. 2012. С.562-566.

⁴¹ Памятники древнерусского канонического права... С. 79-84.

⁴² Подробнее: Мусин А.Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого: источники и исследования. В.Л. Янин (ред.). Великий Новгород, 2010. С.155-197.

⁴³ Стефанович П.С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 1(5). 2007. С. 117-133.

Святославича над князем Всеславом в 1069 г., пришедшейся на память св. ап. Иакова⁴⁴, связано строительство Яковлевской церкви в Неревском конце. Не позднее начала XII в. на северной оконечности того же конца появляется Дмитриевская церковь княжеского человека Ноздрицы. В связи с закладкой князем Мстиславом Владимировичем нового кремля в 1116 г., сразу после победы над чюдью на память 40 мучеников Севастийских, можно говорить о строительстве к северу от него деревянного храма в честь этих святых. Ктиторм этой церкви в начале XIII в. был новгородский тысяцкий.

Сложнее идентифицировать «боярские» церкви. В Неревском конце это могла быть существовавшая к XII в. Козмодемьянская церковь - общинный храм аристократов Мишиничей-Оницифоровичей. В Людином конце с боярскими патронимиями могли быть связаны церковь свщмч. Власия на Волосовой улице и монастырь св. вмч. Варвары на Черницыне улице, история которых должна восходить к XI в. Впрочем, большая часть «боярских церквей» могла располагаться в ближайших к городу селах, как это было с храмом свв. апп. Петра и Павла, построенном в 1092 г. жителями Лукиной улицы на Сильнице, где существовало поселение X-XI в. К концу XII в. церковь во имя св. вмч. Георгия стояла в Слудице, родовом селе неревского боярина, ставшего прп. Варлаамом Хутынским. Еще до 1189 г. появилась церковь во имя свв. Трех отроков на Жатуне на реке Веряже, где еще в XVII в. проходил путь из Новгорода на Руссу и Псков, память о которой сохранилось в названиях современных деревень Новгородского района - Три отрока и Желкун. Церковь должна была появиться в селе, связанным с боярами Прусской улицы и их родовым храмом в честь св. архангела Михаила⁴⁵. Быть может, ранняя боярская церковь существовала в Деревяницах, по соседству с христианским кладбищем XI-XII в., которое сформировалось вокруг снесенной до основания сопки, погребального памятника, традиционно связываемого со славянской аристократией.

Лишь со временем в результате усилий церковной иерархии и княжеской власти традиционное право уступило церковному и произошла «социальная нивелировка» христианских общин. Не позднее первой половины XII в. появилось «Правило о церковных людях», стремившееся вывести древнерусское духовенство за рамки существующей схемы социальных отношений⁴⁶. Этот процесс, в своих основных направлениях совпадающий с усилиями великокняжеской власти по созданию централизованного государства, и привел к образованию классического русского прихода XV-XVII вв. Роль епископа и связанного с ним дома Святой Софии в этих событиях трудно переоценить. Ключевое место в превращении Новгорода в христианский город принадлежат Владычному двору в

---

⁴⁴ НПЛ. С.17.

⁴⁵ НПЛ. С. 39, 59, 230, 250.

⁴⁶ *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси. XI-XIV вв. М., 1972. С. 37-38, 118-121.

новгородском Детинце, где дубовый Софийский храм, епископская домовая церковь свв.Иоакима и Анны и Пискупля улица возникают практически синхронно основанию княжеского двора на Торговой стороне. Исследования показывают, что епископский комплекс возник на уже обжитой в третьей четверти X в. территории Софийского холма. Одним из первоначальных слагаемых общественно-политического статуса Владычного двора была княжеская собственность на градскую землю, как это имело место в Смоленске, где князь Ростислав Мстиславич не позднее 1150 г. передал городской холм собору и епископу, и в Европе, где подобные анклавы возникают исключительно на королевской или княжеской земле. В 1044 и 1116 г. князья опоясывают Владычный двор и Софийский холм новыми стенами. Однако память о подвластной Рюриковичам земле прочно сохранялась в новгородском обществе. В источниках между 1339 г. и 1535 г. упоминается Околоток, территория которого надежно реконструируется в пределах Малого Земляного города 1582 г. и современного Кремлевского парка. Он полукольцом обнимал не только Владычный двор и Детинец, заполняя пространство между боярскими поселками и тем самым очерчивая территорию изначальной княжеской юрисдикции в Новгороде.

Вид на Софийский собор и Владычный двор с новгородской часозвони. 1900-е гг.

Чем был Софийский холм, находившийся под княжеской властью, в дохристианскую эпоху? Представляется, что именно здесь, «над Волховом», а отнюдь не в урочище Перынь, расположенном «над Ильменем», Добрыня ставит в 980 г. идол Перуна. Очевидно, что Перынь, вокруг которой расположились княжеские земли – Городище, Юрьев монастырь, село Ракома и многочисленные славянские поселения, возникает как святилище еще в IX-X вв. К тому же появление здесь идола Перуна противоречит сути языческой реформы 980 г., поскольку ее целью была попытка сделать княжеский культ всенародным. Гораздо более логичной выглядит проставление Перуна для населения нового города на Софийском холме,

тем более, что здесь, несколько южнее, мог располагаться языческий некрополь по обряду кремации⁴⁷. В 988 - 992 гг. эта сакральная территория под княжеским патронатом могла перейти к епископу.

Если о первом новгородском епископе Иоакиме нам практически ничего неизвестно, кроме его предположительно херсонесско-корсунского происхождения, то его преемник по кафедре Лука Жидята, поставленный на кафедру князем Ярославом в 1036 г., более историчен. Он должен был родиться уже в христианской Руси около 1000 г.: дата его рождения вычисляется на основе канонического возраста возведения в архиерейские достоинство - 30-35 лет. Его утверждение на кафедре произошло вместе с посажением на новгородский стол князя Владимира Ярославича, что было связано с широкими административно-политическими реформами и централизацией княжеской власти в Новгороде и в Пскове. Сведений о новгородском происхождении Луки у нас нет, а его патроним происходит от непривычного сегодня славянского имени Жидислав⁴⁸.

Чудо от иконы Знамение. 1170 г. Лицевой летописный свод. Лаптевский том. XVI в.

⁴⁷ Алешковский М.Х. Отчет об археологических раскопках на территории Новгородского Кремля в июне-августе 1959 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. Д. № 1985.

⁴⁸ Соболевский А.И. Заметки о собственных именах. 4. Жидята // Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Сборник Отделения русского языка и словесности. 88 (3). 1910. С.255-256.

Со временем правления епископа Луки может быть связано важное событие в истории Новгорода – появление в городе урочища «Десятина», где впоследствии совершится чудо от иконы Знамение и возникнет Десятинный монастырь. Легенда о Десятинном монастыре, якобы основанном в 989 г. Иоакимом Корсунянином, присутствует только в поздней летописи Авраамки⁴⁹. Само название «Десятинный монастырь» появляется лишь во второй половине XV в., тогда как в 1327, 1391 и 1413 гг. говорится о строительстве или перестройках церкви «на Десятине» или «в Десятине», т.е. городском урочище, носящем такое имя. Известно, что церковь Рождества Божией Матери возникает при архиепископе Моисее в 1327 г. трудами «княгини Святославлви». В 1397 г. боярин Исак Акинфович строит здесь каменный храм, в 1413 г. другой боярин Иван Морозов ставит здесь новую каменную церковь в честь зачатия св.Иоанна Предтечи. К середине XV в. здесь существует женский монастырь, а престол Иоанна Предтечи становится придельным в храме Рождества Богородицы⁵⁰.

Археологические исследования в непосредственной близости от монастыря показали, что городская застройка с ведущими к выезду из города улицами существует здесь уже в XI в., а в 1040-х гг. появляется «поруб» - средневековая тюрьма. Характер материальной культуры этого квартала с многочисленными пломбами и торговым инвентарем, а также «пограничное» расположение этого пространства у городской черты свидетельствуют, что мы имеем дело с комплексом мытни-таможни, традиционно располагавшейся у выезда из города, который должен был находиться в конце Прусской улицы. Отсюда начинался «Русский путь» в Руссу и Псков. Это объясняет, почему именно сюда зимой 1169-1170 гг. подошел князь Андрей Боголюбский со своими союзниками: придя к официальному въезду, «городским воротам», он потребовал, как обычный сюзерен от своего вассала, ключи от города. Сюда же, на переговоры с князем, с уже чтимой в Новгороде иконой, пришел и архиепископ Илья. Наша гипотеза о том, что эта значимость урочища была связана с расположением здесь городской таможни, подкрепляется и его названием – «Десятина». Речь идет именно о мытной десятине, а не о десятине Устава князя Владимира Святого 996 г. Из источников известно, что в середине XI в. князь Ярослав Мудрый своим уставом о святительских судах передает епископату право собирать таможенный налог в виде «десятой недели мыта»⁵¹. Быть может, именно этот Устав упоминается в сообщении Новгородско-Софийская группы летописей под 1036 г., когда после утверждения в Новгороде князя Владимира и епископа Луки Ярослав Мудрый «написал людям грамоту и сказал: “По сей грамоте давайте дань”». В полном соответствии с княжеским Уставом епископ Лука Жидята

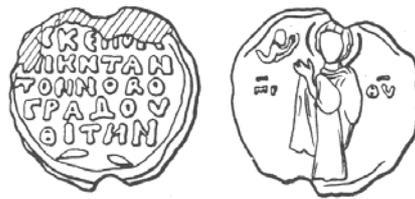
---

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб.40.

⁵⁰ НПЛ. С.98, 388, 404.

⁵¹ *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы.... С.86.

устроил собственную мытню у восточных городских ворот. Территория рядом с будущим валом и Прусскими воротами отошла в собственность Церкви и получила соответствующее название. Стоит добавить, что мы считаем возможным связать строительство храма Рождества Богородицы на Десятине в 1327 г. с конкретной «княгиней Святославлей». Это Анна, вдова брянского князя Святослава Глебовича (†1310), сына Глеба Ростиславича (†1278), внука Ростислава Мстиславича Смоленского. Она оказывается единственной женой или вдовой князя Святослава, подходящей на эту роль. Ее сын, Феодор Святославич, князь Дорогобужский, в 1326 г. приезжал в Новгород заключать мир от имени князя Гедемина, будучи членом литовского посольства⁵².

Печать епископа Новгородского Никиты. 1096-1108 гг.

Другим исторически осязаемым епископом XI в. является Никита, из пострижеников Киево-Печерского монастыря. Подробности его жития известны из Печерского патерика. Он же является единственным архиереем, от делопроизводства которого сохранилась уникальная вислая печать, найденная на селище недалеко от Юрьева-Польского во Владимирском ополье, где изображена Богоматерь Халкопратийская, а сам епископ назван «пастырем новгородским»⁵³. Историческая осязаемость Никиты связана еще и с тем, что до нашего времени сохранились его мощи, обретенные в 1558 г. Состояние найденных останков и их сохранность заставили некоторых исследователей поставить вопрос о возможной фальсификации и подмене мощей в XVI в. Антропологическое заключение позволило утверждать, что останки принадлежат скорее юноше, либо субъекту «более старшего возраста евнухоидной конституции», тогда как к моменту смерти Никите якобы не могло быть менее 50 лет⁵⁴.

Однако, с учетом знания исторических и канонических реалий получается, что могло. В момент поставления Никиты на кафедру в 1096 г. ему не должно было быть меньше 30-35 лет, т.е. родиться он был должен не позднее 1060-1065 гг. Из Киево-Печерского патерика известно, что около 1078 г. во времена игумена Иоанна он был «юн», т.е. вполне мог иметь возраст 13-18 лет. Для средневековой Руси это были обычные лета для новоначального монаха. Так, согласно Житию св.митрополита Петра (1308-1326), игумена Ратского, во время

⁵² НПЛ. С. 98; Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. ПСРЛ. Т.43. М., 2004. С.109.

⁵³ Гайдуков П. Г., Янин В.Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 21. 2007. С.146, 148. Рис.12. №53а.

⁵⁴ Янин В.Л. Некрополь Софийского собора: церковное предание и историческое критика. М., 1988. С. 169-181.

поступления в монастырь ему было 12 лет. Следовательно, в момент кончины в 1108 г. Никите могло быть 42-48 лет, что не противоречит как антропологическому заключению, так и принятому в иконографии описанию: «святитель млад, без броды».

Остальные новгородские святители XI в. почти не отразились в современных им источниках. Однако не только эта черта объединяет их судьбы. Их притягивал Киев как место окончания своей земной жизни. В Киеве умерли Стефан и Герман, а Лука преставился по пути из Киева. К тому же в судьбе Луки и Стефана роковую роль сыграли собственные холопы. Лука был оклеветан своим холопом Дудикой, тогда как холопы Стефана удавили своего господина. Известно, что епископ Лука в 1055 г. был вызван в Киев митрополитом Ефремом (*circa* 1055 - *circa* 1061), где был предан суду и временно отстранен от управления кафедрой. Через 3 года обвинения были сняты, Лука был возвращен в Новгород, оклеветавший его холоп, подвергнутый членовредительскому наказанию согласно византийскому праву, бежал за границу. Характер конфликта между Лукой и киевским митрополитом остается неясным, но возникает закономерный вопрос, насколько мирным были визиты в «Русьскую землю» Стефан и Германа, которые нашли там свою кончину при митрополитах Георгии (*circa* 1065 – *circa* 1076) и Николае (*circa* 1093 – *taq* 1104)? Рискнем предположить, что если известная нам автономия Новгородской земли от Киевской Руси была частью древнерусской конституции, то существование в Восточной Европе единой митрополии *Росия*, входящей во Вселенский Патриархат, никак, с точки зрения церковного права, не предполагало особого статуса составлявших ее епархий. Считается, что прибавка «всех Руси» к титулу митрополита Киевского появилась только в 1160-х гг. после объединения митрополии, длительное время расколотой неканоническим избранием Климента Смолятича. Однако этот титул использовался уже князем Всеволодом Ярославичем († 1093), который именовал себя «архонтом всей *Росии*», что известно благодаря его печатям⁵⁵. Исследователи датируют появление этого титула окончанием правления триумvirата Ярославичей в 1078 г. Однако его характер предполагает, что его происхождение может быть связано с церковной титулатурой, предположительно имевшей отношение к митрополитам Киевским. Если социально-политическая раздробленность Руси была привычным явлением для Восточной Европы, то Вселенский патриархат, судя по всему, не собирался мириться с ней, поставляя епископа для «всей Руси» или, точнее для «всех русов». Особенности политического положения Новгорода в Древней Руси должны были определенным образом повлиять на позицию новгородских епископов, стремившихся утвердить похожие отношения в рамках единой Церкви. Это могло было вызвать

---

⁵⁵ Soloviev A. V. Un sceau gréco-russe au XIe siècle // Byzantion : Revue internationale des études byzantines. 40. 1970. P. 435-436.

соответствующую реакцию киевских митрополитов-греков, жертвами которой могли стать Лука, Стефан и Герман соответственно в 1055, 1068 и 1095 гг.

В истории новгородской кафедры есть еще одна загадочная смерть. Епископ Феодор, на время правления которого пришелся языческий бунт 1071 г., разделивший новгородцев на дружину во главе с князем и епископом и горожан во главе с волхвом, был «уяден» собственным псом. Скрывается ли что-то особенное за этой уникальной бытовой подробностью, которая в глазах современного читателя способна задеть епископское достоинство покойного? Известно, что собака в Византии рассматривалась как животное нечистое. Греки упрекали латинян, что те «едят с псы в едином сосуде»⁵⁶. На Руси подобный взгляд на собаку, возможно, восходящий к языческой архаике, тоже был хорошо известен⁵⁷. Если собака заходила в церковь, то храм после этого подлежал повторному освящению⁵⁸. Средневековый клирик и монах не имел права держать у себя в жилище собаку. Не нарушил ли владыка Федор принятые в то время общественные нормы? В любом случае, смерть от нечистого животного превращала умершего в «заложного» покойника, недостойного христианского погребения, что могло отражать конфликт епископа и его новгородцев. Однако нельзя забывать, что пес в христианской культуре является устойчивым символом язычника, демонического начала, восходящим к знаменитому изречению Христа «не давайте святыни псам» (Мф.7: 6). Некоторые исследователи считают, что одно из реконструируемых божеств славянской мифологии – Симаргл - отличалось «собакообразием»⁵⁹. Следовательно, в глазах современников смерть епископа, противостоящего язычникам, от пса, символа язычества, могла приобрести мифо-эпическую интерпретацию, которая и позволила стать этому известию частью устной традиции. Подобным образом смерть князя Олега Вещего от коня и змеи ассоциировалась с конфликтом между князем и жрецом-волхвом.

Подведем краткие итоги. В XI в. дом святой Софии еще находился в стадии становления и поисках форм сохранения исторической памяти, которые могли быть как вполне характерными для христианского общества, так и реализовывать себя в эпических формах, присущих человеческой архаике. В то же время Владычный двор постепенно превращается в центр преобразования городской среды, выстраивая свои отношения как с горожанами, так и с Рюриковичами и Киевским митрополитами. Утверждению этих отношений и будут посвящены события XII в.

---

⁵⁶ Павлов С.А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 195.

⁵⁷ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т.2. С.84-100.

⁵⁸ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С.148.

⁵⁹ Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Л., 1937; Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Перепплут // Советская археология. 2. 1967. С.91-116. Критику см.: Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. М., 1999.

ОЧЕРК II ТАИНСТВЕННАЯ АНАФЕМА

Отношения новгородских епископов с русскими князьями, создавших систему материального обеспечения молодой Церкви, зачастую складывались не просто. Непростой была и судьба епископа Иоанна Попьяна, который прибыл в Новгород после епископа Никиты 20 декабря 1110 г. Однако несмотря на активное церковное строительство в 1110 - 1120-х гг., зачало владычного летописания и кристаллизацию отношений новгородцев и Рюриковичей, пришедшиеся на период его святительства, епископ совершенно не упоминается на страницах летописи. Лишь под 1130 г. здесь сообщается: «В се же лето отвержеса архиепископ Иоанн Новгорода, и поставиша архиепископа Нифонта». Список епископов середины XV в. уточняет: «Иван Попьян, седев 20 лет, отвержеса архиепископя, сего не поминают», т.е. его имя было вычеркнуто из чина Торжества Православия и более не возглашалось публично среди имен других новгородских владык. Древнейший синодик, составленный в конце XIV в Лисицком монастыре, не упоминает его имени вообще⁶⁰.

Вместе с тем ряд псковских синодиков XVI-XVII в. называет Иоанна в числе поминаемых архиереев⁶¹. Однако существуют свидетельства, что во Пскове XVI в. исторические подробности, связанные с епископом Иоанном, были уже забыты. В некоторых редакциях жития архиепископа Нифонта, составленного псковским священником Василием в 1558 г., можно прочесть, что «блаженный Иоанн, ... ослабев в силах, оставил епископский престол и удалился в монастырь». Так не раз бывало в истории, особенно в истории позднего средневековья, но к нашей истории это не имеет никакого отношения. Обстоятельства «отвержения» Иоанна исключают возможность его удаления «на покой» в псковский Мирожский монастырь, якобы основанный им еще в начале 1120-х гг.⁶².

Причины «отвержения» епископа Иоанна неоднократно становились предметом изучения отечественных исследователей. Епископа считали то сторонником князя, вступившим в конфликт со свободолюбивыми новгородцами, которые изгнали его из города и вычеркнули его имя из летописи, то поборником новгородских свобод, противостоявшим княжеской тирании и от нее пострадавшим⁶³. Исследователи писали и о стремлении епископа к независимости от Киевского митрополита и даже от Константинопольского патриарха, привлекая для этого сохранившиеся свинцовые печати епископа, оформление

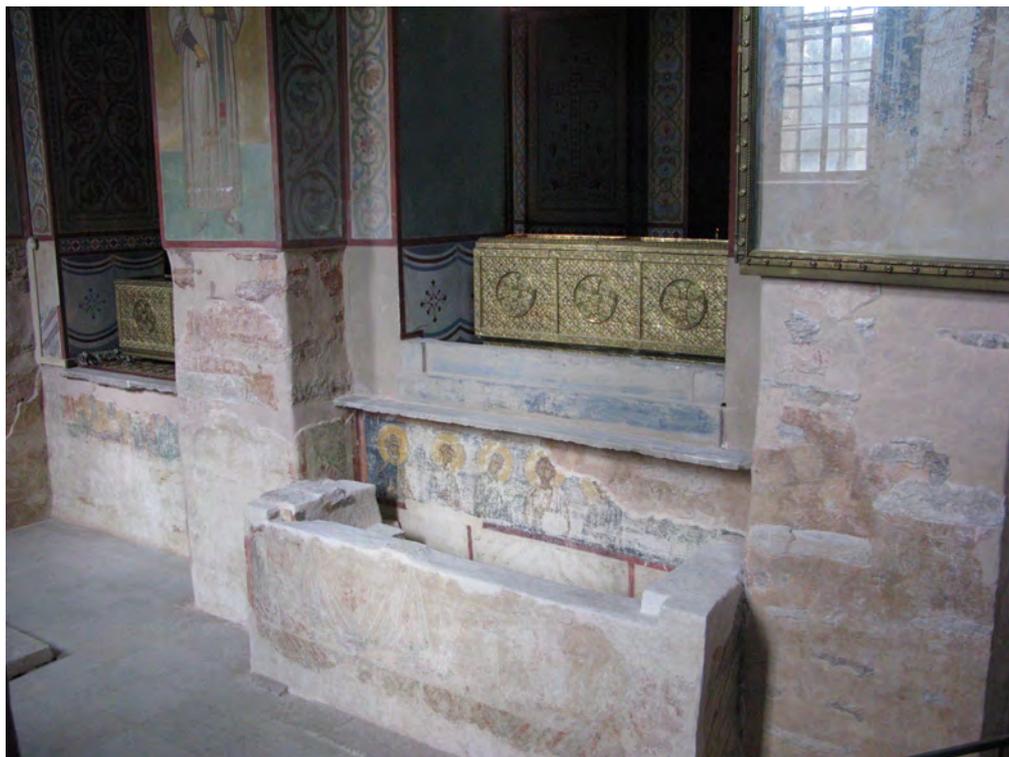
⁶⁰ НПЛ.С.19, 22, 203, 207, 473.

⁶¹ Янин В.Л. Некрополь.... С.205-207.

⁶² Эту версию см.: Круглова Т.В. К истории создания первых монастырей в Пскове // Древнерусское искусство. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийского эпохи. К 1100-летию Пскова : Сб. статей. М., 2008. С. 33-34.

⁶³ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С.50.

которых, в частности изображение св. ап. Иоанна Богослова и титул «пастырь новгородский», якобы свидетельствовало о подобных амбициях.⁶⁴ Однако сфрагистический тип Иоанновых булл не несет в себе ничего экстраординарного. «Пастырями» именовали себя его предшественник Никита и преемник Нифонт, а Вселенским патриархом в то время был Иоанн IX Агапит (1111 – 1134), на что могло указывать изображение на печатях. К тому же Иоанн, судя по всему, был выходцем из Византии, и его прозвище Попьян должно восходить к греческому патрониму *Porianos / Paraianos*. Вряд ли он стремился к независимости от родного ему ромейства.

Кирпичная гробница в Мартириевой паперти. Софийский собор. Новгород. Конец XII в.

Было высказано предположение, что Иоанн был в 1144 г. с почетом погребен в кирпичной гробнице Мартирьевой паперти Софийского собора. Позднее его тело без всяких почестей было извержено вон при погребении епископа Аркадия (1156-1163), когда он и был исключен из новгородских синодиков как противник новгородской независимости⁶⁵. Однако мнение о «небрежности» извлечения неизвестных останков из гробницы ничем не подкреплено, а сама гробница явилась, скорее всего, местом упокоения архиепископа Мартирия (1193- 1199).

В этой истории есть два важных момента, нуждающихся в отдельном изучении. «Непоминание» Иоанна должно объясняться не «нелюбовью новгородцев» к своему епископу, а вполне конкретным каноническим преступлением, заключавшимся в

⁶⁴ Янин В.Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна // Вспомогательные исторические дисциплины. 9. 1978. С.47-56.

⁶⁵ Янин В.Л. Некрополь.... С.23-57.

самовольном оставлении епископского престола. Каноническое право Восточной Церкви предусматривает возможность отказа епископа от своей кафедры (Послание III Вселенского собора к памфилийской Церкви о митрополите Евстафии - т.н. 9 правило собора, 17 правило Поместного Антиохийского собора, 36 Апостольское правило, 16 правило Двукратного собора, 10 правило свт.Петра Александрийского, 2 и 3 правила свт.Кирилла Александрийского), что было хорошо известно в Древней Руси благодаря кормчей XII в., приписываемой Киевскому митрополиту Ефрему⁶⁶.

Такие отречения встречались в русской истории: в 1401 г. епископы новгородский Иоанн и Савва Луцкий были вынуждены «отписаться» от своих кафедр. Известны отреченные грамоты новгородского архиепископа Феофила 1482 г., новгородского архиепископа Сергия и суздальского епископа Феодора 1484 г.⁶⁷ При соблюдении определенной процедуры, предполагавшей подачу письменного отречения митрополиту, епископ сохранял свое архиерейское достоинство - «имя, честь и общение епископа» - при условии невмешательства в управление своей бывшей епархией - «с тем токмо, чтобы он не рукополагал, не занимал церкви, и самовластно не священнодействовал». Именно с таким ограничением административного характера, а отнюдь не с исключением из диптихов и запретом причащаться архиерейским чином, связаны такие пункты этих отречений как обещания не вступаться ни в какие епископские дела, не учить и не проповедовать и даже «ниже епископом именоваться».

Более того, согласно церковному праву епископ сохранял свой сан, если он изгонялся с кафедры народным волнением или интригами духовенства. Однако ни один епископ не имеет права оставить вверенной ему кафедры, ссылаясь на пастырские трудности или «непокорность народа». В этом случае он автоматически лишался чести и достоинства архиерея и исключался из церковных диптихов⁶⁸. Именно таков и был случай епископа Иоанна, отречение которого не было принято Церковью. Непонятно, предоставлялось ли оно вообще на суд высшей церковной власти, поскольку митрополит Михаил прибывает в Киев только летом 1130 г. Следовательно, причины исключения Иоанна из синодика лежат в самом факте церковного преступления – отвержения от кафедры, а не в посмертной политической мести новгородцев.

---

⁶⁶ Бенешевич В.Н. Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т.1. СПб., 1906. С.69, 108-111, 260, 564-565.

⁶⁷ ПСРЛ. Т.4. С.104; ПСРЛ. Т.5. С.252; ПСРЛ. Т.6. С.132; Памятники древнерусского канонического права... Ст. 745-748, 750-754.

⁶⁸ Читатель может познакомиться с этими канонами в авторитетном издании: *Никодим (Милош)*, епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. СПб., 1911. Репринт. изд. М., 1996. Т.1. С.313-328; Т.2. С.76, 309-313, 523-526.

Однако этот вывод не объясняет причин самого отвержения. Попробуем рассмотреть историю епископа Иоанна на историческом фоне первой четверти XII в. Сразу стоит отметить, что за 20 лет его правления каждый второй год приносил стихийные бедствия и неурожаи, а в 1128/1129 г., непосредственно перед оставлением Иоанном кафедры, в Новгороде разразился страшный мор⁶⁹. Известно, что первоначальной формой обеспечения Церкви на Руси была часть княжеских доходов в виде десятины, которая перечислялась соборным церквам. Обеспечение церковных потребностей в этих условиях не могло быть стабильным и напрямую зависело от урожая.

Печать епископа Новгородского Иоанна Попьяна. 1110-1120 гг.

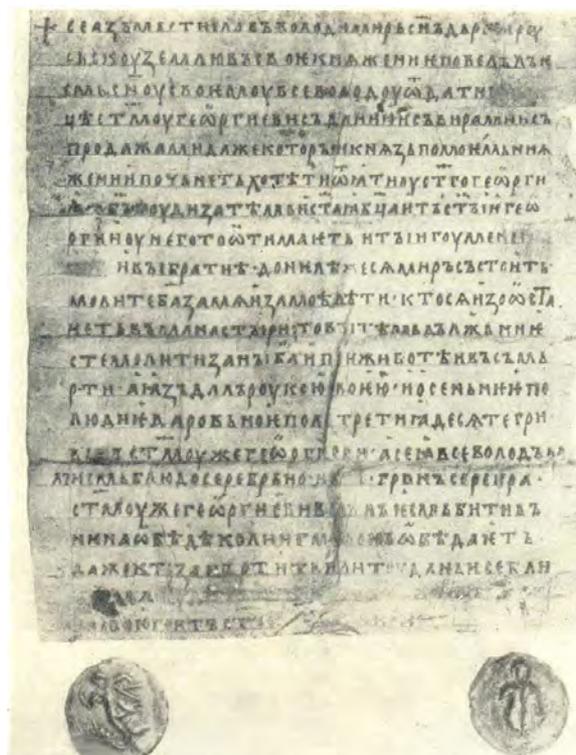
Именно в это время, в условиях хозяйственного кризиса первой трети XII в., возникают новые формы обеспечения Церкви, связанные с княжескими пожалованиями земель епископским кафедрам и монастырям. Это снимало с княжеской власти часть ответственности за материальное содержание клира. Однако этот процесс разрушал основы церковной организации на Руси как единого экономического организма, превращая отдельные церковные структуры в самостоятельные экономические единицы. Побочным явлением подобных пожалований было установление гораздо более тесных связей между монастырем и донатором, чем между монастырем и епископом.

Парадоксальным образом, сразу после «отвержения» Иоанна, появляется сразу несколько княжеских документов, связанных с новым экономическим обеспечением Новгородской церкви. Такая «хронологическая компактность» событий создает ощущение того, что Иоанн был одним из препятствий на пути утверждения нового порядка вещей. К числу интересующих нас документов относятся жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Буйцы (1130 г.), грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли (1134 г.), грамота князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на мель у Волхова (1134 г.), жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Ляховичи (1134 г.), и уставная грамота Святослава Ольговича Новгородской епископии (1136/1137 гг.), предполагающая замену десятины от судебных пошлин – вир и

⁶⁹ НПЛ. С.20-22.

продаж - стабильной суммой в 100 гривен новых кун⁷⁰. Подобные тенденции воплощены и в уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии, которая предполагает, что в случае неурожаев десятина может быть сокращена.

Отмеченный нами комплекс грамот свидетельствует о характерном для Новгорода кризисе централизованной княжеской десятины, распределяемой органами церковного управления, о создании самостоятельного монастырского хозяйства и об усилении независимости монастырей от епископской власти. Формирование новых церковно-княжеских отношений, предполагавших отказ от прямого экономического патроната князя над епископатом могло вызвать протест со стороны епископа Иоанна, выступавшего за сохранение старой системы взаимоотношений.

Княжеская грамота новгородскому Юрьеву монастырю. 1130 г.

Интересно отметить, что предполагаемый нами протест русской иерархии против создания особого церковного хозяйства за счет земельных пожалований совпадает по времени с борьбой против харистикариата, которую вела церковная иерархия в Византии⁷¹. Напомним суть этого явления. В силу ряда причин, зачастую связанных с экономическим кризисом, монастыри и епископские владения попадали в зависимость от светских лиц через аренду ими части церковной недвижимости или земельных угодий. Изначально

⁷⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С.Н. Валк (ред.). М.; Л., 1949. №81. С.140-141, №82. С.141, № 79. С.139, № 80 (далее – ГВНП). С.139; Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С.135-142.

⁷¹ Успенский Ф.И. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии) // Известия русского Археологического института в Константинополе. Одесса, 1900. С.1-48.

предполагалось, что доход от такой аренды будет способствовать удовлетворению потребностей Церкви. Однако в итоге доходы от монастырского хозяйства попадали в чужие руки, а сами кафедры и обители оказывались в бедственном положении.

Естественно, процесс формирования монастырской земельной собственности на Руси внешне мало похож на существовавшую в Византии практику харистикариата. Однако эта разница не должна скрывать от нас существа дела: и здесь и там разворачивался процесс, приводящий монастыри в зависимость от светского элемента и ослабляющий их подчиненность местной епископской кафедре. Греческое духовенство, попадавшее на Русь, должно было рассматривать такое положение дел именно сквозь призму своего отношения к известному им по византийскому опыту харистикариату.

Печати хартофилакса Великой Церкви диакона Никифора и митрополита Киевского Никифора.
1080-1090-е гг., 1104-1121 гг.

Напомним, что в первой четверти XII в. Русской Церковью управлял грек митрополит Никифор (1104-1121), обновивший практически весь епископат, который должен был разделять взгляды своего митрополита. Эти взгляды хорошо прослеживаются по четырем сохранившимся посланиям митрополита Никифора, где князь приобретает обобщенные идеальные черты защитника церкви⁷². Обычно история русских митрополитов греческого происхождения до их избрания на кафедру остается неизвестной, однако в данном случае мы считаем возможным отождествить Никифора Киевского с диаконом Никифором, хартофилаксом Софии Константинопольской⁷³. Этот церковный деятель, бывший начальником канцелярии и хранителем архива Великой Церкви между 1081 - 1094 гг. предстает перед нами как авторитетный и образованный богослов. Нам известны пять его произведений. В 1091–1103 гг. он состоял в переписке с архиепископом Охридским Фефилактом (1078-1107), где выступал за независимость монастырей и, вне всякого сомнения, являлся противником харистикариата.

⁷² Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988-1237). СПб., 1996. С.246-247; Митрополит Никифор : исследования, древнерусские тексты, переводы, комментарии. А.И. Макаров, Е.Н. Шульга (ред.). СПб., 2007.

⁷³ Бенешевич В. Н. Ответы хартофилакса Никифора на вопросы монаха Максима // Византийский временник. 12. СПб., 1906. С. 518–524; Gautier P. Le chartofilax Nicéphore : œuvre canonique et notice bibliographique // Revue des études byzantines. 27. 1969. P. 159-195.

Совпадение имен, удивительное преемство в датах церковной деятельности в имеющихся источниках, до 1103 г. упоминающих экс-хартофилакса Никифора, а после 1104 г. - митрополита Никифора, и писательский дар позволяют допустить вероятность тождества обоих Никифоров. В то время возведение в епископское достоинство, как в Византии, так и на Руси, допускало принятие лишь «просхимы» студийской традиции, что не предполагало перемену имени. К этому стоит добавить и преемство их высокого иерархического статуса. Привилегии хартофилаксов в Византии были хорошо известны, что превращало их в идеальную кандидатуру на престижную митрополичью должность, пусть даже эта кафедра находилась в пределах «иноплеменников Фракийского диоцеза», как греческое церковное право именовало далекую Русь.

Интересно отметить, что митрополита Никифора сменил на киевской кафедре в 1122 г. некто Никита, скончавшийся 9 марта 1126 г. Но преемником диакона Никифора на должности хартофилакса Великой Церкви после 1094 г. был диакон с тем же именем Никита, равным образом состоявший впоследствии в переписке с Феофилактом Болгарским.... Нельзя ли в этой связи предположить определенное преемство кадровой политики Вселенского патриархата в отношении митрополии *Росия*, по крайней мере для эпохи Николая III Грамматика (1084-1111) и Иоанна IX Агапита (1111-1134)?

Подведем краткие итоги событиям Софийского дома начала XII в. Отсутствие каких либо данных о конфликте между Новгородом и его епископом не оставляет сомнений в том, что инициатива отвержения исходила непосредственно от Иоанна, за что он и был извержен из диптихов. Возможная причина такой отставки могла быть связана с протестом архиерея-грека против складывающейся на Руси новой практики церковно-княжеских отношений, в том числе и в области экономического обеспечения Церкви. К 1130 г., моменту предполагаемого обострения этих отношений, из епископов Никифорова поставления на кафедре оставался один Иоанн, который, как представляется, и попытался отстаивать византийский взгляд на отношения епископа и правителя. Климатические катастрофы, сопутствовавшие его правлению, могли усилить эсхатологические ожидания в средневековом обществе, которое всегда жило в предчувствии конца истории. В этих условиях Иоанн, в полном соответствии со словами апостола Павла из послания к Солунянам, мог рассматривать себя как последнее препятствие на пути «тайны беззакония» (2 Фес. 2: 7), нового порядка вещей, оставляющего Церковь один на один с ее экономическими проблемами. С его уходом новый порядок вещей окончательно утвердился...

ОЧЕРК III ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ

Как далеко простиралась власть дома Святой Софии? В Византии традиционно канонической территорией епископа была совокупность полиса и хоры, на которую распространялась власть гражданской общины. Второе правило II Вселенского собора (381 г.) категорически запрещает областным епископам простирать свою деятельность на соседнюю епархию, а 17 правило Четвертого Вселенского собора (451 г.) закрепляет приоритет гражданского территориально-административного деления над церковным⁷⁴. Своеобразие применения этих канонических норм на Руси еще не до конца выяснено исторической наукой. Однако уже сейчас незначительное число епископских кафедр, которое было всегда меньше реального количества древнерусских княжеств и городов, наводит на мысль о жестком применении нормы 57 правила Лаодикийского собора (360 г.), которое налагало ограничения на поставление епископов в малые города и села⁷⁵. На территории Древней Руси в период X-XIII вв. существовало лишь 19 архиерейских кафедр, тогда как в Византии VI в. исследователи насчитывают от 750 до 1000 епископов. Очевидно, древнерусское представление о городе как центре княжества не всегда совпадало с византийскими представлениями о полисе как центре епархии вследствие малочисленности городского населения Древней Руси, которое оценивается исследователями по-разному⁷⁶.

Один из древнейших памятников канонического права Древней Руси, правила митрополита Иоанна II (1076-1089), все же упоминает возможность раздела епархий и даже самой митрополии. Такой раздел можно производить лишь «боязненно», в тех областях, где проживает многочисленный народ, составляющий новую епархию, и только с согласия первосвященника области и собора епископов. Очевидно, что основой епархиального деления в данном случае признаются не столько географические и политические детерминанты, но прежде всего, демографические показатели, в том числе плотность городского населения. Существующая при этом ссылка на 12 правило IV Вселенского собора в Халкидоне касается прежде всего запрета на употребление авторитета светской власти для раздела уже существующих епархий вне соответствующего соборного решения. Отражение подобного канонического прецедента в памятнике церковного права 80-х гг. XI в. можно связать с попыткой формирования трех митрополий триумвиратом Ярославичей после смерти Ярослава Мудрого: в Киеве, Чернигове и Переяславле, о чем содержатся косвенные

⁷⁴ *Никодим (Милош)*, епископ. *Правила Православной Церкви...* Т.1. С. 247-252, 372-375, 521-522.

⁷⁵ Там же. Т.2. С.69-70, 73, 76-77, 114.

⁷⁶ В этой связи см.: *Горская Н.А.* Историческая география России периода феодализма. М., 1994.

упоминания как в летописных текстах, так и в греческих источниках⁷⁷. Есть основания связать окончательную ликвидацию Черниговской и Переяславской митрополий с итогом деятельности митрополита Иоанна II и отнести их ко времени около 1088/1089 гг.

Однако кратковременное существование титулярных митрополий на Руси позволило выявить одну из особенностей ее церковной организации, а именно чресполосность епископской юрисдикции. Власть епископа не ограничивалась замкнутыми пределами княжества и заключенной в нем епархии, а подчинялась мобильности княжеской власти, следуя в некотором роде за иногда хаотичными перемещениями князя и его дружны по просторам Восточной Европы. В силу этого епископская юрисдикция иногда простиралась на весьма удаленные анклавные земли, которые было бы логично переподчинить иному архиерею. Так, Ростовская и Смоленская земли в конце XI – начале XII в. в церковном отношении зависели от весьма далекой от них Переяславской кафедры в силу их подчинения княжившим в Переяславле Рюриковичам. В Ростове, где самостоятельная кафедра недолго просуществовала около 1072-1073 гг., известна строительная деятельность митрополита Переяславского Ефрема⁷⁸, а относительно Смоленска существует уникальное запрещение присоединять его к Переяславской кафедре, содержащееся в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1136 г.⁷⁹ Очевидно, в основе такого соподчинения лежал тот историко-географический факт, что древнейший путь из Киева в Северо-Восточную Русь лежал через Смоленское Поднепровье, а политический и церковный контроль над этим путем осуществлялся Переяславским княжеством.

Подобным образом должна объясняться и уже известная нам находка печати новгородского епископа Никиты конца XI – начала XII в. на селище в Юрьев-Польском районе Владимирской области⁸⁰. Удаленность находки печати, скреплявшей неизвестный нам документ, от резиденции новгородского архиерея не должна вызывать удивление. Предположительно она очерчивает пространство власти Новгородской епархии этой эпохи, однако конкретные причины формирования анклава новгородской церковной юрисдикции во Владимиро-Суздальском ополье нуждаются в уточнении. Впрочем, именно в это время можно предполагать колонизационный поток переселенцев из Новгородской земли в этом направлении, в том числе через верхнее Поволжье, которые и могли принести с собой верность дому Святой Софии. Подобная ситуация складывалась и на сопредельных территориях. Так, положение Тверского края на стыке Новгородской, Смоленской и

---

⁷⁷ Из новейших исследований см.: *Назаренко А.В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 1. 2007. С. 85-103.

⁷⁸ *Шапов Я.Н.* Государство и Церковь в древней Руси X-XIII веков. М., 1989. С.61.

⁷⁹ Грамоты Смоленской епископии // Российское законодательство X-XX вв. М., 1984. Т.1. С.212-223.

⁸⁰ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Древнейшая новгородская владычная печать // Византийские очерки: Труды российских ученых в XXI Международному конгрессу византистов. СПб., 2006. С. 230-234.

Ростовской епархий в условиях новгородской колонизации и политической активности Новгорода в этом регионе в XII-XIII в. также могло способствовать распространению здесь власти новгородских владык⁸¹.

Иосифо-Волоцкий монастырь. Московская область. Современная аэрофотосъемка.

Однако наиболее ярким примером такого церковного анклава является история Волока Ламского и, конкретно, Иосифо-Волоцкого монастыря. До начала XVI в. как сам монастырь, основанный прп. Иосифом в 1479 г., так и другие местные храмы, как может свидетельствовать обмен посланиями канонического характера между князем Борисом Волоцкими и новгородским архиепископом Геннадием⁸², находились под омофором владык дома Святой Софии. Однако в 1507 г., после конфликта игумена с князем Федором Борисовичем из-за монастырского имущества, будущий святой, не испросив благословения своего архиерея и тем самым нарушив церковное право, вручил себя покровительству великого князя Василий III и, как следствие, оказался в церковном подчинении у московского митрополита. Это вызвало протест архиепископа Новгородского Серапиона (1506-1509, † 1516), который в 1509 г. отлучил Иосифа от церковного общения. Это стоило ему кафедры, с которой он был смещен повелением великого князя и определением архиерейского собора, после чего владыка, сам вышедший некогда из игуменов Троице-Сергиева монастыря, отправился на покой в Спасо-Андроников монастырь в Москве. Хотя действия архиепископа Серапиона с канонической точки зрения были непререкаемы, прещения с игумена были сняты светской и церковной властью, в связи с чем новгородский владыка адресовал митрополиту Симону (1495-1511, † 1512) соответствующее послание, где

⁸¹ Малыгин П. Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XI- XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М. 1984. С. 149-158.

⁸² Памятники древнерусского канонического права... Ст.755-758.

в качестве главного обвинения в адрес Иосифа значилось то, что тот «от предела святыя церкви Божия Премудрости изскочил»⁸³.

Очевидно, история подчинения Волока Ламского Новгородской Церкви восходит к 1030-м гг., когда князь Ярослав Мудрый переносит поселение Староволоцкое на место средневекового города на р. Ламе и создает в непосредственной близости монастырь, посвященный св. пророку Илье. Это предание сохранил для нас Волоколамский патерик, созданный в начале 1530-х гг. иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Досифеем (Топорковым), племянником прп. Иосифа⁸⁴. Для возможного уточнения даты этого события стоит вспомнить, что у Ярослава Мудрого был сын Илья, который княжил в Новгороде, как полагают некоторые исследователи, в начале 1030-х гг. когда и безвременно скончался⁸⁵. По нашему разумению с этим событием было бы правильно связать создание Ярославом Мудрым нескольких ильинских храмов не только на Волоке и в Ярославле, о чем сохранились свидетельства в «Сказании о построении града Ярославля» и в уже известном нам Волоколамском патерике, но и в самом Новгороде, на Славне, где церковь с таким посвящением определено существовала к 1104 г.⁸⁶ Не исключено, что события на реке Ламе произошли непосредственно после посещения Ярославом Новгорода в 1036 г., когда на кафедру была поставлен епископ Лука. По пути из Северной Руси в Киев князь мог не только основать здесь новые храмы, но и подчинить их дому Святой Софии, как и сам Волок - Новгороду⁸⁷.

Однако, наряду с управлением удаленным анклавом, новгородский архиерей мог ощущать подобные «канонические прорехи» и на территории собственной епархии. Некоторые проблемы такого рода доносят до нас перипетии 1136 г. женитьбы князя Святослава Ольговича в Новгороде. Против этого брака выступил епископ Нифонт (1130-1156), который обратился к князю с почти библейскими словами: «не достоин ея пояти», сразу отсылающими нас к обличению царя Ирода св. Иоанном Предтечей. Известно, что иудейский правитель Ирод Антипа женился на Иродиаде, своей племяннице и жене сводного брата Филиппа, изгнав при этом свою супругу, дочь арабского царя Ареты. Это и вызвало обличения Иоанна, который, согласно евангельскому тексту, говорил царю: «не должно тебе иметь ее» (Мф. 14: 3-4).

---

⁸³ Послание митрополиту Симону // Послания Иосифа Волоцкого. А. А. Зимин, Я. С. Лурье (ред.-сост.). М.: Л., 1959. С. 331-333; *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона // Труды отдела древнерусской литературы. 21. 1965. С. 147-165.

⁸⁴ Волоколамский патерик // Семинарий по древнерусской литературе Московских высших женских курсов. 5. Сергиев Посад, 1915. С. 1-2.

⁸⁵ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 48-49. Ср.: ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 210.

⁸⁶ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 28-40; НПЛ. С. 19, 203.

⁸⁷ Ср.: *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск XI-XV вв. // Новгородский исторический сборник. 10. 1961. С. 97-116.

Трудно с точностью сказать, какие из евангельских коннотаций – развод, прелюбодеяние или брак в запрещенной степени родства лежали в основе позиции Нифонта, но в результате епископ не разрешил ни белому, ни черному духовенству присутствовать на свадьбе, и Святослав венчался в Николо-Дворищенском соборе в Новгороде «своими попы»⁸⁸. Упоминание в Новгороде в середине XII в. княжеского духовенства, неподконтрольного местному епископу, уникально. Впрочем, особый статус связанного с князем духовенства хорошо прослеживается в Новгороде и позднее, в XIII в. В частности, докончание Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г. требует, чтоб священники резиденции Рюриковичей на Городище не получали доходов с новгородских погостов⁸⁹.

Николо-Дворищенский собор. Новгород. 1116 г. Вид с Воротной башни Гостиного двора

Какому архиерею подчинялось княжеское духовенство в каноническом отношении? Митрополиту или епископу того княжества, откуда князь прибыл в Новгород? Святослав пришел в Новгород из Чернигова, значит ли это, что с ним пришли представители тамошнего духовенства? Не исключено, что князь сам был «архиереем» для своих попов. Подобная ситуация существовала при дворе византийских императоров, где особая новелла запрещала патриарху и епископам отстранять от службы клир императорских резиденций в столице и провинции⁹⁰.

В свете таких особенностей жизни Новгородской Церкви стоит обратить внимание на древнейший из дошедших до нас антиминов домонгольского времени, освященный

⁸⁸ НПЛ. С.24, 209.

⁸⁹ ГВНП. С.13.

⁹⁰ *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С.82-83.

владыкой Нифонтом и традиционно датируемый 1149 г. Он был найден в середине XIX в. в уже известном нам Николо-Дворищенском соборе. Надпись, которая читается практически полностью, сообщает: «Жертвенник святого мученика Георгия священ от Нифонта архиепископа Новгородского повелением епископа Ростовского Нестора при благочестивом князе Георгии сыне Мономаха сентября 1 лета 66[5]7 индикта 12»⁹¹. Упоминание в надписи епископа Нестора, повелением которого владыка Нифонт совершает освящение, трактуется в историографии как указание на то, что храм св. вмч. Георгия находился в Ростовской епархии. Возможно, речь могла идти о первом Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, который был построен князем Юрием Долгоруким еще в 1145-1148 гг. Это событие сравнивается с летописным сообщением 1148 г. об освящении архиепископом Нифонтом церкви Богородицы в Суздале, в той же Ростовской епархии, «великим священением»⁹², которое могло произойти одновременно.

Однако после 1 марта 1149 г. Нифонт находился в Киеве, будучи заточен князем Изяславом Мстиславичем и митрополитом Климентом Смолятичем в Печерском монастыре. Он был освобожден только после вступления в Киев князя Юрия Владимировича 26 августа и 1 сентября вряд ли мог находиться в Ростовской земле и священнодействовать здесь повелением Нестора. В Новгород он возвращается уже после 1 марта 1150 г. Следовательно, 1 сентября 6657 г. есть 1 сентября 1148 г.

В пользу более ранней даты антимины может свидетельствовать и именование Нифоната архиепископом в посвятительной надписи. Традиционно считается, что титул архиепископа, связанный со вторым местом кафедры в списке епархий Киевской митрополии, новгородские владыки получают в 1165 г. и первым архиепископом была Илья, речь о котором еще впереди. Именование Нифонта архиепископом в случае с антимином рассматривается как недоразумение, а иногда даже как свидетельство неподлинности этой священной вещи.

Однако этот титул мог быть пожалован лично Нифонту Вселенским патриархом Николаем IV Музаломом (1147 – 1151). До нас дошло послание этого патриарху, адресованное Нифонту, правда, здесь он именуется епископом. И послание, и предполагаемое пожалование явились следствием принципиальной канонической позиции новгородского владыки в связи с поставлением на киевскую кафедру митрополита Климента Смолятича князем Изяславом и собором шести епископов без санкции Константинополя, которое совершилось 9 августа 1147 г. Самочинное поставление митрополита раскололо митрополию. Епископ Нифонт заявил, что Климент был поставлен недостойно, поскольку не

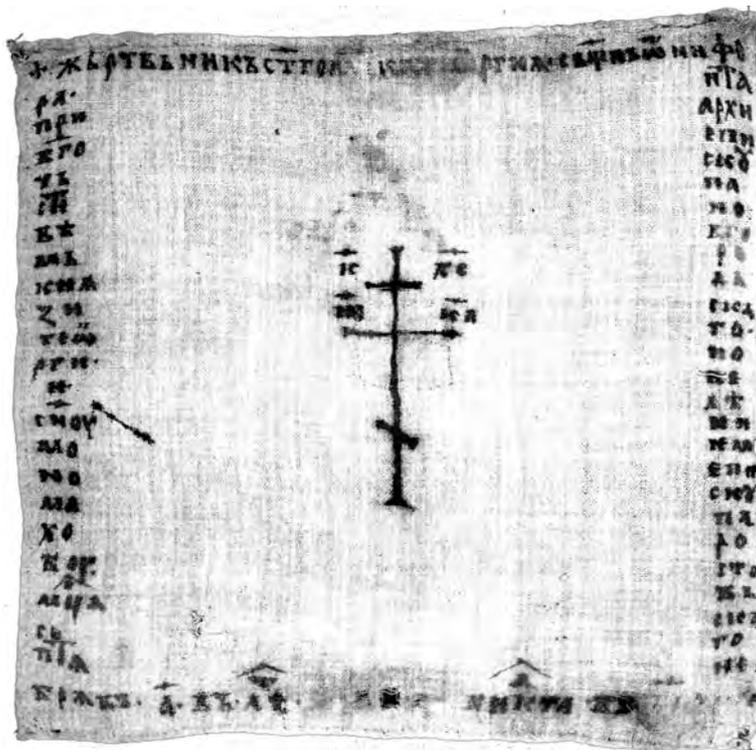
---

⁹¹ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI-XIV веков. М., 1964. С.28-32. №25. Табл.42.

⁹² НПЛ. С.28, 214.

получил благословения от «великого собора», как мог именоваться Патриарший Синод. Новая титулатура, подчинявшая Нифонта непосредственно патриарху, могла рассматриваться киевским митрополитом как покушение на свои права. В соответствии с уже известной нам практикой XI в. новгородский владыка был вызван на суд в Киев. Не исключено, что известие о новом титуле Нифонта вместе с патриаршим посланием в 1148 г. принес сам епископ Нестор, грек по происхождению, который как раз появляется на ростовской кафедре около времени освящения антиминса.

Итак, антиминс для некоего храма св. вмч Георгия был освящен, скорее всего, 1 сентября 1148 г. В отечественной историографии мнение о том, что этот храм должен был находиться не в Новгороде, а в Ростове, строилось на общих рассуждениях, что новгородский епископ, дескать, никак не мог находиться в зависимости от ростовского архиерея⁹³. Однако нам уже известен факт пребывания в Новгороде в 1136 г. духовенства, неподконтрольного местному епископу, и предположительно связанного с епархией того княжества, откуда князь приходил в Новгород.

Антиминс, освященный архиепископом Нифонтом для храма вмч. Георгия. 1148 г.

Связь новгородских князей с Ростовской епархией определенно прослеживается в эпоху княжения здесь сыновей Юрия Долгорукого в 1138-1142 гг. и в 1150-е гг.⁹⁴. Однако это не исключает существования в Новгороде своеобразного «ростовского подворья» на протяжении всего этого времени, и в 1148 г. в частности. Вследствие этого возможность

⁹³ Впрочем, так полагали не все. См.: *Никольский К.*, протоиерей. Об антиминсах Православной Русской Церкви. СПб., 1872. С.29.

⁹⁴ НПЛ. С. 25, 26, 29, 211, 212, 216.

существования «жертвенника» вмч. Георгия в новгородских пределах, но в юрисдикции ростовского епископа, что требовало его «повеления» для освещения храма или нового антиминса, вполне допустимо. Поэтому мы предполагаем, что освятив совместно с Нестором Богородичный храм в Суздале, Нифонт к 1 сентября 1148 г. возвращается в Новгород, где на праздник Новолетия и совершает освящение антиминса для Георгиевской церкви. Известно, что с 1133 г. в Новгороде на Торгу в непосредственной близости от Николо-Дворищенского собора, где служило княжеское духовенство, стояла церковь св.вмч. Георгия⁹⁵. Остается добавить, что каноническая практика не только допускает возможность посылки архиереем антиминса в уже существующий храм, но и предполагает, что при каждой смене епископа на кафедре тот должен переосвящать антиминсы для церквей своей епархии, подтверждая тем самым право местного духовенства на служение литургии.

Непосредственной зависимостью приходского духовенства от епископа и его соборного храма может объясняться существование особых анклавов и на территории собственной епархии и кафедрального города. Стоит помнить, что городской клир был по своему статусу «приписан» к кафедральному собору со вседневной службой, и лишь «командировался» к городским церквям, где службы совершались по праздничным и воскресным дням. Дополнительные подробности о характере архиерейской власти в Новгороде можно получить при знакомстве с историей организации владычного летописания XII-XV в. Священник Герман Воята, скончавшийся в Пскове в 1189 г. и погребенный в Мирожском монастыре, традиционно рассматривается как один из первых владычных хронистов. Известно, что он прослужил у «святого Якова» 45 лет. Иерейская хиротония Германа состоялась в 1144 г., и рукополагал его епископ Нифонт⁹⁶. Еще одним деятелем новгородского летописания был пономарь Тимофей, которого исследователи отождествляют с писцом «Лобковского пролога» 1262 г., также клириком церкви св.Иакова, созданного для храм Нерукотворного Образа на Добрыни улице⁹⁷. Исследователям удалось установить, что Тимофей был не только создателем летописи и пролога, но и других кодексов XIII в., а также договоров Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264 - 1268 гг. Иными словами, пономарь Тимофей предстает перед нами не только как владычный летописец, но и как секретарь новгородской владычной канцелярии, «владычный нотариус». Похоже, что несколько поколений причта Яковлевской церкви были тесно связаны с домом Святой Софии.

---

⁹⁵ НПЛ. С.28, 207.

⁹⁶ НПЛ. С.27, 213.

⁹⁷ Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6. 1997. С.3-72.

Однако возникает вопрос, в каком из двух Яковлевских храмов Новгорода служили эти священно- и церковнослужители, поскольку церкви, посвященные св.Иакову, стояли на Добрыне улице в Людином конце и на Яковлевой улице в Неревском конце. Первое упоминание о храме в Неревском конце относится к 1172 г., однако церковь здесь существовала уже к 1135 г., поскольку существовала соименная ей улица⁹⁸. Впрочем, как мы уже предположили, храм мог возникнуть сразу после 1069 г. Известно, что церковь св.Иакова на Добрыне улице существовала уже к 1175 г., поскольку в этом году погибла в пожаре, и была срублена заново в 1181 г.⁹⁹. Несмотря на интерес исследователей к этой теме, мнения о топографии Яковлевской церкви, где служили летописцы, не отличаются разнообразием. Традиционно этот храм помещали в Людином конце, и лишь изредка его связывали с Неревским концом, как это сделали А.А.Шахматов и Д.С.Лихачев, справедливо исходя из кончанских пристрастий летописца. Над исследователями во многом довлело «топографическое» доказательство принадлежности Яковлевского храма к Людину концу: эта церковь, как и церковь Нерукотворного Спаса, для которой писался пролог, стояли на одной улице. Однако такой аргумент не кажется безусловным. Заказ поступал туда, где скрипторий, во-первых, существовал, а во-вторых, работал профессиональнее, быстрее и, не исключено, что дешевле.

Важным фактором могла быть и традиционность устоявшихся связей. Именно это, на наш взгляд, объясняет тот факт, что владычными летописцами и нотариями дома Святой Софии на протяжении длительного времени оказывались клирики одной и той же церкви - храма св. Иакова. Считаем, что речь все же должна идти о храме в Неревском конце. Если Яковлевская церковь в Людином конце лишь изредка упоминается на страницах летописей, то неревская церковь св.Иакова не только постоянно фигурирует здесь как важный религиозно-культурный центр, но и становится в XIV в. одним из семи городских соборов. Такой статус одной из древнейших церквей Неревского конца мог способствовать формированию здесь просвещенного клира, связанного с владычной канцелярией. Дополнительным свидетельством этому служит участие неревлянина Матфея Кусова во владычном летописании первой четверти XV в.¹⁰⁰ Судя по тесным связям местного клира с Владычным двором, можно считать, что церковь св. Иакова в Неревском конце изначально была «сотенным» храмом, тогда как отношения «боярских церквей» с епископом могли складываться иначе.

---

⁹⁸ НПЛ. С.23, 34, 208, 222.

⁹⁹ НПЛ. С.34, 37, 223.

¹⁰⁰ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С.80-84, 179.

ОЧЕРК IV

ВЕЧНО ЛИ ИЗБРАНИЕ НА ВЕЧЕ?

Как в Новгороде становились епископами? Ответ, казалось бы, всем известен. Архиеерея здесь, как и посадника, избирали на вече – общей городской ассамблее. Киевскому митрополиту оставалось лишь согласиться с избранным новгородцами кандидатом и совершить его епископскую хиротонию. Принято считать, что такая «церковная демократия» в Новгороде находилась как в противоречии с канонами Православной Церкви, так и пребывала в зависимости от прочих «республиканских» особенностей общественно–политической жизни этого города. Все это существенно отличало христианскую жизнь Новгорода от той церковной практики, которую летописи нам рисуют для остальной территории Руси. Согласно хроникам, поставление епископа здесь целиком находилось в руках князя и митрополита.

Естественно, право избрания епископа на вече не возникло в Новгороде в одночасье, а стало своеобразной уступкой со стороны киевских митрополитов после определенных «дипломатических маневров» новгородской элиты. Однако это означало не победу новгородской кафедры над киевской митрополией, а поражение великокняжеского стола в борьбе с республиканским Новгородом, тогда как выборность архиеерея оформила союз феодальной верхушки с церковной иерархией¹⁰¹.

Такие выводы представляются закономерными не только в силу утвердившихся в общественном сознании стереотипов о «республике Святой Софии», но и как результат отношения к достаточно специфическим памятникам прошлого – летописям и сборникам церковных канонов. Краткие летописные известия иногда воспринимаются как исчерпывающие «стенографические отчеты» о древних временах. Следовательно, чего нет в источниках, не бывало и в истории. Однако летописные строки отражают даже не политические пристрастия хрониста или же пресловутый нарратив, книжные штампы, которыми было принято описывать происходящее вне органической связи с его содержанием. Они пытаются сохранить значимую для общества память о необычном, опуская при этом рутинные подробности, хорошо известные современникам. Именно к таким подробностям должна быть отнесена процедура поставления епископа в средневековом обществе. Впрочем, появление таких подробностей в летописи не обязательно было связано с экстраординарностью происшедших событий, а могло объясняться иными мотивами, связанными с интересами хрониста и его окружения. Более

---

¹⁰¹ *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С.35-36.

того, процедура епископского поставления в средневековье совсем не обязательно совпадала с тем, что было записано в сборниках церковного права. Так окружающая нас действительность отличается от записанного в Конституции. Каноны и толкования к ним на то и пишутся, чтобы утвердить церковную норму в условиях, когда сама эта норма постоянно нарушается или просто не существует.

Для того, чтобы правильно понять место новгородской практики избрания епископов в системе канонического права и древнерусской истории, необходимо учесть, что замещение вакантной кафедры в православной традиции состоит из четырех последовательных моментов: избрание (наречение, *electio*), искус (испытание, *aprobatio*), поставление (хиротония, *ordinatio*) и восприятие ставленника церковной общиной (принятие, *receptio*)¹⁰². Это заставляет нас задуматься о том, что Церковь – это не собрание «профессиональных верующих» - епископов, священников и монахов, и «приходских активистов» - князей и бояр. Церковь – это община, и без участия этой общины в избрании, испытании, рукоположении и утверждении на кафедре нового епископа в той или иной форме никакие поставления невозможны. Поэтому главной проблемой истории поставления епископов в Древней Руси оказываются формы и степень участия горожан в этом событии, которые и определяли местные особенности средневековой канонической процедуры.

Действительно, если обратиться к немногочисленным свидетельствам Лаврентьевской летописи о поставлении епископов в Южной и Северо-Восточной Руси, то описанный здесь масштаб участия князя и митрополита вроде бы не оставляет общине никакого пространства. В 1126 г. князь Ярополк Владимирович «постави игумена Марка... его же постави Никита митрополит епископом Переяславлю». В остальных известных случаях главным действующим лицом также является князь. В 1185 г. князь Всеволод пребывает в конфликте с митрополитом Никифором из-за того, что тот поставил в Ростов «по мзде» епископа Николая, и просит митрополита отправить на кафедру игумена Луку. В 1190 г. тот же князь отправляет в Киев на поставление своего духовного отца Иоанна, в 1215 г. князь Константин посылает к митрополиту Матфею игумена Пахомия для хиротонии в ростовские епископы, а князь Юрий - игумена Симона для Владимирской кафедры.

Однако во всех случаях перед нами предстает только факт отправки посольства в Киев, имеющий отношение к части искусства и поставления, тогда как нигде нет полностью описанной процедуры избрания и рецепции, предшествующих посольству. Можно утверждать, что и то и другое принадлежало исключительно князю, но не будет ли это насилием над источником? Ипатьевская летопись определенно называет отсутствие в событии 1185 г. избрания и рецепции епископа местной общиной как достаточную причину

---

¹⁰² Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т.3. С.176-177.

отвержения прислано в Ростов епископа Николая: «не избрали его люди нашей земли, но ты, митрополит, своею волею его поставил». Ей вторит хронист Лаврентьевской летописи, утверждающий, что поставление в святительский сан происходит по призванию Бога и Богородицы и хотению князя и людей. У нас нет оснований считать эти фразы демагогией хрониста. Однако конкретные формы волеизъявления общины в избрании нового епископа остаются нам неизвестны. Князь остается в источниках самым активным мирянином в этом процессе.

Прибытие в Новгород епископа Ильи-Иоанна и его возведение в сан архиепископа. 1165-1166 гг.
Лицевой летописный свод. Лаптевский том. XVI в.

Впрочем, уже события 1230 г. являют нам более сложную процедуру. Князя Василько, Всеволод и Владимир отправляют посольство к своему отцу князю Юрию Всеволодовичу и епископу Владимирскому Митрофану с просьбой дать согласие на поставление епископом в Ростов Кирилла, архимандрита Рождественского монастыря. Кирилл торжественно вступает в город, а на встречу ему выходит все княжье, боярство,

соборный клирос и приходское духовенство, «все горожане от мала до велика», которые его вводят «с великой честью» в соборную церковь¹⁰³. Только на следующий год, 6 апреля 1231 г., Кирилл был рукоположен в Киеве в епископа. Если летописец и прибегает здесь к нарративу, то этот нарратив наилучшим образом отражает процедуру общинного *electio et receptio*. Что-то подобное можно увидеть и в событиях 1190 г., когда вернувшийся из Киева после хиротонии епископ Ростовский Кирилл последовательно объезжает все главные города княжества – Ростов, Суздаль и Владимир, представляясь таким образом городским общинам в новом качестве ради соответствующего *receptio*, подобно князю Всеволоду, который в это же время отправился в полюдье по Ростовской земле¹⁰⁴.

Нельзя все же не признать, что деятельному участию князя и завуалированному присутствию общины в замещении епископских кафедр на Руси противостоят систематические летописные упоминания об избрании новгородского епископа на вече. Историографическая традиция начинает непрерывную цепочку избрания новгородских владык с 1156 г., когда на кафедру был избран епископ Аркадий¹⁰⁵. В исследованиях можно прочесть, что его преемник епископ Илья был избран вечем сразу же после смерти Аркадия 19 сентября 1163 г., хотя он впервые упоминается в летописи под 1165 г. в связи с собственной хиротонией. В этой «волоките» с хиротонией новгородского ставленника исследователи предпочитали видеть отрицательную реакцию Киева на выборные новшества, как это могло иметь место и с епископом Аркадием, рукоположенным только в 1158 г.

Мнение об избрании епископа Ильи на вече в 1163 г. основывается, прежде всего, на памятниках агиографии XV в. и на зависящих от них летописных сводах¹⁰⁶. Однако ранние летописные своды ничего не сообщают об избрании Ильи ни в 1163, ни в 1165 гг. Более того, они прямо утверждают: «В лето 6673 поставлен бысть Илья архиепископом Новгороду от митрополита Иоанна при князе Рустем Ростиславе 28 марта на Вербницу и пришед Новугороду 11 мая при князе Святославе и посаднике Захарии»¹⁰⁷.

Все летописные сообщения об интересующем нас событии можно подразделить на пять групп. К первой группе относятся сообщения Новгородской первой, четвертой и пятой летописей, а также Софийской и Тверской летописей. Сюда же примыкает и известие Никоновского свода. Текст известия звучит как «поставлен бысть Илья архиепископом Новгороду от митрополита Иоанна при князе Рустем Ростиславе»¹⁰⁸. Ко второй группе относятся летописные своды 1497 и 1519 гг., Ермолинская летопись, которая, кстати, не

¹⁰³ ПСРЛ. Т.1. Ст.453.

¹⁰⁴ ПСРЛ.Т.1. С.408.

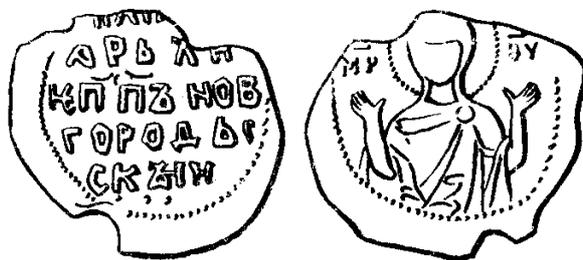
¹⁰⁵ НПЛ. С.30.

¹⁰⁶ Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII-XVII вв. Л., 1973. С.164.

¹⁰⁷ НПЛ. С.31.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т.15. С.236; Т.44. С.9; Т.5. С.162; Т.4. Ч.2. С.159.

знает прочих новгородских епископов XII в., и Львовская летопись, где лаконично сообщается о поставлении епископа Ильи без упоминания митрополита¹⁰⁹. Третья группа летописей - Московский летописный свод по Уваровскому списку и Воскресенская летопись, которые опять-таки не знают подробностей новгородской церковной жизни, но сообщают: «Постави Ростислав князь Илью Новгородца епископом Новгороду Великому»¹¹⁰. К четвертой группе летописных сообщений стоит отнести уникальное известие Ипатьевской летописи: «6674. Постави Ярослав князь епископа Илью Новгороду, то бо Илья родом бе новгородец»¹¹¹, где имя Ярослава все же оказывается ошибкой писца. Лаврентьевская летопись ничего не знает об этом поставлении. Пятая группа летописных статей фиксируется в летописи Авраамки, Владимирском летописце и Новгородской второй летописи. Здесь сообщается об избрании архиепископа Ильи в 1163 г. непосредственно после смерти епископа Аркадия, а также дополнительно говорится, что епископ Илья до своего архиерейства был священником в церкви свщмч.Власия в Новгороде. При этом летопись Авраамки сообщает лишь о поставлении: «Преставися Аркадий владыка сентября 19 и поставиша Иоанна», а остальные два списка, сообщая об избрании Иоанна в 1163 г., под 1165 г. сообщают: «Поставлен бысть владыка Илья Великому Новгороду, а Киеву княжение Ростислав»¹¹².

Печать архиепископа Новгородского Ильи, в монастыре Иоанна. 1166-1186 гг.

Поздний и недостоверный характер сообщений последней группы летописей становится очевидным из факта упоминания обоих имен святителя – Иоанн и Илья. При сохранении древнего известия о поставлении в 1165 г. епископа Ильи, эти летописи было дополнены сведениями жития об избрании в 1163 г. святителя по имени Иоанн. Очевидно, мы имеем дело с домыслами средневекового историографа. Студийский устав конца XII в., ныне хранящийся в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ, Син.№330) и принадлежавший в свое время Новгородскому Благовещенскому монастырю, основанному

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т.28. С.33; Т.23. С.46; Т.20. С.122.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т.7. С.78.

¹¹¹ ПСРЛ. Т.2. С.525. См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С.177.

¹¹² ПСРЛ. Т.15. С.45; Т.30. С.69, 166.

архиепископом Ильей и его братом Гавриилом в 1170 г., на одном из листов имеет запись, где говорится о кончине архиепископа Илии 7 сентября 1186 г., когда в предсмертном постриге он и получил имя Иоанн¹¹³.

В 1165 г. при хиротонии в епископа Илья мог получить лишь «просхиму» Студийского устава, которая не предполагала перемены имени, да и монашеским постригом в строгом смысле не считалась. С новым «предсмертным» именем новгородский архиерей и вошел в месяцеслов, поскольку именно так он поминался на заупокойных службах, совершаемых на его гробе в Софийском соборе. Поэтому известие Новгородской второй летописи о том, что Иоанн - это имя, которое тот получил при монашеском постриге («наречен бысть во иноцех от митрополита Ивана и во архиепископы поставлен и имя даде ему в свое имя Иоанн») оказывается анахронизмом. В XV-XVI вв. монашество уже стало обязательным условием занятия епископской кафедры, что и заставило автора жития и зависимого от него летописца отнести монашеский постриг ко времени архиерейской хиротонии. Именно в окончательной редакции Повести об архиепископе Илье - Иоанне, связанной с именем Пахомия Серба и относимой к 1470-м гг., появляется известие о монашеском имени и об избрании на вече.

Появление в житийной повести мотива избрания стоит связать не с политическими амбициями той эпохи, а с историческим менталитетом средневекового новгородца, искренне полагавшего, что идеальный святитель должен быть избран на вече, как и его великие преемники, вне зависимости от исторической эпохи. Таким образом, сведения об избрании епископа Ильи на вече в 1163 или 1165 гг. представляются недостоверными. Скорее всего, он был избран и поставлен в Новгород непосредственно Киевским митрополитом Иоанном (1164-1166). В контексте достоверных известий об избрании на вече епископов Аркадия и Гавриила такое положение дел в 1153 - 1165 гг. может рассматриваться как попытка митрополичьей кафедры восстановить свои права в отношении Новгорода.

Стоит вспомнить, что митрополит Иоанн приходит на Русь только в 1164 г. после церковных нестроений, связанных с самочинным поставлением Климента Смолятича в 1148 г. В этих условиях назначение епископа в Новгород непосредственно из Киева выглядит логичной попыткой утвердить юрисдикцию митрополичьей кафедры на всей территории Древней Руси, став действительным митрополитом «всей Руси». Княжеское участие также соответствует пику активности князя Ростислава в церковных делах. Решив вернуть на кафедру Климента Смолятича, Ростислав отправляет посольство Юрия Тусемковича в Царьград, однако уже в Олешье в устье Днепра послы встречают только что назначенного на Русь митрополита Иоанна. Ростислав, поставленный перед фактом такого назначения, «не хотел

---

¹¹³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. М., 1984. С.159-161.

приятно» нового митрополита, однако речь посла, увещание императора Мануила Комнина и «дары многи» сделали свое дело¹¹⁴. В это время с великокняжеской властью был вынужден считаться и Новгород, поскольку в результате союза между Ростиславом Смоленским и Андреем Боголюбским здесь начался период княжеского доминирования (1161-1167 гг.)¹¹⁵.

Возникает закономерный вопрос: каким образом Илья - новгородец оказался на юге Руси? Известно, что в 1164 г. в Ростове возникает так называемая «леонтианская ересь», связанная с мнением епископа Леона о соблюдении поста в Господские праздники, приходящиеся на среду или пятницу. Ее опровержение состоялось в императорской ставке на Дунае в присутствии императора Мануила Комнина. В диспуте определенную роль сыграли послы «черниговские и суздальские», причем летописец Переяславля Суздальского сохранил имя суздальского посла - Илья¹¹⁶. отождествление Ильи, упомянутого в летописце, и епископа Новгородского Ильи представляется вполне вероятным: посол, принимавший участие в богословско-канонических спорах в присутствии императора мог быть рекомендован в качестве кандидата на Новгородскую кафедру в 1164-1165 гг. в том числе и в силу своего новгородского происхождения. В Суздале новгородец Илья мог оказаться в результате событий 1157 г., когда князь Мстислав Юрьевич, княживший в Новгороде в 1153-1157 гг. и женившийся здесь на дочери боярина Петра Михалковича, был вынужден бежать из города¹¹⁷. Связь Петра Михалковича с боярством Людина конца в Новгороде представляется убедительной¹¹⁸. Предположительно, Илья, священствовавший у церкви свщмч.Власия в том же Людином конце, также мог оказаться в Северо-Восточной Руси вместе с окружением Мстислава. «Южный эпизод» в биографии епископа Ильи мог найти своеобразное отражение в «Повести о житии архиепископа Иоанна», где сообщается о паломничестве Ильи в Иерусалим.

Археологические материалы Новгорода также могут свидетельствовать о появлении здесь в середине 1160-х гг. духовенства из Южной Руси, которое могло прибыть в город вместе с новым епископом. На Федоровском раскопе была найдена свинцовая булла, принадлежавшая епископу Галицкому Козме, который упоминается в летописных известиях в период 1157-1164 гг.¹¹⁹ Печати этого архиерея до этого момента найдены были лишь на месте его епископской резиденции в древнем Галиче¹²⁰. В 1164 г. епископ Козма оказывается в центре церковно-политических событий на Руси, сопровождая в Византию Андроника

¹¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн.2. Т.3-4. С.55.

¹¹⁵ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1963. С.101.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т.41. С.91.

¹¹⁷ НПЛ. С.29-30.

¹¹⁸ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С.324.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т.7. С.66, 78; Т.25. С.63, 73; Т.2. Ст.524.

¹²⁰ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970. Т.1. С.58, 179; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси XI-XV вв. М., 1998. Т.3. С.37-38.

Комнина, нашедшего убежище в Галиче¹²¹. Почти синхронное поставление епископа в Новгород вряд ли обошлось без его участия. Характерно, что главная святыня Новгорода, икона Знамения Матери Божией, была взята епископом Ильей в 1169 г., во время противостояния с войском князя Андрея Боголюбского, из храма Преображения Господня на Ильине улице, находящегося в непосредственной близости от усадеб, исследованных на Федоровском раскопе. Круг скрепляемых такими печатями документов в XII в. ограничивался преимущественно внутренней церковной юрисдикцией, и документ, скрепленный епископом Козмой и попавший в Новгород должен был иметь непосредственное отношение к древнерусскому духовенству. Все это может свидетельствовать о проживании здесь части соборного клироса, пришедшего в Новгород вместе с Ильей в 1165 г. и имеющего южнорусское происхождение.

Печать епископа Галицкого Козмы. 1160-е гг.

Интересна и первоначальная реакция новгородской общины на поставление своего архиерея. В 1165-1169 гг., после возведения Илии в сан архиепископа, летопись совершенно не упоминает о нем, однако впоследствии эта личность не сходит со страниц новгородского летописания, где сообщается о его дипломатической миссии (1172 г.) или строительных мероприятия (1170, 1173, 1179, 1180, 1184 гг.)¹²². Возможно, это отражает реальный процесс рецепции нового архиерея городской общиной. Возможно также, что «ритуальный» агиографический эпизод из его жития, где повествуется об изгнании епископа горожанами, также отражает изначальные трения между архиереем и общиной.

Следовательно, поставление епископа Аркадия на новгородскую кафедру в 1156 г. создало прецедент, но отнюдь не стабильную практику избрания епископа на вече, и было лишь первой попыткой утверждения нового канонического порядка. Только начиная с архиепископа Гавриила в 1186 г. избрание епископов стало неотъемлемым правом новгородской городской общины, признанным киевским митрополитом. Однако речь не идет о «становлении нового республиканского порядка избрания епископа на вече», поскольку эта практика никоим образом не противоречила нормам восточно-христианского канонического права. Она в целом соответствовала первой главе 123 новеллы (*De diversis capitibus*

¹²¹ ПСРЛ. Т.7. С.78.

¹²² НПЛ. С.31-38.

ecclesiasticis) и второй главе 137 новеллы (*De creatione episcoporum et clericorum*) императора Юстиниана (527-565), которые предусматривали избрание трех кандидатов на епископство клиром и «первыми людьми» города с последующим утверждением и хиротонией одной из этих кандидатур митрополитом. Не случайно новгородская летопись постоянно упоминает, что избранник отправлялся на поставление в Киев с «передними» новгородскими мужами. К XII в. эти новеллы были изъяты из церковного права Византии, однако сохранились в славянском переводе Кормчей книги, сделанном с восточно-болгарского оригинала - Ефремовской кормчей XII в.¹²³. Эти установления составляли 87 главу т.н. *Collectio 93 capitulorum*, составленного будущим Вселенским патриархом Иоанном III Схоластиком (565–577), и попали сюда, очевидно, из первой главы XXVIII титула Прохирона, практического пособия для судей, составленного первыми императорами Македонской династии в конце IX – начале X в. и ставшего весьма популярным переводным сочинением у славян¹²⁴.

Эти нормы, упорядочивавшие участие мирян в избрании своего епископа, должны быть противопоставлены не 4 правилу Первого Вселенского собора в Нике, который закреплял право избрания-искуса и поставления (*aprobatio et ordinatio*) кандидата на архиерейство за митрополитом и областным собором епископов, а 13 правилу Лаодикийского собора 361 г., запрещавшему «скопищу» народа избирать архиерея. Появление в сербских редакциях Кормчей книги XIII в. толкования на 4 правило Никейского собора и более позднего «Устава како достоит избирать епископа»¹²⁵ никоим образом не исключало участие «клириков и первых града» из этого процесса. Несмотря на то, что количество кандидатов здесь могло быть сокращено до двух, из которых митрополит и делал окончательный выбор, их «избрание», предоставленное суду областного собора епископов, соответствовало не столько *electio* в собственном смысле этого слова, сколько *aprobatio* кандидатов, право выдвижения которых продолжало оставаться за городской общиной.

В основе такой практики было традиционное для Православной Церкви избрание епископа клиром и мирянами конкретного полиса и проверка обоснованности этого избрания провинциальным собором, где главной задачей присутствия соседних епископов

---

¹²³ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.1. Ч.1. М., 1997. С.361; Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869. С.28-51; Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905. С.260-26; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг. №75. С.116-117.

¹²⁴ Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т.1. СПб., 1906. С.800-801; Т.II. София, 1986. С.55-56.

¹²⁵ См. недавнюю полемику о «каноничности» избрания и поставления епископов на Руси: Богданов С.В. Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей новгородско-софийского круга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 4. 2010. С. 56-69; Корогодина М.В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Там же. 2. 2011. С. 113-117; Белякова Е.В. Замечания к полемике о чине поставления епископов // Там же. 2. 2011. С. 118-119; Богданов С.В. Избрание епископов на Руси в конце XIV - начале XV в.: каноны и практика (к постановке проблемы) // Там же. 3 (1). 2011. С. 21-23.

была проверка достоинства кандидата. Историк Церкви профессор В.В. Болотов писал по этому поводу: «Если собор узнавал, что обойден достойнейший, то допрашивал почему так. Приходилось указывать не свои пожелания, а действительные причины. Выборы находились под строгим контролем: этот контроль должен был сдерживать дрянненькие инстинкты человеческой натуры». По сути дела, избрание архиерея всегда происходило по принципу двухпалатного парламента. Нижняя палата, представленная народом и клиром, выдвигала кандидатуру, а собор областных епископов мог либо ее принять, либо наложить вето.

На первый взгляд, описанная в древнерусских хрониках практика избрания и поставления епископа, прежде всего в Новгороде, имела определенные отличия от требований канонов. К таким отличиям, особенно ярко представленным в событиях начиная с конца XII в., стоит отнести внешне пассивную роль митрополитов в поставлении новых епископов, отсутствие обязательного упоминания о трех кандидатах и, что представляется наиболее существенным, использование жребия для выбора основного кандидата, который и отправлялся к митрополиту для последующей хиротонии.

Однако всегда существующая возможность заново прочитать летописные тексты показывает, что это не так или не совсем так. Все особенности имеют свои объяснения, не выходящие за пределы допустимых отклонений от церковных канонов. Прежде всего, существовала определенная процедура извещения митрополита о прошедших выборах. Она предполагала отправку посольства с известием о кандидате или кандидатах и последующий приезд в Новгород чиновников митрополичьей канцелярии, вместе с которыми ставленник и мужи новгородские и отправлялись на рукоположение.

Так, в 1186 г. новгородцы, после избрания на кафедру Гавриила «послаша съ мольбою к митрополиту Никифору», после чего митрополит отправил за ставленником свое собственное посольство («прислаша по нь митрополит»). В 1193 г. о произошедшем избрании Мартирия также было объявлено митрополиту («послаша о нем к митрополиту»), который «присла по нь съ чьстью». В 1360 г. Алексей поехал на поставление, будучи позван «послы от митрополита». Пребывание послов в Новгороде, которые, судя по всему, выясняли на месте обстоятельства избрания, могло быть достаточно долгим. Так, послы митрополита Феогноста, Федорко и Семенко, которые прибыли в Новгород в марте 1331 г. за будущим епископом Василием Каликой, отправились вместе с ним на Волынь только 24 июня. Очевидно подобная процедура, не будучи отраженной хронистом, соблюдалась и в других случаях. Так, в 1324 г., игумен Моисей, будучи посажен на Владычном дворе после смерти архиепископа Далмата, почти год ждал «дондеже позовет его митрополит», когда он и заказал иконописцу Михаилу как «вступительный взнос» в дом Святой Софии икону «Спас на престоле», хранимую ныне в Благовещенском соборе Московского Кремля. После

хиротонии он продолжал находиться в Москве при митрополите Петре еще более года, прибыв в Новгород только в марте 1326 г. Времени было более чем достаточно, дабы постараться превратить «новгородского избранника» в «митрополичьего ставленника».

Спас на престоле – вклад в дом Святой Софии нареченного на епископство архимандрита Моисея. 1324 (?) г. Благовещенский собор Московского Кремля

Стоит также помнить, что рукоположению, которое совершается несколькими епископами соборно, всегда сопутствовал архиерейский собор и митрополичье наречение кандидата на кафедру. Собор и наречение играли важную роль в избрании и испытании кандидата со стороны епископата. Иногда, как это было в 1251 г. и в 1299 г., митрополит с собором епископов сам приезжал в Новгород для совершения наречения и хиротонии и мог воочию убедиться в каноничности свершившегося избрания.

То же необходимо сказать и о трех кандидатах. Из летописи неясно, были ли они в 1156 и 1186 гг., при избрании Аркадия и Гавриила, но первое известие об «альтернативности» епископских выборов 1193 г. свидетельствует, что соперниками Мартирия были будущий епископ Митрофан и некто Гречин. В 1229 г. соперниками Спиридона выступали епископ Владимира на Волыни Иосиф и вновь некий Гречин, при этом окончательный выбор доверялся митрополиту: «Кого даст митрополит, тот есть нам отец». В 1274 г. кандидатами оказались игумен Иоанн и Климент: двое кандидатов тоже допускались церковным правом. В 1359 г. помимо ставшего епископом Алексия, ключника Святой Софии, на кафедру избирались антоновский игумен Савва и Иоанн, клирик монастырского храма св.вмч. Варвары. В 1388 г. в число кандидатов входили три игумена:

хутынский Иоанн, благовещенский Парфений и рождественский Афанасий. В 1415 г. поимо хутынского чернеца Самсона в качестве будущих епископов рассматривались игумены Михаил и Лев. В 1421 г. в число кандидатов входили игумен Клопского монастыря Феодосий, игумен Захарий и владычный ключник Арсений. Последние выборы 1471 г. свели вместе владычного ризничего Феофила, ключника Пимена и духовника Варсонофия. Постоянное присутствие трех кандидатов на кафедру в течении XII-XV в. заставляет нас признать, что упоминание «Богом указанных» и «Богом избранных» ставленников в 1201, 1299, 1309, 1324 и 1330 гг., как и известие о выборах по жребию в 1423 и 1429 гг. скрывают всю ту же альтернативность замещения новгородской кафедры. Хронологическая компактность основных серий таких опущений связана исключительно с манерой хрониста подавать тем или иным образом исторические события.

Однако альтернативность выборов и наличие жребия были присущи не только Новгороду. Единственное свидетельство Супрасльской летописи об избрании 4 февраля 1411 г. тверского епископа Антония «москвитина» в присутствии митрополита Фотия по жребию из двух кандидатов лишь подтверждает распространенность такой процедуры в Древней Руси¹²⁶. Исключительность ситуации, которую хотел донести до нас тверской летописец, заключалась не в самом факте жребия или альтернативы, а в том, что этот жребий выпал не «своему» кандидату, которым был игумен Парфений, а, судя по всему, ставленнику митрополита, жребий которого был вынут епископом Суздальским Митрофаном.

Сохранившиеся греческие акты канцелярии митрополита Феоноста 1320-1340-х гг. подтверждают существование альтернативных выборов в Древней Руси. Они не только упоминают обязательность трех кандидатур в процессе замещения любой кафедры, но и свидетельствуют, что окончательный выбор должен был происходить в присутствии митрополита и епископов. Само описание избрания здесь предельно формализовано. После указания даты, в тексте сообщается: «Были выборы епископа Богоспасаемого града... в присутствии боголюбивых епископов. По каноническому чину были избраны кандидатами три достойных лица... [из них] предпочтен и избран [имярек]»¹²⁷.

Итак, выдвижение нескольких кандидатов было обязательным при замещении любой епископской кафедры в Древней Руси, даже если летописи не сообщают об этом факте. Однако как с подобной альтернативностью и санкционирующей ролью митрополита в этом процессе уживается известная практика жребия? Похоже, она действительно относится к

¹²⁶ Супрасльская летопись. ПСРЛ. Т.35. М.1980. С. 54. Ср.: ПСРЛ. Т.15. Ст. 186.

¹²⁷ Памятники древнерусского канонического права. Ч.I. Памятники XI-XV вв. 2-е изд. СПб., 1908. Ст. 442-443; Васильевский В. Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феоносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 255. 2. Февраль. 1888. С.445-463; Приселков М. Д., Фасмер М. Г. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Известия отделения русского языка и словесности. 21.1 1916. С. 48-70.

устойчивым древнерусским реалиям, хотя подобные прецеденты известны и в Византии. Самое раннее упоминание использования жеребьевки в 1193 и в 1229 г. происходит на фоне эмоционального описания «распрей» в Новгороде, связанных с процессом выдвижения кандидатов. Жребий в обоих случаях представлен как попытка свести к минимуму общественное напряжение, оставив выбор случаю, в котором христианское сознание видело Божественную волю. Такое толкование жребия совпадает с представлением об епископе, присущим ростовскому хронисту в 1185 г.: на святительство должны были призвать Бог и Богородица, что может рассматриваться как косвенное указание на использование жребия в этой епархии уже в конце XII в.

В этой связи представляется, что жребий играл бóльшую роль во внутренней жизни Новгорода, чем в его отношениях с митрополитом. Именно «назnamenованный Богом» кандидат возводился на Владычный двор и становился местоблюстителем дома Святой Софии, принимая на себя руководство сложным административным и хозяйственным организмом и тем самым вводя городскую жизнь в нормальное русло.

При этом «чернец на сеньях», как именовали новгородцы своего *locum tenens*, до своей хиротонии не вторгался в сакральные полномочия, присущие архиерейскому сану. Об этом свидетельствует, в частности, уникальный антиминос, происходящий из ризницы Киево-Софийского собора, но освященный, скорее всего, для церкви Благовещения Новгородского Деревяницкого монастыря, сгоревшего в 1414 г. Надпись свидетельствует, что он был обновлен «архиепископом Иваном Великого Новгорода при благоверном великом князе Василии Дмитриевиче всея Руси в лето 6923 месяца сентября 8 на Рождество Пресвятой Богородицы индикта 9», что соответствует 8 сентября 1415 г. Известно, однако, что Иоанн уходит на покой 20 января 1415 г. и водворяется как раз в Деревяницком монастыре. 11 августа на его место наречен инок Самсон, получивший при постриге имя Симеон и хиротонисанный лишь 22 марта 1416 г. Очевидно, что по крайней мере до хиротонии нового архиерея ушедший на покой епископ продолжал совершать присущие его сану священнодействия. Он и именовался в летописях и в надписях на сделанных по его заказу священных предметах соответственно – «владыка» дома Святой Софии, но никак не епископ Новгородский. Так, Моисей в 1325 г., согласно летописи, поехал в Москву на митрополичье поставление «владыкой», а вернулся в 1326 г. уже «архиепископом», чтобы снова стать «владыкой» после ухода на покой.

К избранию основного кандидата, становившегося местоблюстителем, по жребию митрополит мог отнестись трояко. Если само избрание происходило в присутствии первосвященника, то на него можно было «повлиять», удивив тверского летописца тем, что прибывший с митрополитом епископ вытянул именно «московский», а не «тверской»

жребий. Впрочем, происшедшее действительно могло быть счастливой для митрополита Фотия случайностью. Можно было отвергнуть основного кандидата, разрушив тем самым уже наметившееся преемство в управлении домом Святой Софии, и вступить в затяжной конфликт с Новгородом. А еще можно было, проявив гибкость, принять общинный выбор: политика, в том числе и церковная, есть искусство возможного. Новгородцам было приятно думать, что митрополит принял именно их кандидата, а митрополиту было приятно полагать, что именно он выбрал одного из трех, пусть и указанного ему Богом и новгородцами.

Стоит принять во внимание и тот факт, что источники косвенно указывают на возможность того, что все три кандидата таки или иначе представлялись митрополиту. Митрополиты Кирилл и Максим в 1251 г. и в 1300 г. могли видеть их непосредственно в Новгороде, как и митрополит Фотий в Твери в 1411 г. мог сравнить Антония и Парфения. Однако из уже известной нам записи митрополичьей канцелярии об избрании на новгородскую кафедру в 1331 г. явствует, что среди баллотировавшихся в тот раз был Юрьевский архимандрит Лаврентий и иеромонах Арсений, в котором мы склонны видеть наместника новгородского архиерея во Пскове¹²⁸. В то же время новгородская летопись сообщает, что во время хиротонии Василия Калики на Волынь приехало посольство из Пскова, представлявшее интересы князей Александра и Гедемина, вместе с Арсением, «хотяще его поставити на владычество в Плесков»¹²⁹. Отождествляя Арсения записи и летописи, стоит предположить, что иеромонах изначально прибыл на Волынь не для раздела единой новгородской епархии, а для того, чтобы быть представленным митрополиту в качестве одного из трех кандидатов. Нельзя до конца исключить возможность рождения идеи о создании самостоятельной кафедры во Пскове, однако современникам были хорошо известны все трудности перекройки епархиальных границ. Важно отметить и то, что Арсений уехал с Волыни не до, а после хиротонии Василия, в которой он, очевидно, участвовал: роль кандидата была сыграна до конца.

Таким образом, новгородская практика избрания епископа оказалась уникальной для средневековой Руси не самой выборностью кандидатов, которая была, как стоит предположить, повсеместно, а степенью участия городской общины в этой процедуре, как и во многих других событиях новгородской истории, и полнотой описания такого избрания в местной летописи. Она гораздо полнее сохранила в себе особенности восточно-христианского церковного права с присущей ему соборностью. Политическая жизнь прочих древнерусских земель активно способствовала отчуждению городской общины от избрания своего епископа, которое сосредотачивалась в руках князя и митрополита. Остальные христиане

---

¹²⁸ Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова...С.275-278.

¹²⁹ НПЛ. С.343-344.

лишь участвовали в пассивной рецепции нового владыки. Судя по всему, норма избрания епископа «клириками и первыми града» вошла в древнерусскую практику во время раскола, вызванного незаконным поставлением Клим Смолятича на митрополию на фоне активизации канонического сознания вообще. Но лишь в Новгороде, где князь являлся господином, сеньором города, а не государем - авторкатором и сувереном, вечевые порядки способствовали закреплению этих принципов.

Сегодня, на новом витке споров о том, чем было древнерусское вече, стоит вспомнить, что вечем в славянских переводах Библии могло называться собрание религиозного характера. Неопределенность в описании веча в древнерусских текстах, его состава и функций, оказывается сродни апофатическому характеру Церкви в истории, которая не способна уместиться в строгие социальные рамки. Кажущаяся пассивность городской общины при избрании епископата и даже удаленность основной массы горожан от места выборов имеет свои основания в церковных канонах, препятствующих «скопищу» вершить такое избрание. Впрочем, с церковной точки зрения трудно назвать пассивностью постоянное пение собравшимися молитвы «Господи, помилуй!» во время вынесения жребия, хорошо засвидетельствованное поздними летописями. В целом избрание было вверено клирикам и «передним мужам», но именно *receptio* молящегося церковного народа, наблюдавшего за этими событиями, утверждало или отвергало поставление нового кандидата на епископскую кафедру. Участие горожан, мирян по преимуществу, в церковных событиях должно объясняться не просто социально-политическими причинами, а статусом городского веча как собрания христианской общины. Представляется, современники живо осознавали это тождество между вечем и Церковью. И то, и другое становилось домом Святой Софии...

ОЧЕРК V

ТАЙНА СВЯТОСТИ

Епископ и святой – две подчас соперничающие исторические фигуры, которые символизируют эпоху Средневековья. Мы уже познакомились с тем, как становились епископами в Новгороде. А вот как становились святыми? Здесь нам должна помочь история человека, соединившая в себе «любовь и ненависть» средневекового Новгорода. В события XIII в. личность этого князя затмевает собой образы епископов, возглавлявших дом Святой Софии...

Естественно, речь идет об Александре Невском, почитаемом Православной Церковью как святой благоверный князь, память которого празднуется не единожды в год. Однако мы очень мало и недостоверно знаем о земной жизни святого князя. Существующие в историях и житиях даты его рождения - 30 мая 1219 г., 30 мая или ноябрь 1220 г., 13 мая 1221 г. не могут быть принимаемы на веру¹³⁰. Скорее всего, родился он не ранее 1221 г. в Новгороде, где в то время княжил его отец Ярослав Всеволодович. Нельзя с определенностью сказать, кто был небесным покровителем князя – Александр Египетский, Александр Римлянин, или какой-то иной Александр. Даже его монашеское имя, к которому мы привыкли – Алексей, появляется в позднем житии, когда традиция нарекать человека при постриге с той же буквы, что и его мирское имя, уже вполне сложилась¹³¹. Мы не знаем, и вряд ли узнаем, сколько раз был женат Александр. Мы не можем с точностью сказать, кем именно была его мать Феодосия – Ростиславой, дочерью галицкого князя Мстислава Мстиславича Удатного, или дочерью рязанского князя Игоря Глебовича. Известно лишь, что она скончалась 4 мая 1244 г., приняв перед смертью имя Ефросиния, и была погребена в Юрьевом монастыре близ Новгорода, подле своего сына Феодора, первенца и любимца Ярослава, которому тот передал свое христианское имя. Казалось, что Александру не оставалось ничего иного в жизни, как прожить ее в тени старшего брата, вместе с которым он отправился на княжение в Новгород в 1228 г. Однако эта личность преодолела предназначенный для нее ход истории.

Не менее запутана и церковная история Новгорода начала XIII в. В 1200 - 1210 гг. кафедру возглавлял архиепископ Митрофан. Однако в конце 1209 г. князь Мстислав Мстиславич заявил свои претензии на Новгород как на свою отчину. Князь Святослав со своими мужами был заточен на Владычном дворе и позднее отпущен во Владимир. Отношения владыки с новым князем начали складываться, судя по тону летописных сообщений, благополучно, и трудно предположить, на чем была построена интрига,

¹³⁰ Кучкин В.А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 2. 1986. С. 174-176.

¹³¹ Сазонов С.В. Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщение Ростовского музея. 6. 1994. С.16-24

поссорившая этих двух деятелей новгородской истории. В результате конфликта 22 января 1210 г. архиерей был изгнан в Торопец¹³². В том же году его сменил на владычной кафедре связанный с неревским боярством Антоний, в миру Добрыня Ядрейкович, принявший постриг в Хутынском монастыре и до этого совершивший паломничество в Константинополь. Так продолжалось до 1217 г., когда новый Никейский патриарх Мануил I Сарантин (1216-1222), похоже, вмешался в канонический конфликт в своей самой северной епархии, и потребовал от митрополита Киевского Матфея (до 1210-1220) созвать собор и в 1219 г. провести каноническое разбирательство.

Печати Новгородских архиепископов Митрофана и Антония. 1200-1220-е гг.

Сам Митрофан вновь появился в Новгороде еще в 1218 г. из Владимира и был «спроважен» новгородцами в монастырь Благовещения на Мячине. Опальный владыка, судя по всему, воспользовался отъездом князя Мстислава в Русь и последовавшим политическим переворотом, когда в Новгород был приглашен смоленский князь Святослав Ростиславич. В летописи «митрополичий» суд представлен как инициатива новгородцев, которые, воспользовавшись отъездом Антония в Торжок в 1219 г., вновь ввели на престол святой Софии Митрофана. Несмотря на вполне определенный совет горожан – «поиди, где ти любо», Антоний вернулся в Новгород и обосновался в монастыре Спаса-на-Нередице близ княжеского Городища. Затем оба епископа были отправлены горожанами на суд в Киев¹³³.

В 1219 гг. Митрофан был восстановлен на новгородской кафедре, а Антонию был предоставлен новосозданный стол в Перемышле, поскольку его покровитель князь Мстислав тоже ушел покорять Галицко-Волынскую Русь. В начале 1221 г. в Новгород на княжение приходит Ярослав Всеволодович, где у него и рождается сын Александр. 3 июля 1223 г. епископ Митрофан уходит «в путь вся земли», а хутынский монах Арсений, при несомненном участии Ярослава, избирается на новгородскую кафедру¹³⁴. Но в том же году Ярослав уходит из города, а его ставленник, так и не получивший хиротонии, остается без

¹³² НПЛ. С.52.

¹³³ НПЛ. С.60.

¹³⁴ НПЛ. С.61.

политической поддержки. Последующая княжеская чехарда приводит к тому, что вслед за Михаилом Всеволодовичем в 1225 г. в Новгород на кафедру из Перемышля возвращается архиепископ Антоний. На следующий год в Новгороде вновь появляется Ярослав, и уже 1 марта 1227 г. Антоний «по своей воле» уходит на покой в Хутынский монастырь. Естественно, на владычный двор возвращается монах Арсений, о чем летопись не сообщает, но что становится ясно из последующих событий.

Следующий, 1228 г. выдался драматичным: дождь лил, не переставая от Успения Богородицы до Николая зимнего. Оба княжича, Феодор и Александр, были свидетелями того, как Арсения «аки злодея пхающее в шию выгнаша». Ему вменили в вину то, что он был поставлен на кафедру «неправедно», «на мзде», которую инок якобы дал Ярославу, отцу княжичей. Эта симония, приобретение церковных должностей, и стала, по мнению новгородцев, причиной природного катаклизма¹³⁵. На престол Святой Софии был посажен ослепший архиепископ Антоний, живший на покое в Хутынском монастыре. В помощь ему были приданы светские чиновники, Якун Моисеевич и щитник Микифор, очевидно, близкие к сотенной администрации, поскольку «Устав князя Всеволода» XII в. предписывал владыке строить дом Святой Софии совместно с сотскими.

Однако церковная смута переросла в смуту политическую, в городе были разграблены дома софийского духовенства, представителей владычной канцелярии и тысяцкого. Братья вместе бегут 20 февраля 1229 г. из Новгорода, и возвращаются вместе с отцом в конце 1230 г. Крестовоздвиженский заморозок на корню убивают в тот год обилье в Новгородской земле. Княжичи оказываются здесь в самый страх мора, обернувшегося людоедством. Лишь весной 1231 г., когда город ждал своей кончины, «прибегоша Немци из заморья с житом и мукою и сотвориша много добра», и эту инославную «гуманитарную помощь» люди и летописец расценили как проявление Божьего милосердия.

Пока княжичей не было, в городе сменилась церковная власть. Еще в 1229 г. при живом, но плохо здравствующем архиепископе Антонии, который скончался лишь 8 октября 1232 г., пришедший в Новгород Черниговский князь Михаил Всеволодович предлагает новгородцам избрать себе нового владыку¹³⁶. Жребий падает на иеродиакона Юрвева монастыря Спиридона, который 17 декабря отправляется в Киев к митрополиту. Его священническая хиротония состоялась в Прощенное воскресенье, а в «соборное воскресенье», на Торжество Православия, он стал епископом. 19 мая 1230 г., на память 318 отцов, составивших I Вселенский собор в Нике, он вернулся в Новгород. Арсений тоже не лишается своей награды: в 1231 г., после возвращения Ярослава, нашедшего владычную

---

¹³⁵ НПЛ. С.67.

¹³⁶ НПЛ. С.68.

кафедру уже занятой, он становится настоятелем Юрьева монастыря и архимандритом новгородским.

Княжичи остаются в Новгороде. Но 10 июня 1233 г., накануне собственной свадьбы, Феодор, будучи 14 лет от роду, внезапно умирает. Александр остается в городе единственным наместником отца, но лишь в 1236 г. Ярослав, уходя на поиски Киевского стола, оставляет его самостоятельным князем: одновременно судьей, военачальником и символом власти в Новгороде. В Средневековье то было свято, что необычно. Необычным было то, что княжичи выжили в том страшном 1231 г., хотя новгородцев телегами свозили в общие скудельницы. Необычной была и смерть Феодора накануне свадьбы, вызвавшая у летописца и горожан удивление и жалость. В жизни князя Александра обыденность вообще густо перемешивается с необычностью, а житейская предопределенность рушится от соприкосновения с вмешательством свыше. Уже само имя его не было привычным для князей владимирских. Здесь чувствуется тяга к «Александрии», воспевающей подвиги Александра Македонского, к Византии, тоска по ее вселенскости и величию ее императоров. Возможно, выбор имени был обусловлен существовавшими тогда прочными отношениями суздальских Рюриковичей с династией галицко-волинских князей, постоянно поддерживавших контакты с Константинополем.

Начало самостоятельного княжения сразу же поставило перед Александром проблему выбора и необходимость оглядываться по сторонам. В феврале 1238 г. он не пришел на помощь осажденному татарами Торжку, но сделай он это, князь уже тогда мог бы стяжать скорую посмертную святость. В 1239 г. князь женится на Александре, дочери полоцкого князя Брячислава и празднует два брачных пира - в Торопце и в Новгороде, для своих полоцко-смоленских родственников, глядящих в сторону поднимающейся Литвы, и для вольных новгородцев, ни на что не оглядывающихся.

Тогда же должны были состояться его переговоры с Андреасом фон Вельвеном, видным дипломатом Ливонского ордена, который искал у князя союза против Литвы. Военное столкновение на Неве, в устье реки Ижоры, 15 июля 1240 г. остановило шведский десант и задержало подчинение Приневья шведской короне почти на полвека. Но ослабленная этим боем княжеская дружина не смогла предотвратить падение Пскова в октябре того же года. Невская победа обернулась псковским поражением, новгородскими проблемами и вынужденным отъездом в Переславль-Залесский. Князь возвращается в Новгород лишь в 1241 г., поскольку союз с ливонцами уже сменился войной с ним. Псков был освобожден, а 5 апреля 1242 г. «за Плесковом на озере», Александр и его брат Андрей, отряд которого был послан на подмогу их отцом Ярославом, одерживают победу над рыцарским корпусом.

Невская битва. 1240 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. Лаптевский том. XVI в.

Ратный труд сменяется дипломатией – внешней и внутренней. Монгольское завоевание, погубившее немало родственников и соотечественников князя Александра, до поры не затрагивало ни его лично, ни его новгородское княжение. Однако завоеватели, так и не сумевшие разобраться в сложных семейных отношениях дома Рюриковичей, не знавшего настоящей иерархии, решили навести здесь порядок. В роду назначался «старший», который вместе с Владимирским столом получал в Орде ярлык на великое княжение. Со старшего хан всегда мог спросить за то, что творилось на Руси. В 1246 г. после смерти Ярослава, бывшего великим князем, этот титул получил дядя Александра - Святослав Всеволодович, однако уже в 1247 г. инициативу перехватывают его энергичные младшие братья – сначала Михаил, а потом Андрей Ярославичи. Начинается «пря о великом княжении». В том же году в Орде Александр, сохраняя за собой Новгород и Переславль-Залесский, получает из рук хана княжение в Киеве – безо всякого титула «великий», и Русскую землю - Среднее Поднепровье. Великий князь по-прежнему сидел во Владимире. Системе территориально-административного управления Чингизидов всегда была присуща двоичность, и,

следовательно, раздел на Руси произведен в полном соответствии с монгольскими традициями¹³⁷.

В эти годы князь возвращается в круг европейских интересов: с Римом он вступает не столько в общение, сколько в дипломатические отношения. Еще ранее, будучи на Волге и по пути в Каракорум, он отвечает на послание папы Иннокентия IV от 23 января 1248 г., посвященное чаемому воссоединению с Римской церковью. В послании он исповедует христианскую веру и дает согласие на строительство в Пскове соборного, отнюдь не кафедрального, но приходского храма латинского обряда, что мы узнаем из нового папского послания 15 ноября 1248 г. Мнение о том, что папские буллы выдают желаемое за действительное, и вообще были адресованы «не тому князю», безосновательны. Церковь латинского обряда в Пскове несомненно существовала. В 1465 г. псковская летопись упоминает «Ропатскую лавицу», квартал на приречной террасе, в Опоцком конце. Известно, что ропатой, от искаженного слова «ротонда», на Руси назывался как раз латинский храм.

Печать архиепископа Новгородского Далмата. 1251-1273 гг.

В 1249 г. умирает епископ Спиридон, с которым князь был связан 20 лет, и 25 мая 1251 г. в Новгороде митрополит Кирилл и другой Кирилл, епископ ростовский, рукополагают нового епископа Далмата (1251-1273). В 1251-1252 гг. Александр приезжает в Орду и наконец получает Владимирское княжение, «старейшинство во всей братии его». Это окончательно портит его отношения с родными братьями – Андреем, вторым триумфатором битвы на Чудском озере, и Ярославом. Александр вернулся из Орды не один, но вместе с татарским войском, «Неврюевой ратью», от которой Андрей бежит из Руси в заморье, а Ярослав, после праздника Крещения 1254 г., из своей Тверской отчины - в Ладогу вместе со своими боярами. Здесь он был принят с честью, после чего получил княжение во Пскове, при полном согласии новгородцев. В Новгороде тогда княжил сын Александра Василий.

Добрые отношения Новгорода с братом Ярославом должны были раздражать Александра. Конфликт назревал уже давно и мешал всем. В 1255 г. новгородцы все же решили отправить к князю на переговоры архиепископа Далмата с «грамотами о мире». Это

¹³⁷ Рыкин П.О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском // Клепенин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. Ю.В.Кривошеев, Ю.В. Сандулов (ред.). СПб., 2004. С.209-226.

не спасло ситуацию: новгородское восстание против Александра все-таки разгорелось в том же году. Василий Александрович был изгнан, а Ярослав Ярославич посажен на новгородский стол. Владимирский летописец целиком возложил вину за происшедшее на «медлительность» («оному же умедлившу») и нерасторопность иерарха¹³⁸. Сами же новгородцы встретили князя и вернувшегося с ним Василия не крестным ходом и «поклоном с честью многою», как утверждает Лаврентьевская летопись, а двумя вооруженными полками – кавалерийским за Рождеством на поле и пехотным на Славне. Впрочем, мир «на всей воле новгородской» был заключен достаточно быстро. Только тогда архиепископ Далмат вышел на встречу князю «со кресты» у Прикуповича двора, расположенного, очевидно, где-то на Славне, по дороге на Городище¹³⁹.

Печать князя Александра Ярославича с изображением европейского рыцаря. 1250-е гг.

В 1257 и 1259 гг. Новгород, не без участия княжеского сына Василия, был охвачен новыми восстаниями против проводимой здесь Ордой «переписи населения» в целях получения налогов с покоренных территорий. Протест русичей носил не только прагматический характер: библейское сознание со времен царя Давида рассматривало перепись как вызов, брошенный Богу, поскольку переписчик покушался на «Божественную собственность», на обладание «святыми людьми», сначала израильянами, а потом и христианами, которых Бог взял в Свой удел (2 Цар. 24: 1-25). В 1257 г. князь Александр, в соответствии с византийскими привычками, «казнил» зачинщика - своего неведомого нам тезку и его дружину, обвинив их в том, что именно они подбили Василия «на зло»: «овому носа урезаша, а иному очи вимаша»¹⁴⁰. Своего сына, бежавшего в Псков, он по свидетельству летописи «выгна из Плескова и посла в Низ», т.е. в Северо-Восточную Русь. Выставляемая на показ жесткость князя по отношению к собственному сыну не была данью политической справедливости. Это была часть ритуала, социальной игры, в которую зачастую играли и византийские императоры, как, например, Василий I Македонянин,

¹³⁸ ПСРЛ. Т.1. Ст.474.

¹³⁹ НПЛ. С.80-81.

¹⁴⁰ НПЛ. С.82.

отправивший в тюрьму по ложному доносу своего сына Льва, будущего императора по прозвищу Мудрый. Правитель в христианской стране рассматривался как «подражатель Христу» по преимуществу. Уподобляясь Богу, император следовал Евангелию, принося собственного сына в жертву, пусть и текущей политике: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16).

В 1259 г., во время очередной переписи, князю Александру пришлось вновь бежать из Новгорода. Его близкие в Суздале опасались за его жизнь – местный летописец с облегчением отмечает, что князь прибыл «здрав». Новгородский летописец, очевидно, знал, о непростых отношениях князя и горожан, но посчитал княжеские страхи его личной проблемой. Он записал, что князь «поехал» из Новгорода лишь после того, как обеспечил безопасность ордынских налоговиков, оставив здесь на княжении своего сына Дмитрия. Похоже, что в 1262 г., когда подобным протестом была охвачена и Владимирская земля, Александр сознательно сорвал ордынскую попытку использовать русские отряды в войне с Ираном, неожиданно и без видимой надобности отправив новгородское войско во главе с Дмитрием Александровичем осаждать Юрьев¹⁴¹.

Между двумя переписями, в 1261 г., архиепископ Далмат покрывает святую Софию новой свинцовой крышей. Это самое дорогое строительное мероприятие новгородцев за время, прошедшее с выплаты ордынского «выхода» 1259 г., стало возможным благодаря освобождению монгольской властью от «положения в число», всех, «кто зрит на Святую Софию»¹⁴². В том же 1261 г. митрополит Кирилл рукополагает епископа Митрофана на кафедру в Сарае, созданную непосредственно перед этим. Об участии князя Александра в самом избрании или в создании новой епархии ничего не говорится. Очевидно, это было в значительной степени делом византийской дипломатии: в 1274 г. Сарайский епископ Феогност обращался к Константинопольскому Синоду непосредственно, минуя своего митрополита, что свидетельствует о наличии у него подобного права.

Князь завершал течение своей земной жизни, череда его политических деяний, свидетельствующих о нем как о властном и жестоком самодержце, подходила к концу, а мы пока так почти и не сумели разглядеть за ними его христианскую личность. А она, вместе с тем, была жива и требовала своего признания. В 1246 г. Александр хоронит своего отца, а 1249 г. погребает дядю Василия Всеволодовича и двоюродного брата Василия Константиновича и «плачет над ним». Это не ритуальная формула, и не формальный ритуал. Вопреки мнению о «бесчувственности» Средневековья, глаза этих людей всегда были «на

---

¹⁴¹ Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 2. 1997. С. 48-58.

¹⁴² Ср.: ПСРЛ. Т.1. Ст.475.

мокром месте», что не считалось постыдным. Это были слезы «страха смертного», который тоже был одним из положительных качеств средневекового человека. В лицо смерти князь смотрел и в 1251 г., когда с ним в Новгороде приключилась «болезнь тяжка». Исцеление от этой болезни летописец объясняет как прощение, помилование Божие, которое случилось не только по молитвам Кирилла, митрополита Киевского, и Кирилла, епископа Ростовского, но и по молитвам его отца – скончавшегося, или даже отравленного в Орде за пять лет до этого князя Ярослава.

Чудесность этого исцеления не может быть проигнорирована, когда мы говорим об отношении современников к князю Александру, как не могут быть отброшены все неожиданные повороты его судьбы, часть из которых нам уже известна. Он умер 14/27 ноября 1263 г., в среду, накануне Рождественского поста, в Городце на Волге, возвращаясь из Орды. Накануне смерти он принимает монашеский постриг. Князь был погребен в пятницу, 23 ноября/6 декабря, в Рождественском монастыре во Владимире. Отпевавший князя митрополит Кирилл, в духе византийской гимнографии, сравнит его кончину с крестной смертью Христа и скажет: «Зашло солнце земли суздальской!».

Образ св. Александра Невского, в монашестве Алексия. Иконная прорись Э. Хасяновой.

Предсмертный постриг не был уже на Руси того времени редкостью, он распространился уже в конце XII в. Но постриг великого князя, старейшего в своей братии, расставлял все небесные и земные ценности по подобающим им местам, не оставляя сомнений в превосходстве одних над другими. Это было не только актом личного покаяния, «умоперемены», это было покаяние корпоративное, направленное на придание легитимности

созданной Александром новой системы власти и новой династии, которая могла надеяться на успех, лишь признавая главенство Церкви в вещах духовных. Не случайно на древнейшем изводе иконы князя, ставшего иноком, святой держит в руках свиток со словами из книги Проповедника: «Братия моя, Бога бойтесь и заповеди его [соблюдайте]» (Екклесиаст 12: 13). «Братия моя» могла быть только княжеской братией. Именно в этих словах, а не в чем-либо другом, заключалось истинное завещание святого князя...

Уже неоднократно отмечалось, что с наступлением Московского царства княжеская святость, столь характерная для Древней Руси, иссякает. Но точно так же обстояло и положение дел в Византии, где канонизация правителя не имела ничего общего с освящением власти. Если для Древней Руси князь был, прежде всего, защитником «сирот и вдов», выполнявшим миссию общественного регулятора, проистекавшую из его сакральной избранности, то теперь на первый план выходила свойственная Византии иерархия ценностей.

Описанная выше икона - посмертный портрет в монашеском облачении - и была поставлен на его гробе. Почитание князя, ставшего иноком, должно было начаться сразу и именно во Владимире, вокруг его могилы. Потому и не кажется странным, что первым днем его памяти стал не день его кончины, а день его погребения. Этому почитанию способствовала и нетленность княжеского тела, которая всегда удивляла русского человека и была для него, пусть и вопреки церковной традиции, признаком святости. Об этом свидетельствует и сообщение летописца о страшном пожаре во Владимире, уничтожившем город и его святыни в 1491 г., когда монастырский храм Рождества весь выгорел изнутри: «И тело великого князя Александра Невского сгоре, понеже бо в теле лежаше». Но главное, что привлекало современников к его могиле и что дало ему признание святости – не его княжеские и воинские достоинства, а его новая монашеская жизнь, которая перетекла в жизнь вечную. Именно тогда он и был «канонизирован», а отнюдь не на соборе 1549 г., когда служба ему стала распространяться по российским городам и весям.

Однако эта святость начинает жить в глазах потомков новой жизнью, постепенно «освобождаясь» от тех смыслов, которыми она была наделена в момент рождения. Уже в XIV в. у Александра появляются новые прозвища. Он становится Храбрым, а затем Невским: военный эпизод на Неве стал знаковым. Свою лепту в создание новой, воинской ипостаси святого князя, внес и Новгород, где, в среде боярства Прусской улицы, должна была родиться легенда о Невской битве. Не стоит думать, что лишь профессионализм князя Александра как военачальника послужил для прусан поводом к его почитанию. Вспомним, что именно в новгородской летописи появляется фраза о том, что князь потрудился за Новгород, «живот свой отдавая». Она напрямую отсылает нас к Евангелию: «Нет большей

той любви, как если кто положит жизнь свою за други своя» (Ин.15: 13). Именно поэтому в истории христианства в Древней Руси воин был больше, чем воином, но исполнителем особой миссии, которую бы мы сегодня назвали христианизаторской. Древнерусская дружина, бывшая носителем определенным образом понятых христианских идеалов, осознавала, что на войну идут умирать, а не убивать...

Впрочем, в Новгороде, где отношение к князю даже после его кончины было сложным, летописец XV в., заимствуя в хронику княжеское житие из промосковского, митрополичьего свода, сохранит и молитву к Богу о прощении княжеских грехов и даровании ему жизни вечной. Это и не мудрено. Договора между Новгородом и князьями, заключенные после кончины Александра, еще помнят, в чем именно князь должен быть прощен на небесах, предостерегая тем самым новых суверенов от того, чтобы быть похожим на прежних: «А что брат твой Александр деял насилие над Новгородом, а того, княже, отступися, а что было отъял брат твои Александр поже, то ти, княже, не надобе».

Орден Александра Невского. СССР. 1942 г.

Новое время вновь меняет присущий Александру смысл святости. Князь, воспринявший навязанную завоевателями систему социально-политических и экономических отношений и завещавший ее потомкам, может быть по праву назван «отцом русского феодализма». К тому же он первый на Руси на своих печатях стал помещать изображение конного война с мечом, восприняв его из культуры латинской Европы. Начиная с XVI в. среди достоинств Александра оказались востребованы именно достоинства правителя. Князь добровольно стал иноком, но поверх монашеского облачения на него упорно стремились надеть княжескую мантию, как и повелел изображать его на иконах Святейший Синод в 1724 г. Петр Великий назначил князя Александра в святые новой столицы как основоположника Московского царства и основателя империи. С его образом на берега Невы пришел не Новгород, как мы привыкли думать, а именно Москва. Советская

эпоха вновь постаралась приспособить святость князя к своим нуждам, оставив за ним лишь образ полководца, готового идти в бой, когда его пошлет «страна родная». Времена новейшие вновь пытаются примерить на него образ основателя великой страны и борца с тлетворным европейским влиянием.

Все это смешение святости и светскости призвано убедить христиан в том, что у Церкви и Империи одинаковые цели, и что высшее предназначение христианина - благо этой Империи. Но именно это опровергает жизнь и житие святого благоверного князя Александра Невского. Так что же святого было в князе, который сотрудничал с оккупантами своей Родины, строил католические церкви, «деял» насилие над Новгородом, калечил своих политических противников? Наверное, сам человек, которого иногда пытаются вывести за скобки.

Во времена Александра люди знали, что «несть человек, иже жив будет и не согрешит», как говорится в заупокойной службе. Но так же твердо знали они и то, что знал и сам князь из молитв на праздник Пятидесятницы: «Тебе Единому согрешаем, но и Тебе Единому служим». Перед смертью, своим поступком, превратившим его из князя в монаха, Александр сумел трезво оценить свои достижения. Этим он дал понять себе и окружающим, что не считает свое собственное княжеское служение важнее любого другого человеческого труд. Именно эти качества князя, а совсем не те княжеские качества, что ему сегодня ставят в заслугу политтеологи и политтехнологи, дают ему право быть у Бога в сонме святых....

ОЧЕРК VI ОБРАЗ СОБОРНОСТИ

Епископ, князь и святой были не единственными персонажами средневековой истории. Кругом жили люди, требовавшие их участия в своей судьбе. За три столетия существования дома Святой Софии его пространство, населенное этими людьми, возросло и преобразилось. И Новгород, и Новгородская земля, и входивший в софийские пределы Псков требовали особого отношения. Именно тогда, в конце XIII столетия, при архиепископе Клименте (1276-1299) в Новгороде и Пскове появляются владычные наместники, осуществлявшие епископский суд и управление. Кроме наместников функции владычного управления изначально исполнялись тиунами, связанными с архиерейским хозяйством, и десятинниками, ответственными за сельское духовенство, а в интересующую нас эпоху – еще и волостелями и поселниками, ибо земли Софийского дома приросли волостями и селами.

Первые наместники древнерусских епископов известны еще в 1230-е гг. на землях Галицкого-Волынской Руси¹⁴³. Возможно, они возникли здесь по образу и подобию кастелянов, которые были судьями и управляющими латинских епископов в соседней Польше. Византийское церковное право знало архиерейских местоблюстителей, но новая должность была ему незнакома. Русский титул наместника в делопроизводстве Вселенского патриарха записывался греческими буквами.

Деятельность наместников известна нам во многом благодаря находкам вислых печатей, моливдовулов, которыми те скрепляли свои грамоты. На сегодняшний день мы знаем несколько сотен таких свинцовых кружков, но лишь редкие из них сохранились непосредственно при документах. Чаще всего эти печати оказываются случайными находками, или же происходят из растворившихся во времени семейных и служебных архивов. То, что это были печати именно наместников новгородских архиепископов, подтверждается надписями и изображениями на них, которые упоминают должность и имя церковного чиновника, дополненные образом святого - небесного покровителя новгородского архиерея¹⁴⁴. Наместничества возникли в конце XIII в. и просуществовали до присоединения Новгорода к Москве в главных городах Северной Руси: Пскове, Ладоге и Торжке. Наместники действовали в Кореле, в Заволочье на Северной Двине и в самом Новгороде, где пользовались анонимной печатью с изображением Голгофского креста и

¹⁴³ Щапов Я.Н. Государство и Церковь в Древней Руси X-XIII вв. ... С.70-72.

¹⁴⁴ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X-XV вв. М., 1998. Т.3. С.82-83. Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А. Новые сфрагистические находки в Торжке // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. 4(49). 2007. С. 205-216.

образом Богоматери «Знамение». Со времени правления архиепископа Моисея (1325-1329) количество таких печатей существенно увеличилось, что свидетельствовало о возрастании роли дома Святой Софии в контроле над рынком новгородской земли.

Печать владычного наместника Нового Торга времен архиепископа Давида и анонимная печать владычного наместника в Новгороде. XIV-XV вв.

Тот факт, что речь шла именно о земле, подтверждают не только немногочисленные акты купли-продажи, вклады и завещания, при которых сохранились печати. Это засвидетельствовано и текстом Новгородской судной грамоты (1385-1471), которая предусматривала широкие полномочия новгородского архиепископа и его наместников в «земном орудье» наравне со «сместным» судом новгородских магистратов и княжеских чиновников¹⁴⁵. Сравнение новгородской практики с текстами Псковской судной грамоты XIV-XV в. и наказами наместникам Киевских митрополитов на территории Великого княжества Литовского свидетельствует, что новгородские владычные чиновники обладали более широкими полномочиями, чем их литовские и псковские коллеги. Сфера деятельности этих последних ограничивалась внутренней жизнью архиерейского дома и судебным разбирательством церковных преступлений и проступков духовенства и зависимого от Церкви населения¹⁴⁶. К тому же, если на западе Киевской митрополии наместником был архимандрит, то в Новгороде и во Пскове эту должность исполняли миряне, причем во Пскове, в период между 1331 и 1348 гг., согласно Болотовскому пожалованию-договору, наместник назначался исключительно из псковичей, а не из «софиян».

Если Новгородская земля в XIV-XV в. состояла из архиерейских наместничеств, то сам Новгород этого времени состоял из иерейских соборов. Таких соборов-округов, составленных из «приходских» церквей с главным храмом-собором во главе здесь было семь. На Софийской стороне существовали Софийский, Архангельский, Власиевский, Четыредесятский и Яковлевский соборы, объединенные вокруг епископской кафедры, церкви св. архангела Михаила на Прусской улице, церкви свщмч. Власия на Волосове улице,

¹⁴⁵ Законодательство Древней Руси / Российское законодательство X-XX в. О.И. Чистяков (ред.). М., 1984. Т.1. С.304-307.

¹⁴⁶ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С.92; Памятники древнерусского канонического права... С.569-572.

церкви свв. Сорок мучеников Севастийских на Щеркове улице и церкви св. ап. Иакова на Яковлевой улице. На Торговой стороне было всего два собора - Иоанновский, вокруг храма Рождества св. Иоанна Предтечи на Опоках, и Успенский с церковью Успения Пресвятой Богородицы на Козьей бородке во главе.

Количество соборов не имеет ничего общего со «священным числом» семи Вселенских Соборов или семи церковных таинств. Церковная структура Новгорода слагалась естественным образом на основе тех боярских и княжеских общин, которые составляли дом Святой Софии в XI в. Соборы складывались вокруг древнейших городских храмов, как боярских, какими были, скорее всего, Власиевская и Михайловская церкви, так и «сотенных», изначально более тесно связанных с князем и епископом, чем с аристократией – церковью св.Иакова, Сорока мучеников, Рождества Предтечи и Успения Богородицы. Судя по всему, в древности на Софийской стороне существовало несколько различных по своей социальной природе общественно-политических центров. Поэтому и соборов здесь сложилось больше, чем на правом берегу Волхова.

Однако к XIV в. произошла определенная «нивелировка» новгородской общины. Группы сотенного населения оказались подчинены власти посадников и сотских, представлявших новгородское боярство. Некогда «сотенный» Четыредесятский храм становится в 1316 г. усыпальницей неревского боярского рода Юрия Мишинича, традиционно связанного с древним храмом свв. мчч. Козмы и Дамиана. Скромные усадьбы княжских людей на Торговой стороне выросли в размерах и превратились в богатые дворы городского нобилитета. Это и послужило основой для создания в Новгороде «семисоборной» организации.

Соборы известны и в прочих древнерусских городах. Так, во Пскове между 1356 и 1471 г. возникло шесть городских соборов¹⁴⁷. Однако соборная организация Великого Новгорода известна лучше других благодаря уникальному источнику - «Семисоборной росписи», перечню всех 80 новгородских церквей с их 78 приделами в семи соборных округах, составленному, скорее всего, в 1480 - 1483 гг.¹⁴⁸ Впервые 7 соборов упоминаются в Новгороде в 1417 г. при архиепископе Симеоне, хотя уже в 1386 г. 7 попов входили в состав посольства к Дмитрию Донскому¹⁴⁹. К 1477 г. эти округа во главе с соборными старостами получают право участия в общегородском представительстве.

¹⁴⁷ См.: *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова... С.139 и след.

¹⁴⁸ *Никольский А.И.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. Санкт-Петербургской библиотеки Св.Синода // Вестник археологии и истории. 10. 1898. С.76-81; *Янин В.Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С.108-117; *Андреев В.Ф.* Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. 3 (13). 1989. С.219-223; *Мусин А.Е.* Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей. К 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 104–122.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т.5. С.241.

Семисоборная организация продолжала существовать и после присоединения Новгорода к Москве. В 1485 г. соборное духовенство освобождается от совершения регулярных богослужений в Софийском соборе и платы за право служения на «приходах». В 1551 г. Стоглавый собор подтверждает, что суд владычных бояр и диаков, сменивших наместников, должен проходить в присутствии соборного духовенства¹⁵⁰. Однако соборы не пережили испытания Смутным временем, когда из прежних соборов остались только три: Успенский, Предтеченский и Яковлевский. В 1620-е гг. в число соборных были ненадолго «назначены» Знаменская и Николо-Дворищенская церкви на Торговой стороне¹⁵¹, но уже в середине XVII в. Судный приказ Софийского дома состоял лишь из трех столов, которые ведали делами «выживших» соборов. В 1764 г. благочинные округа, известные и ныне, окончательно сменили округа соборные¹⁵².

Городские соборы не были лишь богослужебными объединениями духовенства, своеобразным «поповским профсоюзом», или местом, где епископ осуществлял свой суд. Они наполняли городские кварталы церковной жизнью, объединяя их общим богослужением и общей ответственностью за судьбы Церкви. В основе соборной организации лежала древняя система церковной демократии, обеспечивавшая равновесие между частными и общими интересами через участие общины в выборах клириков и епископов. Трудно сказать, почему в процессе перевода Никео-Цареградского Символа веры с греческого на славянский «кафолическая Церковь» была истолкована как «Церковь соборная». Однако это навсегда наделило ее содержание естественной связью с общим, соборным делом. В этом имени Церковь, в полном соответствии с изначальным смыслом термина «кафолическая», обретала не общинный или общественный, а именно общий, открытый для всех характер, а ее управление должно было осуществляться «сообща». В этом смысле соборы духовенства и собрания общин с их вполне демократическими по нынешним меркам процедурами стали своего рода «иконами» соборности в жизни Церкви...

Мы уже видели активную роль церковной общины Новгорода в деле избрания и поставления своего епископа. Однако когда именно здесь сложились соборное управление? Все указывает нам на середину XIV в., когда в летописи меняется формула, описывающая совокупность новгородского духовенства. До этого времени местный клир, участвовавший в городских событиях, описывается как «игумены и попове» и весь Новгород. Последний раз мы встречаем это выражение, когда горожане встречают в 1360 г. новопоставленного архиепископа Алексия (1359-1388). Однако уже в 1362 г. освящение владычной церкви Рождества «на сенях» совершается архиепископом «с игумены и с попы и клиросом святой

¹⁵⁰ Акты Археографической экспедиции. М., 1836. Т.1. С.221.

¹⁵¹ Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. Ч.2. С.264, 273, 274.

¹⁵² Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии... С.132, 179.

Софии»¹⁵³. С этого момента упоминания Софийского клироса в общеновгородских делах становится обязательным.

Спас на престоле – вклад в дом Святой Софии архиепископа Алексия. 1362 г. Софийский собор. Новгород.

Такое подчеркивание роли «софиян» в летописи может свидетельствовать о значительном расширении функций клира главного городского собора и о развитии соборного строя в Новгороде вообще. До этого софийское духовенство упоминается дважды: в 1156 г. и в 1194 г., оба раза при избрании новгородских епископов. Все это заставляет нас согласиться с предположением, что архиепископ Алексий начал свое святительство с серьезных церковных реформ. Именно им в 1360-1362 гг. была создана семисоборная организация Новгорода. Похоже, что это начинание Алексия стало причиной создания двух новых новгородских святынь. В приделе Рождества Богородицы Софийского собора, справа от Царских врат, находится образ Спаса на престоле¹⁵⁴. Надпись на иконе свидетельствует, что написана она повелением архиепископа Алексия в 1361-1362 гг., т.е. как раз в момент соборной реформы. Напомним, что образ подобной иконографии был заказан владыкой Моисеем как вклад в дом Святой Софии сразу после своего избрания, как можно предположить, в 1324 г. Другая святыня – Алексеевский крест, который сегодня стоит слева от главного Софийского иконостаса. Упомянутая в надписи дата его создания с трудом поддается прочтению, но она справедливо связывается с каким-то значимым событием в

¹⁵³ НПЛ. С.368.

¹⁵⁴ Царевская Т.Ю. Икона «Спас на престоле» 1362 г. как духовное завещание новгородского архиепископа // СЮФИА. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М., 2006. С. 471–490.

истории Новгорода¹⁵⁵. Крест был поставлен «на поклонение всем христианам», а тексте надписи упоминается некое «общее дело» новгородцев, которым и могло быть создание в 1360-1362 гг. «общей», соборной организации.

Крест архиепископа Новгородского Алексия. Начало 1360-х гг. Софийский собор. Фото В. Евдокимова

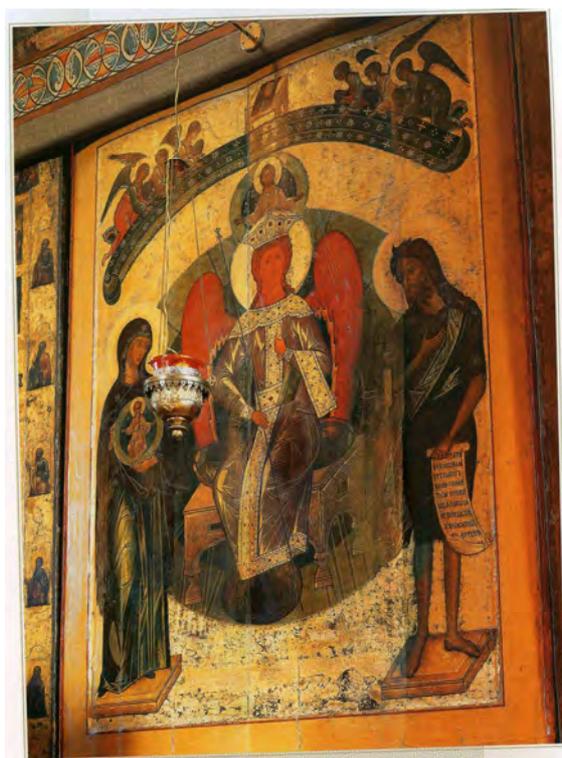
Соборная реформа вообще вдохнула новое дыхание в культурную жизнь Новгорода. Именно с ней, по нашему разумению, должна быть связана икона, ставшая его символом – образ Софии-Премудрости Божией. Здесь перед нами предстает огнезrachный ангел в венце и императорских одеждах, который восседает на троне и держит в руках жезл и свиток. Ему в молении предстоят Божия Матерь и св.Иоанн Предтеча, а над его главой изображен благословляющий Христос, за которым изогнулась радуга небесного свода с изображением Этимасии – Престолом уготованным и устремленными к нему ангелами.

Древнейшие новгородские иконы Святой Софии относятся к концу XV в., поэтому искусствоведы полагали, что сам образ был написан именно в это время под влиянием аллегорического европейского искусства. Однако эта иконография была уже известна мастерам Грановитой палаты Новгородского кремля в 1433 г., где была открыта фреска с таким изображением. Можно не сомневаться, что на серебряной «денге новгородской», которую стали чеканить в 1420 г. изображался именно символ Новгорода – Святая София, облаченная в венец и восседающая на троне, которой коленопреклоненно предстоял

¹⁵⁵ Рыбаков Б.А. Древнерусские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. С. 45; Красноречьев Л.Е. О датировке вологовских фресок // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 149 – 152; Турилов А.А. О времени создания новгородского «Алексеевского» креста: возможности непалеографической датировки (1367 или 1379 г.) // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э.С. Смирновой. М., 2007. С.571-580; Панченко В.Б. Каменные кресты из коллекции академика Н.П. Лихачева // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2013 (в печати).

архиепископ или посадник. Эта традиция сохранилась в местном монетном деле и позднее в виде изображения лика Софии в зубчатой короне на новгородских медных пулах 1490-х гг.

Икона Святой Софии, запечатленная на новгородских монетах и во дворце новгородских архиепископов, должна была сложиться ранее, не позднее XIV в., чтобы уже в 1420-1430-е гг. получить всеобщее признание. Именно в этом столетии восточно-христианское общество обращается к поиску образа Премудрости. Напрасны попытки указать истоки новгородскому изводу Святой Софии в балканском искусстве, где Премудрость облачена в античные одежды, свойственные искусству эпохи Возрождения. В другой византийской провинции, на острове Крит, рука местного иконописца Иоанна Погомена и его учеников изображала Софию-Премудрость в виде святой жены в красном платке-мафории, воскрешая традиции доиконоборческой эпохи. Но только в Новгороде для создания иконы Святой Софии использовали образ восседающего на троне ангела, дополнив его византийской иконографией эпохи Палеологов: характерным типом Деисуса и Этимасией, включенными в трехчастную и трехуровневую композицию.

Икона Святой Софии-Премудрости Божией. Софийский собор. Новгород. XIV-XV вв.

Тема ангела в императорских одеждах восходит к византийскому искусству эпохи Македонской (867-1056) и Комниновской (1057-1185) династий, что подчеркивало служебное положение цесаря, подчиненное небесной иерархии. Изображения восседающих на престоле или увенчанных короной ангелов, над главами которых находится икона Христа или Святой Троицы, известны на миниатюре XI в. в рукописи «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника из собрания Синайского монастыря (Cod. Sin.gr. 418, fol.283 v) и на храмовых

фресках христианской Нубии XI-XIII в. у пределов византийской ойкумены¹⁵⁶. На Руси этот образ царственного ангела-Премудрости был, похоже, известен уже в XII в., но не в иконе, а в слове. Крылатая София-Премудрость с «лицом девичьим огненным», имеющая над главой самого Христа и скипетр со свитком в руках, чьи ноги утверждены на камне, упоминается в послании Вселенского патриарха Луки Хрисоверга (1157-1169) князю Андрею Боголюбскому¹⁵⁷. Оно дошло до нас в Никоновской летописи в статье 1160 г., и отрывок из него сохранился в составе «Словес избранных» о Софии-Премудрости в двух сборниках конца XV в. из библиотек Чудова монастыря и Троице-Сергиевой Лавры (Чуд. 320, лл.341-343; Троицк. 122, лл.147-150).

Что же знаменовал собой огнезрачный ангел-София для средневекового новгородца? Трагические разрывы российской истории привели к тому, что Софию-Премудрость перестали узнавать сразу же после покорения Новгорода Москве. В середине XVI в. было написано «Сказание известно, что есть София Премудрость Божия», объясняющее, что Премудрость есть Божественный Логос - Христос, Второе Лицо Святой Троицы, а не Богородица. Это недоразумение возникло после реформы архиепископа Геннадия (1484-1504), когда престольным праздником Софийского собора стало Успение Божией Матери.

Новгородская серебряная денга 1420-х гг. и медное пуло 1490-х гг. с образом Святой Софии

Создание Софийских соборов в Киеве, Новгороде и Полоцке в XI в. должно было подчеркнуть причастность Древней Руси к византийскому миру, но только в Новгороде почитание Святой Софии приобрело особый характер, который нам надлежит осознать. В 1216 г. князь Мстислав провозгласил: «где Святая София, там Новгород». С этого времени упоминание Святой Софии, которая наравне с Богом спасает город от губительных потрясений и помогает в его свершениях, постоянно встречается на страницах летописи. София «соблюдает» Новгород от монголов в 1237 г., интриги против новгородцев расцениваются как «умысел на Святую Софию» (1229 г.). Помощью Святой Софии были одержаны победы

¹⁵⁶ Dongola-Studien. 35 Jahre polnischer Forschungen im Zentrum des makuritischen Reiches. S. Jakobielski, P. O. Scholz (eds.). Warszawa, 2001. P. 208-211, 252-284.

¹⁵⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т.9. М., 2000. С.226.

над Литвой (1226, 1234 гг.), над шведами и Орденом (1240, 1242, 1262, 1268, 1301, 1348 гг.). В тоже время София препятствует новгородцам в гражданских столкновениях, предупреждая их от кровопролития (1219, 1220, 1384 гг.). Сокровенный смысл Святой Софии для Новгорода раскрывает сам летописец, объясняя спасение города от татарского нашествия тем, что его «заступи Бог и Святая Великая Зборная Апостольская Церковь Святыя Софии». Здесь София предстает не как Христос и даже не как персонификация главного городского храма, но как Церковь Символа веры, которая по учению православного богословия, является «мистическим телом Христовым»¹⁵⁸. Иначе говоря, в Святой Софии в Новгороде почитали саму Церковь, как возглавляемое Христом сообщество людей и святых.

Это наблюдение подтверждается известием о приезде в Новгород митрополита Киприана 11 февраля 1391 г. накануне Великого Поста¹⁵⁹. На Торжество Православия он совершил литургию в Софийском соборе. В Древней Руси это воскресение называлось «соборным», предполагавшим «собрание» всего духовенства и городской общины. Такие «соборы» обычно совершались после больших праздников: собор Богородицы отмечался после Рождества Христова, собор св. Иоанна Предтечи – после Крещения. Однако летопись называет первое воскресение Великого Поста в Новгороде «сбором Святой Софии». В этом видится указание на один из главных праздников кафедрального храма, связанный с семисоборной организацией Новгорода, когда представители всех семи соборов приходили в Софийский храм на «сбор». Дополнительным указанием на празднование собора Святой Софии в неделю Православия является Софийский синодик 1633 г., хранящийся в Российской Национальной библиотеке. При совершении чина Торжества Православия протодиакон подносил эту книгу, на титуле которой была изображена новгородская икона Святой Софии-Премудрости Божией, для целования служащему архиерею, что делало нашу икону смысловым центром праздника.

Появление иконы Софии-Премудрости в Новгородском Софийском соборе и ее очевидная связь с соборным празднованием позволяет предположить, что этот образ был написан именно в связи с созданием новгородской семисоборной организации после 1360 г. В этом смысле эта новонаписанная икона была даже не столько храмовой иконой Софийского собора, сколько иконой всей Новгородской Церкви, изображавшей ее Ангела-Премудрость, известного из книги Апокалипсиса, Откровения св. ап. Иоанна Богослова. Эсхатологический смысл придает иконе и изображение Престола уготованного, который являлся символом конца времен. Известно, что древнерусский мир не только ожидал своей

---

¹⁵⁸ *Хорошев А.С.* Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева. Великий Новгород, СПб., М., 2009. С.102-116.

¹⁵⁹ Новгородская Карамзинская летопись. ПСРЛ. Т.42. СПб., 2002. С.160-161.

кончины в 7000 г. от сотворения мира, что соответствовало 1492 г. от Рождества Христова, но и в конце каждого столетия праздновал юбилей приближающего избавления от земной юдоли. что всегда что порождало духовный подъем христианской культуры. Так было в преддверии 1092, 1192, 1292 гг. Так должно было быть и перед 1392 г., когда накануне «юбилейного года» и могла быть написана икона Поместной Церкви.

Иногда говорят, что новгородская икона Софии-Премудрости была написана «под влиянием исихазма», аскетического движения греческого монашества XIV в. Однако мы мало знаем о судьбе этого явления на Руси, одновременно преувеличивая его значение для Византии. Говоря же о возможной связи исихазма с христианским искусством нужно учитывать, что акты Константинопольского собора 1351 г. свидетельствуют о неоднозначном отношении монахов этой традиции к «красоте церковной» и внешним атрибутам литургии. Церковный писатель Дионисий Текарас рассматривал некоторые моменты исихастской практики как отступление от главной иноческой миссии – «возделывать и хранить», что предполагало творчество на поприще культуры. Очевидно, исихастское движение оставалось равнодушным к проблемам христианского искусства. Для правильной оценки происходящего стоит обратиться к «патриарху» отечественной науки о богословии свт. Григория Паламы – архиепископу Василию Кривошеину (1900-1985), проведенному на Афоне 20 лет, который отказывался сводить все массовое духовное движение того времени лишь к исихазму, считая это неоправданным обеднением византийской культуры¹⁶⁰. Именно на общего духовного подъема византийского мира появляются шедевры новгородского религиозного искусства, среди которых был и образ Софии-Премудрости Божией, иконы соборной новгородской Церкви – дома Святой Софии.

---

¹⁶⁰ *Василий (Кривошеин)*, архиепископ. Богословские труды. Нижний Новгород, 2011. С.234.

ОЧЕРК VII ОТ МОСКВЫ ДО ЛИТВЫ

Бывают времена, когда история словно обращается вспять. Это и называется «революцией». Святой Софии, которая в XIV-XV вв. обустроивала собственный дом на соборных принципах, пришлось заново строить свои отношения с Киевскими митрополитами. Историю Новгорода в эту эпоху можно понять, если увидеть его на европейских просторах между Москвой и Литвой. Нас ждет долгий рассказ в чередѣ событий, неожиданно ускоривших свой и без того дробный шаг. Эти события не навсегда происходили в самом доме Святой Софии. Но без них судьбы Софийского дома понять невозможно.

О роли Москвы в собирании русских земель написано много. Однако церковный фактор этого процесса продолжает существовать в мифологическом измерении. В ущерб нормам канонического права Восточной Церкви, здесь господствуют представления о «пророческом даре» Киевских митрополитов, предвидевших историческую миссию Москвы. В летописи переезд митрополита Максима (1283-1305) во Владимир в 1299 г., одобренный Константинопольским патриархом лишь в 1354 г. при условии сохранения за святителями титула «Киевский», объясняется «татарским насилием»¹⁶¹. Татары действительно оказались причастны к переносу митрополичьей резиденции, но иным образом. Ярлык на великое княжение, выдаваемый татарским ханом владимирскому князю, превращал богоспасаемый град Владимир в «город царя и синклита». Здесь и надлежало находиться главе Поместной Церкви в соответствии с 17 правилом Четвертого Вселенского собора (451 г.), указующим, что «распределение церковных приходов следует гражданскому и земскому порядку»

Этими же нормами должен объясняться и последующий перенос резиденции из Владимира в Москву. Его причины более три столетия спустя объяснил Вселенский патриарх Иеремия II, которому в 1589 г. Борис Годунов предлагал быть патриархом на Руси, но с резиденцией не в Москве, а в том же Владимире: «...Мне во Владимире быти невозможно, потому что патриарх при государе всегда. А то что за патриаршество, если жить не при государе?»¹⁶². Свт. Петр (1308-1326), сменивший Максима, стал митрополитом, когда Владимирский стол занимал тверской князь Михаил Ярославович (1305-1317), а тверским епископом был Андрей (1289-1315). Это исключало пребывание главы митрополии в Твери, так как это бы нарушало старое церковное правило «один город – один епископ». Когда же в 1317-1322 гг. великий стол перешел к московскому князю Юрию Даниловичу, Петр

¹⁶¹ ПСРЛ. Т.1. С. 485, 528; Памятники древнерусского канонического права.... С.63.

¹⁶² Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1996. Кн.6. С. 35.

перебрался в Москву, не затрагивая ничьих прав. Кратковременное лишение Даниловичей ярлыка на великое княжение в 1322-1328 гг. не отразилось на местопребывании митрополита, который уже начал строить в Москве новый кафедральный собор в честь Успения Богородицы, а в 1326 г. скончался. Правление митрополита Феогноста (1328-1353), совпавшее с великим княжением московской династии, окончательно закрепило новый порядок вещей.

Вмешательство Орды в русскую историю не только определило церковную географию, но и разрушило традиционные связи между Рюриковичами, свободно перемещавшимися по Руси. Завоеватели учредили среди них иерархию отношений. Получившийся в результате «русский феодализм» обеспечил возвышение Москвы. Киев на время был исключен из числа русских приоритетов. Для Новгорода это могло означать крах двухчастной федерации Рюриковичей, которая гарантировала конституционные отношения города и князя. Одновременно переезд митрополита Киевского в Москву поставил его в зависимое положение от Даниловичей, сделавших главу Церкви средством своей политики. Как великий князь перестал быть старшейшим в роду, став главнейшим, так митрополит перестал быть символом единства русских земель, способным выступить их примирителем. Единство Руси стало достигаться государственным насилием.

Новая ситуация требовала ответных мер русского общества для поддержания социальной и политической стабильности в Восточной Европе. Основным фактором новой системы «сдержек и противовесов» становится Великое княжество Литовское, противостоявшее как натиску ордынских ханов, так и амбициям московских князей. Около 1324 г. Гедемин простирает свою власть на Киев¹⁶³. Значение этого факта для Новгорода, как кажется, не было по достоинству оценено. Уже в 1326 г. Новгород, после 150 лет набегов литовских дружин на свои земли, заключает с князем Гедеминем мирный договор. Свообразным памятником этому договору становится храм Рождества Богородицы в урочище Десятине, который в 1327 г. по благословению архиепископа Моисея строит Анна, мать дорогобужского князя Федора, подписавшего этот пакт со стороны Литвы. Место, выбранное для строительства, было не случайным. Здесь в 1170 г. икона Знамения Божией Матери остановила армию князя Владимирского. Оно стало было символом противостояния Новгорода авторитарной власти.

В 1331 г., по пути с Волыни, архиепископ Василий Калика был задержан киевским князем Федором, в котором стоит видеть брата Гедемина. Суть этого происшествия летописи не известны, но вряд ли стоит объяснять его обычным феодальным разбоем. Последовавшее за этим появление в Новгороде литовских служилых князей видится продолжением

---

¹⁶³ *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского. Киев, 1987.

договоренностей 1326-1331 гг., которые проистекали из особенностей средневекового менталитета. Присутствие в Северной Руси новой «киевской» династии вряд ли имело исключительно практический характер. Их управление было не всегда эффективным, а лояльность Гедиминовичам - не всегда очевидной. На первый план выходит символическое значение этих «служилых княжений», обеспечивающее преемство русской истории. Князь вообще являлся в ту эпоху сакральной фигурой и символом власти, без которого было немислимо нормальное существование общества. В ситуации, когда московских князей в Новгороде представляли наместники не княжеского происхождения, литовские князья, которым в «отчину и дедину» передавались новгородские пригороды, становились здесь воплощением древнего права «вольности в князьях».

Таким образом, сохраняя политическое и культурное единство с Владимиром и Москвой, Новгород восстанавливал свои отношения с «Русьской землей», суверенитет над которой перешел от Рюриковичей к Гедиминовичам. Не случайно первый литовский князь в Новгороде Наримант, прибывший сюда в 1333 г., в крещении носил имя Глеб. Это живо воскрешало в памяти образ первых киевских святых Бориса и Глеба. Подтверждением значимости для Новгорода «киевских ассоциаций» было и появление здесь в 1440-1470-х гг. при польском короле Казимире Ягеллончике потомков киевского князя Владимира Ольгердовича – Ивана, Семена и Михаила. Их княжение на новгородских пригородах не воспринималось обществом как «измена» великому князю и не было таковой. Речь шла об «обновлении завета» с «матерью городов русских» и кафедрой русских митрополитов.

Только признав этот факт, можно утверждать, что союз с Гедиминовичами являлся еще и фактором сдерживания в отношении Москвы. В случаях нарушения московскими правителями новгородской конституции, он мог принимать формы договора с литовским князем как с сеньором города. Так было в 1397/1398 гг., когда в условиях «розмирья» с князем Василием и военного похода на Двину и Белоозеро, новгородцы «послаша в Литву к Витовту и дашася за него»¹⁶⁴. Этот факт выпал из официальной истории, созданной московскими книжниками, но сохранился в Устюжском летописном своде. Только в свете этого сообщения становится понятно известие 1399 г. об обиде Витовта, когда князь заявил новгородцам: «обесчествовали мя есте, что было вам за мене нятися, а мне было вам князем великим»¹⁶⁵. Возможно, договор так и не был официально заключен, или, во всяком случае, просуществовал не долго. На следующий год новгородцы сумели заключить с князем Василием мир «по старине». Известные нам попытки подписать подобные договоры между Новгородом и польским королем и литовским князем Казимиром Ягеллончиком в 1444, 1458

---

¹⁶⁴ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.: Л., 1950. С.66.

¹⁶⁵ НПЛ. С.393.

и 1471 гг. не представляют собой скандального новшества, но соответствуют традициям отношений Новгорода и Литвы¹⁶⁶.

Молвотицы и Мареве – городки под новгородско-литовским протекторатом в области «чернокунства». Новгородская область. Фото С.Е. Торопова

Другой формой таких отношений и политического сдерживания был совместный новгородско-литовский протекторат над территориями на юге Новгородской земли, которые выплачивали Литве, а затем Польше особую дань – «черную куну», и совместное управление Великими Луками и Ржевой Володимировой¹⁶⁷. Эти земли, некогда входившие в Торопецкое княжество, в XIV-XV в. были подчинены суду наместника дома Святой Софии и литовского тиуна. Они упоминаются в новгородских договорах с Литвой и Польшей в 1431, 1441 в 1471 гг.¹⁶⁸ Однако начало выплаты Новгородом «черной куны» может быть отнесено к периоду между 1262 и 1326 гг., когда новгородцы оформляли союзные отношения с Литвой, а Торопец окончательно отошел под «литовскую руку»¹⁶⁹. В 1487-1491 гг. область «чернокунства» стала предметом дипломатических переговоров между князем Иваном и польским королем Казимиром. Позднее польские короли жаловались, что Москва лишил их новгородской «отчины». Московские князья неизменно отвечали: «и мы тому дивимся, что к нам ... король такие неправые речи приказывает»¹⁷⁰. Очевидно, подобные претензии «империи Ягеллонов» зависели от истории отношений Новгорода и Литвы, включавших в себя «чернокунство», служилых князей и даже основанную на договоре возможность литовского «великого княжения». Эти отношения не могут оцениваться в современных

¹⁶⁶ НПЛ. С.424; ПСРЛ.Т. 16. С.198; ГВНП. С. 129; Ср.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. ... С. 140-141.

¹⁶⁷ *Янин В.Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998. С.5 и след.

¹⁶⁸ ГВНП. С. 105-106, 115-116, 130-131, №№ 63, 70, 77.

¹⁶⁹ НПЛ. С. 83, 311. Ср.: *Янин В.Л.* Новгород и Литва..... С. 44-45, 102.

¹⁷⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487 – 1533 гг. // Сборник Русского исторического общества. 35. 1882. С. 509, 510, 580, 627; *Bielski M.* Kronika Polska. K.J. Torowski (ed.). Sanok, 1856. T.2. S.877-879.

категориях «патриотизма» и «предательства». В их основе лежал символизм средневековья, неизбежность системы политических «сдержек и противовесов» и новгородское право.

К тому же эти политические и дипломатические контакты сопровождались «культурным конвоем», переносившим с Запада на Восток и с Востока на Запад лучшие достижения христианского искусства своего времени. Очевидно, во время первых сношений с Литвой 1320-1330-х гг. в Новгороде оказались изготовленные в 1150-е гг. романские врата из собора в польском Плоцке, церковная мода которого меняла романский стиль на готический. Они были установлены архиепископом Василием в Софийском соборе, поновлены при архиепископе Евфимии II в 1430-1440-е гг., и сегодня стоят в том же храме, получив имя «Корсунских врат»¹⁷¹. Около 1470 г., во время переговоров Новгорода и Кракова о возможности княжения в Северной Руси польского короля Казимира Ягеллончика, последний заказывает роспись капеллы Святого Креста в кафедральном соборе на Вавеле, выполненную в стиле византийской фрески. Некоторые исследователи усматривают здесь возможное влияние псковской иконописи, а возможным посредником в исполнении этого заказа мог быть православный митрополит Литвы Григорий, некогда владычный наместник во Пскове. Несколько ранее, рассчитывая на добрые отношения с тем же королем Казимиром, великий князь Василий Темный и митрополит Иона в 1456 г. торжественно переносят Смоленскую икону Матери Божией из Москвы в Смоленск, который тогда находился на территории Речи Посполитой.

Однако в Восточной Европе существовал и фактор непосредственного церковного сдерживания. Существование одной Церкви на территории разных государств требовало от митрополитов нелегкого выбора, который в итоге был сделан в пользу Москвы. Живущие в Литве и на Руси православные христиане были недовольны тем, что первосвятитель не посещал Киев и литовские епархии, освобождал от присяги вассалов Гедиминовичей, благословлял пролитие братской крови, ручался своим авторитетом за безопасность удельных князей, которые вслед за этим лишались свободы и собственности, налагал на непокорные Москве города церковное отлучение – запрет на служение литургии.

Такая ситуация заставила правителей православных земель к западу от Москвы решать церковно-политические проблемы путем создания самостоятельной митрополии. Еще в 1303-1308 гг. в Галиче появился митрополит Нифонт, простиравший свою власть на Юго-Западную Русь, куда входили церкви Холма, Луцка, Перемышля и Владимира-Волынского. Неизвестно, впрочем, произошло ли это по инициативе князя Юрия Львовича, который не желал зависимости от князей Владимирских, или Константинопольского патриарха Афанасия (1303-1309), увидевшего в переезде митрополита Максима во Владимир

---

¹⁷¹ *Понне А.В.* К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М., 1976. С. 191-200.

бегство от «нашествия иноплеменников». В Византии этому патриарху случалось лишать сана епископов, бежавших из Малой Азии от нашествия турок-османов, и разделять брошенные ими без попечения епархии.

Романские церковные врата из католического собора в Плоцке. Польша. 1154-1156 гг.
Софийский собор. Новгород.

В 1315 г. князь Гедемин добился от патриарха Иоанна Глики (1315-1320) поставления для Литвы митрополита Феофила. Кафедра «Малой Руси», ставшая преемницей Галицкой митрополии, была учреждена в Новогрудке. Помимо юго-западных земель она включала в себя Пинскую, Туровскую и Черниговскую епархии, последняя из которых была вскоре перенесена в Брянск. Официально митрополия просуществовала до 1330-х гг., но только в 1347 г. патриарх Исидор Вукирис (1347-1350) сумел подчинить ее киевскому первосвятителю, посчитав скандальным «новшеством». Однако уже в 1352-1354 гг. митрополитом «Малой Руси» при участии князя Ольгерда стал Феодорит, рукоположенный в непризнанном греческой Церковью Болгарском патриархате, центр которого находился в Тырнове. Его сменил княжеский сродник Роман, выходец из Твери, изначально посвященный в митрополиты в том же Тырново. Похоже, что Гедеминовичи любой ценой стремились к церковной независимости от Москвы.

После смерти Феоноста в 1354 г. «неканонический» Роман отправился в Константинополь к патриарху Филофею за признанием. Вселенский престол подтвердил его

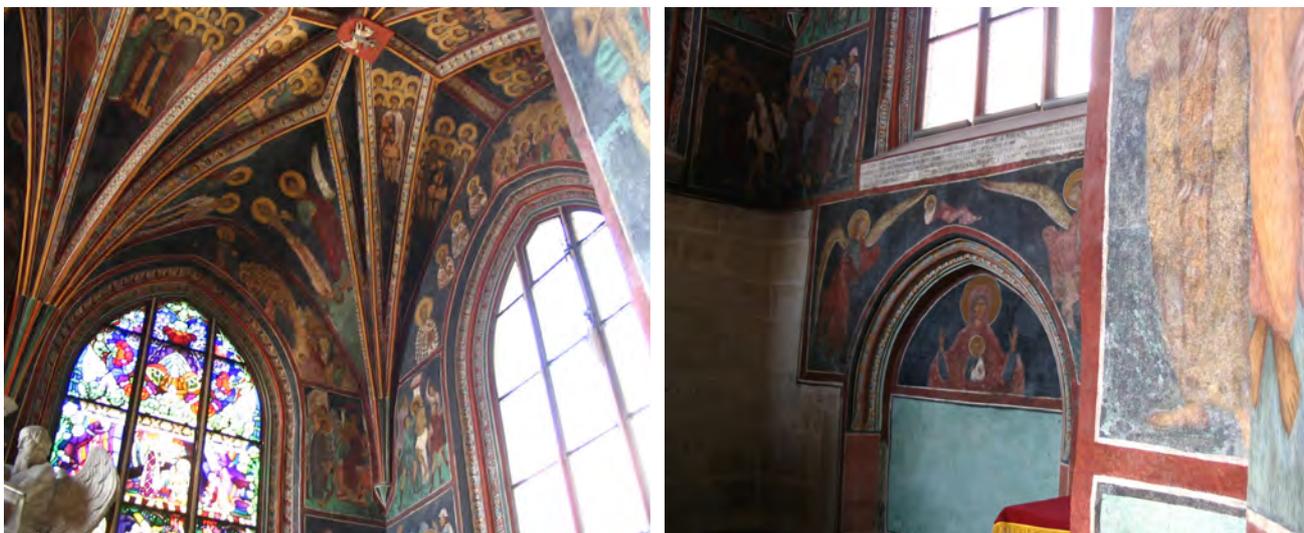
права на литовскую «Малую Русь», но митрополитом Киевским стал московский кандидат Алексей. Роман скончался в 1362 г., и у Алексея появился шанс соединить обе митрополии, но он, похоже, так и не сумел им воспользоваться. В 1371 г. Ольгерд, в очередной раз жалуясь в Константинополь на Алексея, просил у патриарха независимого митрополита не только на Киев и Малую Русь, но и на прочие земли «Великой Руси», пострадавшие от московской политики: Смоленск, Тверь, Новосиль, Нижний Новгород. В том же 1371 г. польский король Казимир Великий смог добиться воссоздания Галицкой митрополии, а для расследования обвинений против Алексея на Русь был отправлен болгарин Киприан, доверенное лицо патриарха Филофея, который нашел многие из них справедливыми.

В 1375 г. Вселенский патриарх посчитал за благо разделить Киевскую митрополию, подчинив епархии Литовского княжества Киприану. Последовавшая затем кончина митрополита Алексея (1354-1378) обернулась не воссоединением Церкви, а церковной смутой. Князь Дмитрий не только не допустил Киприана в Москву, но и вознамерился на соборе русских епископов без согласия Вселенского престола сделать митрополитом своего духовника Митяя. Это вызвало раскол среди архиереев. Подобно тому, как в XII в. новгородский епископ Нифонт противился неканоническому избранию Климента Смолятича, нынешнее «каноническое сопротивление» возглавил епископ Суздальский Дионисий. Митяй, спешно постриженный в монашество с именем Михаил, вынужденно отправился за поставлением в Константинополь, где и скончался. Новый патриарх Нил Керамеус (1379-1388), который еще плохо разбирался в восточно-европейской ситуации, решил заместить Киевскую кафедру одним из спутников Митяя - переяславским игуменом Пименом. Позже русские книжники, пытаясь оправдать вмешательство Дмитрия Донского в церковные дела, напишут о посольском сговоре, поддельных грамотах и даже подкупе патриарха.

Как бы то ни было, этот выбор стоил новому митрополиту свободы. По возвращении на Русь в 1381 г. Пимен был отправлен в заточение. В Москву Дмитрий вернул некогда отвергнутого им Киприана, впрочем, ненадолго. В 1382 г. тот вновь был изгнан в Литву, а Пимен стал митрополитом. Но уже в 1383 г. планы Дмитрия резко поменялись. Новые отношения с литовским князем Владиславом Ягелло предусматривали воссоединение митрополии и выдвижение «единого кандидата». Им стал Дионисий Суздальский, который получил к тому времени от патриарха титул архиепископа и даже стал его экзархом в Восточной Европе. Дионисий отправился на поставление в Константинополь, не забыв захватить обвинения против Пимена, собранные князем Дмитрием. Однако к моменту его возвращения в Киев в 1384 г. отношения Москвы и Литвы вновь испортились. Митрополит

Дионисий был арестован киевским князем Владимиром и скончался в 1385 г. через два месяца после заключения унии между Литвой и Польшей.

Церковный проект Дмитрия Донского не состоялся. Пимен, несмотря на то, что патриарший суд еще в 1384 г. лишил его сана, вновь был возведен на митрополию. В попытках подать апелляцию патриарху Нилу, новый глава московской Церкви провел в Константинополе три года - 1385-1388 гг. Вернувшись ненадолго в Москву, в 1389 г. Пимен вновь посещает Царьград, надеясь на встречу с новым патриархом Антонием. Как и Митяй, он тоже умер в Константинополе, так и не вернувшись на Русь. Это позволило Киприану стать главой воссоединенной митрополии, однако на Москве он смог утвердиться только в 1390 г., после смерти князя Дмитрия Донского.

Фрески православной традиции в капелле Святого Креста Вавельского собора. Краков. Польша. Около 1470 г.

Подчинение киевских митрополитов московским князьям и появление митрополии Малой Руси не могло не сказаться на жизни дома Святой Софии. В 1342 г. во время приезда митрополита Феогноста в Новгород к архиепископу Василию «тяжко бысть владыце кормом и дары», а в 1353 г. новгородцам пришлось отправить посольство в Константинополь к цесарю и патриарху об «исправлении непотребных вещей, происходящих с насилием от митрополита». В 1354 г. посольство вернулось в Новгород и привезло архиепископу Моисею «ризы крестцаты, и грамоты с великим пожалованием, и златую печать».¹⁷² В том же году поставленный в Тырново литовский митрополит Феодорит пытался вступить в церковное общение с Новгородом, однако подробности этих отношений остаются нам неизвестны.

В то время, когда Православная Церковь в Восточной Европе то раздиралась сомнениями, кто есть законный Киевский митрополит, а то и вовсе оставалась без митрополита, дом Святой Софии выбрал безупречную стратегию поведения. Сложившееся здесь автономное управление Церковью на принципах соборной реформы 1361-1362 гг.

¹⁷² НПЛ. С.364.

оказались оправданным и канонически, и политически. Архиепископ Новгородский Алексей (1359-1388), бывший до владычества ключником дома Святой Софии, не принимал участия в избрании Митяя, который не известен новгородским летописям. Однако митрополит Киприан еще в 1376 г. попытался подчинить себе Новгород, утверждая, что Вселенский престол поставил его «на всю русскую землю». Новгородцы, заранее предвкушая результат, отправили его за подтверждением собственных прав к князю Дмитрию: «аще примет тя князь великий митрополитом всея Руси, и нам еси митрополит». У новгородцев уже был опыт подобной дипломатии: в 1347 г. шведскому кролю Магнусу, желавшему устроить с православными спор о вере, они посоветовали обратиться к Вселенскому патриарху. Архиепископ Суздальский Дионисий появляется в Новгороде всего один раз в 1382 г., и то не в качестве претендента на митрополичий престол, а в качестве патриаршего экзарха. Тогда архиепископ Алексей подтвердил его право на проповедь в Псковских пределах своей епархии.

Митрополичья «замятня» серьезно отразилась на Новгороде лишь весной 1388 г. во время ухода на покой архиепископа Алексея, поскольку тогда «не бысть митрополит Руской земли», и новгородцы хотели бы знать, «кто будет митрополит». Похоже, здесь было известно, что и Пимен, и Киприан весной 1388 г. еще находились в Константинополе. Владыка Иоанн, избранный на кафедру из игуменов Хутынского монастыря, был рукоположен Пименом только 17 января 1389 г., не задолго до последнего путешествия митрополита в Константинополь. Очевидно, что в Новгороде рассматривали возвращение Пимена из Царьграда в 1388 г. как подтверждение его прав на митрополию.

Однако признание богослужебных полномочий Пимена в Новгороде не повлекло за собой подтверждения его судебных прав. В условиях устроенного князем Дмитрием «парада митрополитов» было совершенно непонятно, кому из них принадлежало право месячного апелляционного суда во время посещения Новгорода. Непосредственно перед поездкой в Константинополь в 1385 г. митрополит Пимен попытался исполнить здесь роль судьи, поскольку суд предполагал доходы, а визит к патриарху предусматривал расходы. Однако «новгородцы митрополиту не дали месяца судить в Новгороде». При этом они торжественно порешили впредь не обращаться в митрополичий суд. Правосудие должно было отправляться архиепископом на основе Номоканона - свода церковных правил - при участии представителей мирян¹⁷³. Это был не просто всплеск эмоций, а серьезное решение, основанное на принципах только что проведенной соборной реформы, что предусматривало составление особой грамоты и всеобщее крестоцелование¹⁷⁴.

---

¹⁷³ ПСРЛ. Т.4. С.392; ПСРЛ. Т.5. С.239.

¹⁷⁴ НПЛ. С.385-386; ПСРЛ. Т.4. С.99.

Киприан, впервые приехавший в Новгород в 1391 г., права суда тоже не получил. Не получил он его и в 1395 г., несмотря на кажущееся примирение с новгородцами, к которым было обращено требование патриарха Антония (1391-1397) подчиниться митрополиту. Возможно, именно поэтому события начала XV в. напоминали отношения новгородских епископов и их митрополитов во второй половине XI столетия, когда Киев неоднократно становился местом заточения владык дома Святой Софии. В 1401 г. митрополит Киприан позвал архиепископа Иоанна в Москву по «святительским делам». Однако архиепископ был не только отправлен князем Василием Дмитриевичем в заточение, но и принужден «отписаться» от своей кафедры. Только 15 июля 1404 г., на память св. князя Владимира, Иоанн сумел возвратиться в Новгород, сохранив свой сан¹⁷⁵.

Эта опала совершилась на фоне непрекращающихся конфликтов между Новгородом и Москвой из-за новых земель и новых налогов, перераспределяемых князем в своих интересах по пути в Орду. Великий князь, продолжая политику Даниловичей, стремился утвердить свою власть над Новгородскими землями – Заволочьем, Вологдой, Бежецком, Волоком. Непосредственно перед заточением архиепископа Иоанна, в 1398 г., состоялся новгородский набег на московские владения в Двинском и Белозерском крае и уже известная нам попытка новгородцев заключить договор с Витовтом. В тот год именно Иоанн благословлял новгородцев «поискать» пригородов и волостей для Святой Софии и наверняка напутствовал посольство в Вильно. Как только Новгород оказался «обезглавлен», великокняжеские воеводы сразу же «наехали войною» на новгородские Двину и Торжок.

Но даже это заключение не смогло вернуть митрополиту его судебных прав в Новгороде вплоть до присоединения к Москве. Возможно потому, что, подчинившись политике московских князей, он перестал быть беспристрастным арбитром в русских спорах. Еще около 1430 г. грек митрополит Фотий (1408-1431) жаловался епископу Тверскому Илье на новгородских владык Иоанна, Симеона и Евфимия Брадатого, которые «церковной старины», вопреки обещаниям, «не отправляли»¹⁷⁶. Речь шла, судя по всему, именно о нарушении судебной «старины». Позднее, в условиях новых нестроений на Киевской кафедре при митрополитах Герасиме (1431-1435), Исидоре (1437-1441) и Ионе (1448-1461), на фоне противостояния Новгорода и великих князей восстановление такой старины было невозможно.

---

¹⁷⁵ НПЛ.С.396, 308; ПСРЛ. Т.4. С.104; ПСРЛ. Т.5.С.252; ПСРЛ. Т.6. С.132.

¹⁷⁶ Памятники древнерусского канонического права. ...С.421-426.

ОЧЕРК VIII ОТ ЛИТВЫ ДО МОСКВЫ

В XV в. вопрос о митрополии Малой Руси обострился не только из-за окончательно оформившегося союза православной Литвы и латинской Польши, но и стремления Константинополя, теснимого турками, к унии с Римом, которая давала призрачную надежду на военную помощь Европы. Идея соединения Церквей не была чужда даже св.митрополиту Киприану, который в 1396-1397 г. обсуждал с королем Владиславом и князем Витовтом созыв будущего собора и даже предлагал сделать местом встречи Востока и Запада Русь, возможно – Киев. Но даже Киприану, сумевшему объединить под своим омофором Малую и Великую Русь, не удалось подчинить себе воссозданную в 1431 г. Галицкую митрополию. Этого смог добиться лишь митрополит Фотий, рукоположивший на Волыни в Луцке в 1412 г. епископа Туровского Евфимия. Однако, приобретя одни епархии, в Галиции, он временно потерял другие, в Литве.

После кончины Киприана князь Витовт просил патриарха Матфея (1397-1410) поставить на Малую Русь своего митрополита, возможно, полоцкого епископа Феодосия. Неуспех литовской дипломатии сделал его отношения с Фотием крайне сложными. После бегства из Москвы в 1414 г. неких «лукавых человек», которые «клеветы многа сотвориша» на митрополита, Витовт окончательно решает создать независимую митрополию. В 1415 г. собор литовских и галицких епископов избирает на кафедру Малой Руси архимандрита Григория Цамбалака. Григорий, не получивший признания Вселенского престола, пробыл на кафедре до 1420-х гг., когда отношения Фотия с литовским князем перестали быть конфликтными, и он сумел соединить под свой властью все три митрополии.

Казалось бы, падение в Новгороде митрополичьего авторитета, конфликт с Москвой и союз с Литвой должны были заставить церковный Новгород подумать о возможности своих отношений с митрополией Малой Руси. Однако в церковной жизни Новгород традиционно придерживался духа и буквы православных канонов, сохраняя верность Киевской митрополии и Вселенскому Престолу и руководствуясь характерным для средневековья принципом разделения светского и духовного.

К эпохе святительства Григория Цамбалака относится единственный эпизод, который как будто свидетельствует о заинтересованности дома Святой Софии в альтернативной церковной политике. Новгородская делегация участвовала в Констанцском соборе (1414-1418), возможно, сразу после заключения мира с князем Витовтом, подписанного в Вильно в

1414 г.¹⁷⁷ Известно также, что в этом собрании Западной Церкви принимали участие не только литовский митрополит Григорий, но и два посольства из Византии в 1415 -1416 гг. Однако целью собора в Констанце была отнюдь не уния с православными, а реформа латинской Церкви, в частности избрание в 1417 г. законного римского епископа, которым стал папа Мартин V. Приезд на собор греков был, как можно догадываться, частью европейской политики Византии, возможно, разведкой будущего военного союза с Европой. Такой же вовлеченностью Новгорода в европейские дела должно объясняться и присутствие в Констанце его делегации. Предположение, что на соборе имели место переговоры с Григорием, которого новгородская летопись именвала поставленным «не по заповедям святых отец и апостол»¹⁷⁸, или обсуждение униональных вопросов было бы неоправданным насилием над источником.

В то же время напряженный поиск нового политического узора Восточной Европы отнимал у Новгорода силы на поддержание внутренней стабильности, что оборачивалось противоречиями, связанными, в том числе, и с избранием архиепископов Святой Софии. После ухода на покой архиепископа Иоанна и краткого правления архиепископа Симеона, поставленного на кафедру, как и его предшественник, из иноков Хутынского монастыря, «чернецом на сенех» в 1421 г. стал игумен Клопского монастыря Феодосий. Он пробыл здесь два года, и, так и не получив хиротонии, был отправлен обратно в свою обитель. Иногда игумена представляют ставленником «демократических» и «промосковских» сил, который поссорился с боярскими олигархами. Стоит вспомнить, что именно в его игуменство в монастыре подвизался прп. Михаил Клопский, родственник московских князей и обличитель местных вольностей, предсказавший падение Новгорода и победу Москвы¹⁷⁹.

Требую отставки Феодосия, новгородцы заявили: «не хотим шестника владыкой»¹⁸⁰. О том, кто в Древней Руси был «шестником», историки спорят до сих пор: лишенный местных корней пришелец, пеший воин, дружинник, получавший шестую часть добычи, представитель северных народов или плотогон с шестом. В любом, случае, что-то не устраивало новгородцев в происхождении или прежнем ремесле избранного по жребью владыки. Однако этого явно не достаточно для определения его политических пристрастий. К тому же стоит вспомнить, что в том же 1421 г. представитель неревского боярства Лука Оницифорович строит церковь Преображения Господня на Розваже улице, словно знаменуя торжество своей церковной политики. Одновременно синодик Клопского монастыря

¹⁷⁷ *Ulrichs von Richental. Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418.* M.R. Buck (ed.). Stuttgart, 1882. S.133.

¹⁷⁸ НПЛ. С.412.

¹⁷⁹ Янин В.Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 286-296.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т.4:1:2. С.431.

подтверждает, что этот род был связан с обителью¹⁸¹. Похоже, что Оницифоровичи были не против Феодосия, однако впоследствии смогли предложить Святой Софии более удобный для себя вариант.

Панагия «архиепископа Серапиона» - вклад в дом Святой Софии священноинока Емельяна Оницифоровича. 1423 (?) г. Троице-Сергиева Лавра.

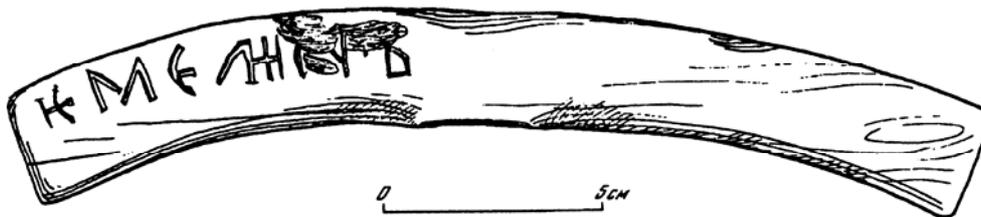
Новым архиепископом стал священноинок Емельян из Воскресенского пригородного монастыря в Деревяницах, принявший в полном постриге имя Евфимий. В Деревяницах, скорее всего, он и нашел вечный покой в 1429 г., поскольку летопись ничего не говорит о его погребении в Софийском соборе, но в рукописи монастырского устава, созданной в 1489 г., сообщается о заупокойной службе и трапезе в Деревяницком монастыре в день его кончины¹⁸². Искать родственников Емельяна в Новгороде может показаться делом безнадежным. Однако установить его происхождение возможно благодаря двустворчатой серебряной панагии, которую в 1512 г. низведенный с кафедры новгородский архиепископ Серапион преподнес Троице-Сергиевой Лавре¹⁸³. Здесь изображены весьма редкие для Руси святые - свт. Емельян Кизический и мч. Оницифор, чьи образы должны были иметь патрональный характер. Эту панагию в качестве вклада в дом Святой Софии и мог еще до своей хиротонии в 1423 г. заказать «чернец на сенех» Емельян, следуя традиции

¹⁸¹ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т.1.С.588.

¹⁸² Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века.... С.90.

¹⁸³ Стерлигова И.А. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI-XV века. М., 1996. С. 94-95, 168-171, 379.

новгородских владык. Изображение св. Оницифора могло быть сделано в память об отце – посаднике Оницифоре Лукиче. Это тем более вероятно, что на усадьбе этого семейства в Неревском конце во время археологических раскопок нашли берестяную грамоту, упоминавшую Емельяна, и рукоять священнического посоха, на которой было вырезано это же имя¹⁸⁴. Если наше предположение верно, то неревский боярин Оницифор Лукич имел 5 сыновей - Максима, Афанасия, Юрия, Лукьяна и Емельяна, последний из которых предпочел духовную карьеру и стал 25 святителем Новгородским.

Рукоять посоха священноинока Емельяна Оницифоровича. Усадьба «И» Неревского раскопа. Начало XV в.

Святительство следующего новгородского архиепископа, тоже Евфимия (1434-1458), бывшего монахом Лисицкого монастыря, пришлось на особый период в жизни Софийского дома. Избранный в ноябре 1429 г. на владычные сени, он был рукоположен митрополитом Киевским и всея Руси Герасимом только в 1434 г. Быть может, столь долгое ожидание стало причиной написания образа Христа Спасителя вместе с припадающим к его стопам владыкой Евфимием, который дошел до нас в копии XVI в. Если икона Спаса на престоле, в духе новгородских владык XIV в. могла быть написана еще в 1429 г., то образ архиепископа в крестчатых ризах и белом клобуке мог быть приписан позднее, после совершившегося рукоположения.

Митрополит Фотий, скончавшийся в 1431 г., не успел поставить нового новгородского владыку, возможно из-за начавшейся в конце 1420-х гг. распри за великое княжение Владимирское между юным Василем Васильевичем и его дядей Юрием, сыном Дмитрия Донского, князем Звенигородским. Кончина в 1430 г. деда и покровителя Василя, литовского князя Витовта, окончательно развязала гражданскую войну в России. Это надолго отложило хиротонию Евфимия и стало причиной того, что она состоялась не в Москве, не во Владимире и не в Киеве, а в... Смоленске.

Митрополит Герасим, родом москвич, стал смоленским епископом в начале 1420 г. Из этого следует два важных вывода. Герасим был ставленником митрополита Фотия, который стремился удержать этот город в своей церковной орбите после того, как в 1404 г. Смоленское княжество отошло к Литве, а Смоленская икона Божией Матери Одигитрии

¹⁸⁴ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М., 1963. С.80-81; Колчин Б.А. Новгородские древности: деревянные изделия. М., 1968. С.31.

была перенесена в Москву. Именно в качестве протезе нового литовского князя Свидригайло Ольгердовича Герасим и мог быть поставлен на Киевскую митрополию в 1432 г. В Москву ему попасть было сложно не только из-за того, что Рюриковичи, по слову летописца, «воевались и секлись» о великом княжении.

Сегодня можно предположить, после кончины Фотия на Руси могла появиться своя кандидатура на митрополию - местоблюстителем престола был избран епископ Иона Рязанский, возможно, некогда архимандрит Симонова монастыря. Он вряд ли был заинтересован в появлении Герасима в Москве. В тоже время у матери князя Василия Софии Витовтовны, ставшей регентшей при своем сыне, тоже были основания не пускать на Москву нового митрополита. Герасим был ставленником князя, не только захватившего власть в Литве после смерти ее отца, но и бывшего побратимом и свояком князя Юрия, главного соперника ее сына.

В итоге Герасим руководил церковной жизнью Киевской митрополии из ставшего ему родным Смоленска. О признании его прав как канонического митрополита свидетельствуют не только новгородские и псковские памятники, но сам факт поездки Евфимия на хиротонию к Герасиму. Судьба митрополита сложилась трагично – Свидригайло обвинил его в измене. В 1435 г. в Витебске митрополит, рукоположивший Евфимия, был сожжен на костре. Получи он признание Москвы, эта страшная смерть прошла бы мимо него. Но и посмертная участь Герасима тоже оказалась драматичной. Московские книжники вычеркнули его из диптиха митрополитов Киевских и всея Руси, объявив тем самым, что Герасим был возведен в Константинополе только на Малую Русь. В этой истории свою роль сыграла и судьба епископа Ионы. Похоже, епископ Рязанский оказался одним из самых драматических персонажей церковной истории Руси XV в. Его, как библейского Иону в морскую пучину, бросили в круговорот событий ради умиротворения политических стихий.

Известно, что в 1448 г. Иона повелением великого князя Василия II и волей собора русских епископов был поставлен Киевским митрополитом без благословения Константинополя. Поздние летописи, а также его Житие, утверждали, что еще в 1431 г. Иона был самым предназначен на Русскую митрополию самим митрополитом Фотием и ездил для этого в Царьград. Однако историкам казалось, что этому противоречат свидетельства современников. Епископ вообще не имеет права назначать себе преемника. И Герасим (1432-1435), и следующий за ним Исидор (1437-1441) были законно поставленными митрополитами Киевскими, что не оставляло места претензиям Ионы. Грамоты князя Василия в Константинополь 1441-1443 гг. и 1448-1453 гг., пытающиеся оправдать изгнание Исидора и поставление Ионы, противоречат как друг другу, так и духовному завещанию самого митрополита. Складывалось ощущение, что вся история с «наречением» Ионы на

митрополию была вымышлена, дабы оправдать его незаконное избрание на русскую кафедру и сгладить то неприятное впечатление, которое произвело на современников это событие¹⁸⁵.

Однако сегодня новые свидетельства и новые прочтения старых источников подтверждают вероятность того, что Иона и в самом деле мог быть назначен московской элитой как *locum tenens* вдовствующей кафедры. Возможно, он действительно ездил в Царьград¹⁸⁶. Все это часть русского общества действительно воспринимала как наречение Ионы на Киевскую митрополию¹⁸⁷. Однако с этим был решительно не согласен Вселенский патриарх Иосиф (1416-1439), отправлявший в Киев, на основе действующего церковного права, избранных им митрополитов.

Только отвержение унии с Римской Церковью, которую привез с собой с Флорентийского собора 1438-1439 гг. митрополит Исидор, и его последующее бегство из Москвы по-настоящему открыли Ионе дорогу на митрополичий двор. В течение 1440-х гг. его кандидатура получила признание всех противоборствующих сторон гражданской войны в России: и Дмитрия Шемяки, который велел Ионе занять митрополию в 1446 г., и Василия Темного, который велел ему оставаться там после 1448 г.

В русском обществе, где существовали некоторые колебания относительно законности и обстоятельств поставления Ионы на Киевский стол, такой исход дела удовлетворял отнюдь не всех. Единственным каноническим основанием для самостоятельного избрания митрополита мог быть только разрыв с патриархом, отпавшим от Православия в унию. Однако должно было произойти еще в 1441-1442 гг. сразу после изгнания Исидора из Москвы. Отступление патриарха от Православия действительно указывается в великокняжеских грамотах в Константинополь 1441-1453 гг. Однако оно оказывается не единственной причиной, а фигурирует в числе прочих (тяготы пути в Византию, греческие и русские смуты, «обещание» избрать Иону на митрополию после Исидора и т.д.), которые никак с точки зрения церковного права не могут оправдать собор 1448 г. К тому же отношение к Флорентийской унии в самом Константинополе было настолько неоднозначным, что ее пришлось провозглашать вторично в 1452 г. С восшествием на престол Софии Константинопольской в 1454 г. патриарха Геннадия Схолария, окончательно утвердившего здесь Православие, причины, которые могли оправдать разрыв Русской митрополии с Матерью-Церковью, окончательно отпали сами собой. Церковная Москва должна была восстановить общение с Вселенским престолом. Однако этого не произошло, поскольку настоящей причиной избрания Ионы в 1448 г. было

---

¹⁸⁵ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века.... С.100-108.

¹⁸⁶ Кистерев С. Н. Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и Христианский восток. 2-3. М., 2004. С. 41-68.

¹⁸⁷ Тарасов А.Е. Возвышение митрополита Ионы: Из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в. // Вестник Московского университета: История. 2. 2005. С. 97-118.

не отступление греков от Православия, а желание московских князей окончательно подчинить себе главу русской Церкви.

Все это время московские книжники находилась в поиске окончательной версии событий, которая должна была оправдать избрание митрополита и последующую автокефалию¹⁸⁸. Сам митрополит Иона, как это видно из его завещания, еще не думал об окончательном разрыве с Константинополем, надеясь на признание своего статуса Вселенского престолом¹⁸⁹. Он продолжал носить титул митрополита Киевского. Ситуация изменилась лишь при последующих митрополитах, решительного разорвавших с греческим православием.

Печать митрополита Московского Феодосия. 1461-1464 гг.

Преемник Ионы, митрополит Феодосий (1461-1464) не только отказался от «киевского» титула, официально став первым митрополитом Московским, но и поместил на своей печати изображение Кипрской иконы Божией Матери, которая была символом власти Константинопольских патриархов. Это была претензия на независимую от Вселенского престола церковную власть, которая обернулась окончательной зависимостью от московских князей. Предшествующие этому колебания современников, поиск ими нужных слов и идей, хорошо иллюстрируют особенности формирования новой идеологии и культуры становящегося Московского царства и находят отражение в противоречивом содержании источников. Эти противоречия историки и восприняли как свидетельство подложности рассказа о «наречении» Ионы на митрополию.

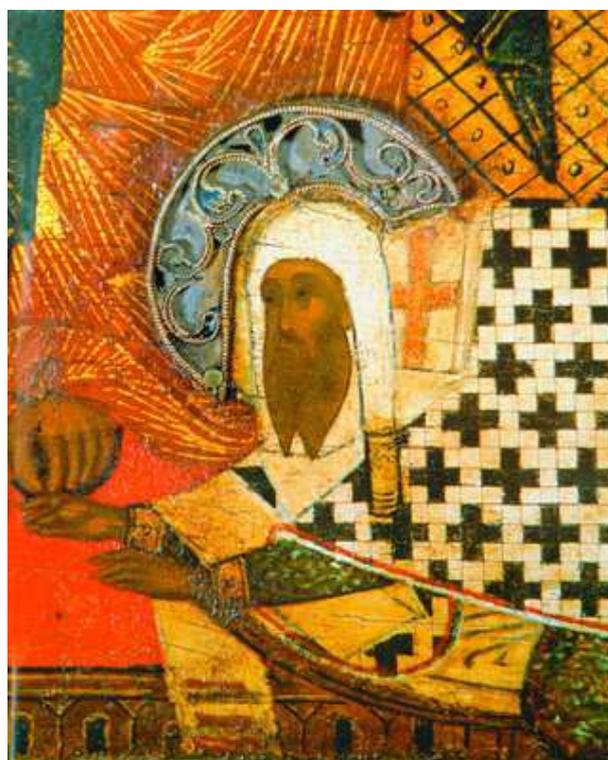
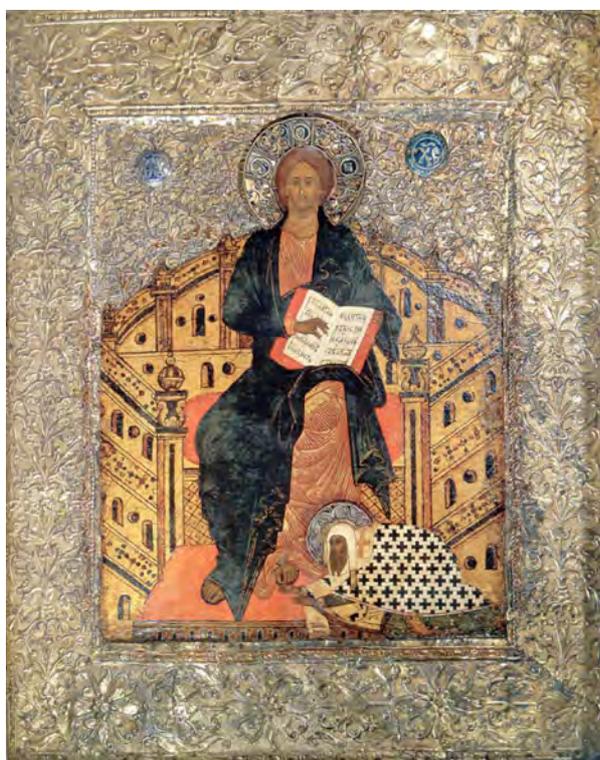
Долгая история Литовской митрополии «Малой Руси» и пространная повесть об Ионе, его соперниках и преемниках, были необходимы нам, дабы показать, как изменилась историческая ситуация вокруг дома Святой Софии. Канонизация истории митрополита Ионы, якобы законно управлявшего митрополией с 1430-х гг., привела к тому, что

¹⁸⁸ *Белякова Е.В.* К истории учреждения автокефалии Русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 152-156; *Синицына Н.В.* Автокефалия Русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448-1589) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 126-151.

¹⁸⁹ *Иннокентий (Павлов)*, игумен. Духовная грамота святителя Ионы. К вопросу об автокефалии Русской Церкви // Церковно-исторический вестник. 6-7. 2000. С. 172-179.

митрополиту Герасиму было отказано в праве быть Киевским митрополитом. Это бросило тень и на рукоположенного Герасимом архиепископа Новгородского Евфимия и его православие. А вместе с тем и то, и другое было безупречно. Тот факт, что Евфимий не присутствовал на соборе 1448 г. стоит объяснять не его «несогласием» с неканоническим избранием Ионы, а новгородской традицией, согласно которой владыки дома Святой Софии редко присутствовали на архиерейских соборах в Москве. По крайней мере, о каких-либо протестах новгородского архиепископа против нового митрополита ничего не известно.

Возможно, он был одним из немногих на Руси, кто ясно осознавал настоящую, «антиуниатскую» причину, допускающую подобное избрание, поскольку именно Евфимию Русская митрополия и была обязана, скорее всего, отвержением унии, Источники повествуют, что изначально Исидор был принят на Руси с подобающей честью и, вроде бы, ничто не предвещало его отставки.

Спас на престоле с припадающим свт. Евфимием Новгородским из Суздальского Покровского монастыря. Копия третьей четверти XVI в. с иконы XV в. (1435 г. ?). Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (инв. № В-6300/45)

Ситуация изменилась лишь после заключения мирного договора между Новгородом и Москвой, подписанного зимой 1441 г. в городке Деман на юге Новгородской земли. Здесь архиепископ Евфимий впервые встретился с московским князем Василием II. Последовавшую вслед за этим опалу митрополита Исидора в марте 1441 г. стоит считать одним из результатов этой встречи¹⁹⁰. Возможно именно на границах Новгорода, Москвы и

¹⁹⁰ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в...С.194-217.

Литвы владыка открыл князю глаза на возможные последствия церковной унии с Римом, противоречащие правовым и культурным традициям Православия. «Антиуниатские» настроения Евфимия логично вытекали из его «эллинофильства», любви к византийской культуре, о чем свидетельствует его активная культурная деятельность, вплетавшая в греческую основу лучшие европейские достижения. Именно ему должна принадлежать известная монограмма с именем «Евфимий», выполненная в подражание именным монограммам византийской знати. Ее можно встретить на драгоценных изделиях и тканях, изготовленных по заказу этого архиепископа, как в Новгороде, так и в Москве.

Дом Святой Софии расхотился с митрополитом Исидором не только во взглядах на унию, но и на управление собственной епархией. В 1438 г. митрополит, отправляясь в Италию, изымает Псков из-под власти дома Святой Софии, назначив туда в качестве своего наместника архимандрита Геласия. Возможно, это произошло в том числе и потому, что два архиерея уже тогда разошлись во взглядах на будущую унию. В 1441 г., после возвращения Исидора из Рима, Геласия на посту псковского наместника сменил архимандрит Григорий¹⁹¹. Не тот ли это Григорий, ученик и друг Исидора, который с его согласия в 1458 г. станет униатским митрополитом Киевским и которого признает польский король Казимир Ягеллончик?

Монограмма архиепископа Новгородского Евфимия II. 1435-1456 гг.

Пребывание Григория в унии с Римом продолжалось недолго. Через несколько лет пребывания на кафедре он вступил в переговоры с патриархами Симеоном (1466) и Дионисием (1467-1471) и вернулся в восстановивший Православие Вселенский патриархат. Этот акт покаяния превратил его в единственного законного православного митрополита в Восточной Европе, поскольку Москва и Константинополь взаимно не признавали друг друга¹⁹². Этот факт церковного раскола, продолжавшегося фактически до 1563 г., был подтвержден обеими сторонами. В 1467 г. патриарх Дионисий в своем послании митрополиту Григорию писал, что Вселенский престол ни Иону, ни его преемников –

¹⁹¹ Псковские летописи. Вып.2.... С.46.

¹⁹² Лурье Я.С. Две истории Руси XV века...С. 107-108, 138-139.

Феодосия и Филиппа – не считает митрополитам¹⁹³. В то же время князь Иван III писал архиепископу Новгородскому Ионе, что на Москве не только не признают самого Григория, но и находящегося с ним в общении патриарха имеют «чужда и отреченна»¹⁹⁴.

Архиепископу новгородскому Ионе (1458-1470), бывшему игумену Отенского монастыря под Новгородом, не нужно было толковать церковных канонов. Он был рукоположен в Москве митрополитом Ионой, законность которого ни у его предшественника Евфимия, ни у него самого, ни у дома Святой Софии сомнений не вызывала. Впоследствии оба Ионы обменивались посланиями друг с другом. После смерти Ионы «чернецом на сенех» 15 декабря 1470 г. стал архидиакон Софийского дома и пострижник того же Отенского монастыря Феофил. Близость Феофила и Ионы предполагала, что новой хозяин Владычного двора не откажется от традиционных отношений с московскими митрополитами и от хиротонии «в доме Пречистой Богородицы у гроба святого митрополита Петра» в пользу общения с митрополитом Киевским Григорием, пусть и признанным Вселенским патриархом.

Однако именно эти московские страхи и должны были материализоваться в «крестовом походе» на Новгород 1471 г., который закончился Шелонской битвой и Коростынским договором, положившим начало концу древней Новгородской конституции и закрепившим обязательное рукоположение новгородских архиереев исключительно в Москве. Великий князь, который традиционно был для Новгорода «господином», сеньором, намеревался превратиться в «государя», суверена, и установить здесь такое же автократическое «государство», которое существовало в его вотчине.

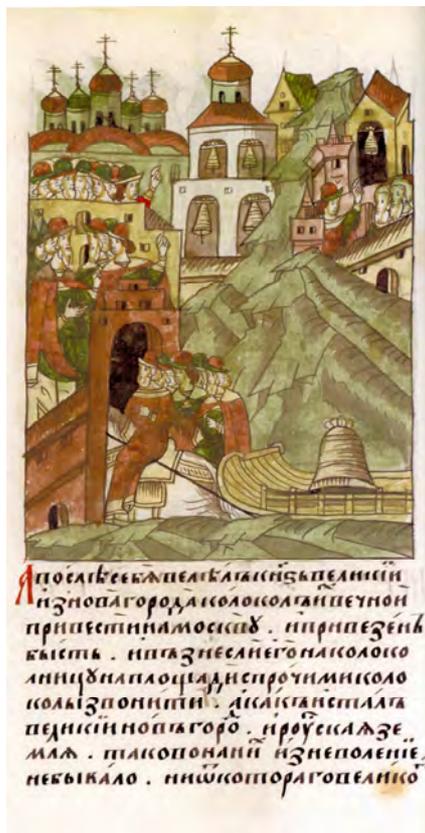
Подобный переворот нуждался в идеологическом обосновании. Им и стал «литовский фактор» новгородской политики, превращенный московскими книжниками в «измену новгородскую». Под его пером в Новгороде образовалась «литовская партия», стремившаяся присоединять Северную Русь к Польше и Литве. Наступала эпоха превращения древних смыслов и подмены традиций. Московские правители последовательно отвергали законность новгородских прав на договорные отношения с князьями и устранили из летописей все упоминания существования в истории таких прав. В 1450-1470 гг. создание новых летописных сводов в интересах великих князей утвердило в общественном сознании возможность редактирования собственной истории. Описывая чудо от иконы Знамения в 1170 г. княжеский летописец назидательно укажет: «Не говори, что правы суть новгородцы, ибо издавна освобождены от наших прадедов-князей. Но велели ли им прежние князья нарушать крестное целование и срамить своих внуков? Доколе Богу терпеть это?».

---

¹⁹³ *Щапов Я.Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т.2. С.145-147.

¹⁹⁴ Памятники древнерусского канонического права... С.711.

Вдохновленный собственной тирадой, уже на следующем листе, описывая изгнание из Новгорода князя Романа Мстиславича в 1171 г., он воскликнет: «Таков был обычай окаянный смердов изменников!»¹⁹⁵.

Увоз вечевого колокола из Новгорода в Москву. 1478. Лицевой летописный свод. XVI в.

Московские книжники не только переписывали, но и в прямом смысле слова вырезали со страниц летописи любые упоминания о нарушении законности великими князьями. Так, спор князя Ивана Даниловича с Новгородом из-за «закамского серебра» в 1332 г. закончился тем, что князь отобрал у новгородцев Торжок и Бежецкий верх «чрез крестное целование». Последние слова оказались выскоблены в Синодальном списке Новгородской летописи, а сверху было приписано, что эти волости князь отобрал у Новгорода «за измену новгородскую»¹⁹⁶.

Представление о новгородцах как о «смердах-изменниках», рожденное для ниспровержения Новгородской конституции, было использовано и против дома Святой Софии. В эту эпоху в Москве хорошо ощущалось превосходство признанного Вселенским патриархом канонического митрополита Григория перед отвергнутыми греческим Православием самопровозглашенными московскими митрополитами. Для того, чтобы избавиться от этого комплекса, великокняжеский книжник вслед за «литовской изменой» придумает для новгородцев обвинение в измене Православию и отступлении в «латинство».

¹⁹⁵ Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ. Т.25. М.; Л., 1949. С. 81-82.

¹⁹⁶ НПЛ. С.99; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI - XV вв. СПб., 1996. С.36-37.

Вошедшая в летопись повесть о походе на Новгород 1471 г., получившая помпезное название «Словеса избранна от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских», пытается представить это событие как борьбу с «неверными», решившимися на союз с польским королем и литовским митрополитом. Идеологи великокняжеской власти искали политический предлог, чтобы совершить исторический подлог. Они как никто другой знали, что союзы с литовскими князьями были внутренним делом Новгорода, основанным на традиционных ценностях средневекового общества, а митрополит Григорий уже более десяти как расстался с унией и латинством. Им было хорошо известно, что за 150 лет существования Литовской митрополии дом Святой Софии ни разу не нарушил канонической верности не только Киевским митрополитам, но и их преемникам на Москве, в чьей законности современники имели основания сомневаться.

Но времена изменились. Русское общество столкнулось с первым серьезным опытом фальсификации отечественной истории в интересах России. С тех пор любое проявление новгородской культурной самобытности будет обличаться московской книжностью как «ересь новгородская».

ОЧЕРК IX

ЕРЕСЬ НОВГОРОДСКАЯ

История – не только наука об исторических загадках. Это обязательный рассказ о том, как историк намерен эти загадки по-честному разгадать. Личная, субъективная честность историка, в конце концов, оказывается залогом правдивости, объективности рассказанной им истории. Эта «интеллектуальная честность» не позволяет подменять реалии прошлого современными смыслами.

История священников из дома Святой Софии, обвиненных в ереси «жидовствующих», являет собой пример таких противоречий в восприятии средневековья. В учебниках эти события выглядят так. Вместе с киевским князем Михаилом Александровичем в 1470 г. в Новгород приехал еврей Схария, известный своей ученостью. Вскоре к нему присоединились Иосиф Шмойло-Скаравей и Мосей Хануш. Они обратил в иудаизм новгородских священников Алексея и Дионисия, велев держать свое вероотступничество в тайне. Новгородские прозелиты не только отрицали Пресвятую Троицу, Божественность Христа, святость Церкви и святые иконы, но и поставляли своих сторонников в попы, вследствие чего ересь «жидовствская мудрствующих» распространилась по городам и селам. В 1480 г. Алексей и Дионисий были вызваны великим князем Иваном III в Москву, где стали протопопами кремлевских соборов.

Еще в 1477 г. борьбу с ересью начал прп. Иосиф Волоцкий, который обличил ее в послании о Святой Троице, адресованном архимандриту Вассиану. Но лишь новый архиепископ Новгородский Геннадий в 1487 г. сумел разоблачить новгородских иудеев. Будучи пьяны, они поругались иконе Богородицы, что и раскрыло их еретичество. Тогда же на них донес поп Наум, который передал владыке тетрадь с «жидовскими» псалмами. Архиепископ Геннадий отправил кощунников в 1488 г. на суд великого князя и митрополита Геронтия (1473-1489). Однако их ждало мягкое наказание, поскольку князь находился под влиянием главных еретиков, засевших в московском Кремле. Они сумели обратить в «жидовство» не только митрополита Зосиму (1490-1494) и посольского дьяка Федора Курицына, но и княжеского внука Дмитрия и его мать Елену, дочь молдавского государя Стефана Великого.

Геннадий продолжил борьбу с «жидовствующими» и в 1490 г. вынудил нового митрополита Зосиму созвать собор, на котором новгородские священники были осуждены и затем подвергнуты «градской казни». Однако главные «жидовствующие» оставались в Москве, выполняя заказ врагов «Русской великой земли». Не исчезло еретическое сообщество и в Новгороде. Поборники Православия, во главе которых теперь стоял прп.

Иосиф Волоцкий, не прекратили борьбу с вероотступниками. Им удалось свести Зосиму с кафедры и сделать митрополитом ревнителя благочестия Симона (1494-1511). В 1502 г. они сумели добиться опалы Елены Волошанки и ее сына, которые позднее умерли в заточении. В декабре 1504 г. прп. Иосиф убедил великого князя созвать собор, на котором ересь была осуждена, а еретики приговорены к смертной казни через сожжение. Вплоть до своей кончины в 1515 г. прп. Иосиф продолжал изобличать и преследовать затаившихся русских иудеев. Святая Русь была спасена.

Иконы святителя Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа Волоцкого

Таков современный миф, который воспроизводит историю ереси. Однако существующие в этой истории противоречия не могут не смущать человеческую совесть. Так, нам ничего не известно о существовании ереси до 1487 г., когда архиепископ Геннадий сообщил о ней епископу Сарскому Прохору, а послание Иосифа о Святой Троице, считавшееся древнейшим свидетельством о ней, не могло быть написано ранее 1502 г.¹⁹⁷ Обвиненный в ереси московский писец Иван Черный переписывал в 1485 г. по велению великого князя историческое сочинение «Еллинский летописец», где оставил свою приписку, в которой нет ничего еретического, если, конечно, не считать ересью слова св. ап. Иоанна Богослова, что «Бог – есть Любовь».

Обвиняя новгородцев в «жидовствовании», Геннадий не указывает в их поступках ничего, связанного с обрядами синагоги, что признает даже тот, кто убежден, что в Новгороде существовала секта иудейских прозелитов. Единственная достоверно существовавшая у еретиков переводная книга иудейской традиции – астрологическое сочинение Шестокрыл, использовалась ими для календарных расчетов. Именно в

¹⁹⁷ Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480-1510-х гг. СПб., 2010. С.235-242.

рассуждениях о конце света и его дате, а отнюдь не в исповедании веры, новгородские клирики демонстрируют наибольший интерес к Ветхому Завету и средневековой еврейской философии. Принесенная попом Наумом тетрадь с псалмами совершенно необязательно содержала псалмы на еврейском – «мирские» псалтыри с молитвами на библейские темы были весьма распространены на Руси. Существовали и новые переводы Псалтыри с еврейского, например, псалтырь Федора Новокрещена, поднесенная князю Ивану и митрополиту Филиппу (1466-1473) и никак не связанная с «жидовской мудростью»¹⁹⁸.

Внимательное прочтение посланий Геннадия свидетельствует, что «жидовская мудрость» почерпнута новгородцами не в синагоге, а в Библии. Некоторые обвинения, как, например, пост в субботу и соблюдение других ветхозаветных обычаев, совпадают с претензиями православных в адрес латинян. Целый ряд обвинений в неподобающем обращении с иконами и крестами, которые «щипали», «кусали», «в лохань макали», на ворон вешали и даже втоптывали в грязь, находит свое объяснение в народной религиозности. Считается, что от зубной боли можно избавиться, если «погрызть» святыню. Частицы икон, особенно красочный слой, употреблялись не только в бытовой магии, но даже влагались в потир при совершении Евхаристии. Случаи «наказания» икон, «не выполнивших» обращенные к ним молитвы, хорошо известны в церковной этнографии XIX-XX в.: их прогоняли из избы, ими закрывали лохани с водой, их выбрасывали в навозные кучи.

Обвинения в том, что в Новгороде не почитали «великих святителей Петра, Алексия и Леонтия чудотворцев» связаны с тем, что московские культы святых не получили широкого распространения в Северной Руси, хотя архиепископ Евфимий и освятил в 1437 г. надвратную церковь св.митрополита Петра на Владычном дворе. Подобным образом греки обвиняли латинян, что те не чтити Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Однако речь шла не о признании святости этих отцов Церкви, а лишь о том, что празднование собора трех святителей было установлено только при императоре Алексее Комнине в 1080-1090 гг., т.е. после раскола 1054 г. Естественно, этот праздник не мог прижиться на Западе. Икона из церкви Преображения Господня на Ильине улице, «Преображение с деянием», на клейме которой архиепископ Геннадий увидел, как Василий Великий «у Спаса руку да ногу отрезал», могла быть как отголоском неизвестной архиепископу иконографии «Службы Святых Отцов», где на церковном блюде-дискосе изображался приносимый в бескровную жертву Младенец-Христос¹⁹⁹, так и просто следствием безграмотности иконописца – бывало и такое, надписавшего это изображение

---

¹⁹⁸ *Сперанский М.Н.* Псалтырь жидовствующих в переводе Федора Еврея. М., 1907; *Соболевский А.И.* Рец. на «Псалтырь Феодора еврея» // Журнал Министерства народного просвещения. 11.1907. С. 199 -202.

¹⁹⁹ *Голейзовский Н.К.* Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия // Византийский временник. 41. 1980. С. 125-140.

как «Обрезание Господне». Последняя возможность подтверждает, что в Новгороде XV в. вряд ли ясно представляли себе ветхозаветное обрезание.

Образ младенца Христа – Жертвы и свт. Иоанн Златоуст на фреске Литургии Святых Отцов. Храм Пресвятой Богородицы. Донье Каменица. Сербия. XIV в.

Очевидно, что часть обвинений возникла из несоответствия московской и новгородской культур. Это хорошо понимали в Москве, где, по свидетельству самого Геннадия, считали, что «Новгород и Москва – не едино православие». Похоже, что часть претензий архиепископа к местному духовенству была связана с его борьбой с новгородскими традициями. Как московские власти пытались искоренить новгородское «право вольности в князьях», так присланные из Москвы архиепископы боролись с новгородским «правом вольности в попах». Не случайно Геннадий сетует на новгородское духовенство, которое «поставляло в попы», т.е. влияло на избрание священников.

Удивительным образом начало борьбы Геннадия с еретиками совпадает с протестами местных клириков против владычных поборов. Первое послание о еретиках датировано концом 1487 г. В 1490 г. архиепископ жалуется, что чернец Захар «лает» его «беспременно уже третий год, на четвертый год настало». Следовательно, начало конфликта в доме Святой Софии действительно относится к осени 1487 г. Это и объясняет равнодушие Москвы к геннадиевым грамотам. Здесь ситуация оценивалась как банальное противостояние нового архиерея и местного духовенства. Только в 1503 г. протесты новгородских священников

были услышаны, что и привело к отставке святителя, начавшего «мзду имати у священников от поставления наипаче первого»²⁰⁰.

Представления о «жидовстве» еретиков у самого Геннадия постоянно меняются: в 1487 г. он пишет, что те «жидовская мудрствуют», в 1490 г. определенно утверждает, что они «встали в жидовскую веру», что, как мы увидим ниже, не было одним и тем же. В послании к митрополиту Зосиме 1490 г. Геннадий впервые сообщает о происхождении ереси от неназванного по имени «жидовина» и о покровительстве еретиками со стороны Федора Курицына, о чем он молчал ранее. Однако его послание к собору епископов в том же году словом не упоминает ни ересиарха, ни даже «жидовство» обвиняемых.

Из независимых от Геннадия источников, и даже от его сотрудников, нам ничего неизвестно о «жидовстве» еретиков. Княжеский и митрополичий суд 1488 г. установил не «иудаизм» новгородках священников, а тот факт, что они хвалят «жидовскую веру», под которой могла пониматься вера Ветхого Завета. Соборные деяния 1490 г. «жидовство» еретиков не упоминается вовсе, а начальником ереси именуется не таинственного еврея, а конкретного чернеца Захара, обвинившего владыку в симонии. Нет упоминания о «жидовстве» и в покаянной записке попа Дениса. Писец дома Святой Софии Тимофей Вениаминов в приписке к рукописи 1489 г. сообщает только о «злодейском еретичестве», разоблаченном Геннадием²⁰¹. Летописи знают лишь о новгородских попах, которых били кнутом за то, что они «пьяными поругались иконам»²⁰².

Собором 1490 г. и гражданской казнью некоторых новгородских клириков заканчивается первый эпизод этой исторической драмы. Второй эпизод начинается лишь через 12 лет. Непрочным звеном, соединяющим оба эпизода, оказывается известие Геннадия о том, что «печальником» новгородских еретиков был «министр иностранных дел» Московии диак Федр Курицын, который, однако, умер, не дожив до новых гонений. Зато от них в 1504 г. пострадали его брат Иван и другой Иван, зять уже известного нам попа Алексия и сын другого священника Максима, тоже обвиненного в ереси. Не погибли ли они из-за своего родства с теми, кто был или считался еретиком?

Единственным свидетелем, повествующим о тайном существовании ереси, «вдруг» разоблаченной в 1502 г., является прп. Иосиф Волоцкий и его книга «Просветитель». В этой книге, составленной из цитат посланий архиепископа Геннадия, расплывчатый термин «ересь» повсюду заменяется на конкретное «жидовство», а сама ересь обрастает подробностями, происхождение которых необъяснимо. Имя ересиарха-«жидовина» не было

---

²⁰⁰ ПСРЛ. Т.6. С.49.

²⁰¹ Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: греческие рукописи в России. М., 1977. С. 30-32.

²⁰² ПСРЛ. Т.6. С.238; Львовская летопись. ПСРЛ Т.20.1. СПб., 1910. С 353.

известно Геннадия, но таинственным образом становится известно Иосифу, который приписывает ему двух сообщников - Иосифа и Моисея. Действительно, в XV в. в Киеве проживал астроном Захария Бен Арон Га Коген, но это совершенно не означает, что этот звездочет посещал Новгород и обратил местных священников в иудаизм. Имя для ересиарха могло быть заимствовано Иосифом или у чернеца Захара, который «лаял» Геннадия, или из «Послания на жида и на еретики» инока Саввы, написанного, по нашему мнению, около 1497 г. для воеводы Дмитрия Шеина. Послание предостерегало воеводу от общения с крымским иудеем Захарией, который, однако, никак не был связан с новгородскими еретиками²⁰³. В духе прп. Иосифа поздние летописи утверждают, что Схарию казнят в Новгороде, а митрополит Зосима выступает в защиту еретиков на церковном соборе 1490 г., а попович Иван спасся в то время от суда и следствия бегством за границу.

В 1488 г. княжеский и митрополичий суд оправдал диакона Гридю из новгородской церкви свв. Бориса Глеба, поскольку против него выступил лишь один свидетель. Сегодня историки, как и политики начала XVI в., готовы принять обвинения единственного свидетеля, при том, что самого прп. Иосифа его собратья именовали «ябедником», заявляли, что «в... его лжах злых мнози от государя в темницах заключены»²⁰⁴, и редактировали его «Просветитель», вычеркивая оттуда несправедливые обвинения.

У нас нет никаких свидетельств о том, что Иосиф участвовал в соборе 1490 г. Нам известно, что все послания прп. Иосифа, вошедшие в «Просветитель», написаны не ранее 1502-1504 гг.²⁰⁵ Иосиф обвинял митрополита Зосиму в ереси, однако известия о его симпатиях к «жидовствующим» оказываются недостоверны, поскольку митрополит лично переписывал антииудейские сочинения²⁰⁶. Зосима, который, судя по всему, был жив к моменту собора 1504 г.²⁰⁷, так и не был осужден. Его отставка связана не с деятельностью ревнителей, а с произволом великого князя, оправдывая который придворный хронист оскорбительно напишет, что митрополит «непомерно пития держашася»²⁰⁸.

Кроме единственного упоминания у архиепископа Геннадия, ничто не свидетельствует о «жидовстве» диака Федора Круицына. Он не был осужден собором 1490 г., приписываемое ему «Лаодикийское послание» часто копировалось в XVI в. и восходит к

²⁰³ Белокуров С.А. Послание инока Саввы на жида и на еретики // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 3:2. 1902. С. 1-94.

²⁰⁴ Моисеева Г. Н. Житие Новгородского архиепископа Серапиона // Труды отдела древнерусской литературы. 21.1965. С. 147-165.

²⁰⁵ Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого.... С.310-315.

²⁰⁶ Ильинский Ф.И. О мнимом еретичестве московского митрополита Зосимы // Русский архив. 2. 1900.С. 330-341; *Id.* Митрополит Зосима и дьяк Федор Васильевич Курицын // Богословский вестник. 10.1905.С.212- 235.

²⁰⁷ Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого... С.125.

²⁰⁸ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века... С.213.

византийской литературе, что не позволяет ему считаться еретическим. Если его брат и был казнен, то его сын Афанасий продолжал служить великим князьям.

Удивительным образом герой первого эпизода борьбы с «жидовствующими» архиепископ Геннадий не только никак не проявил себя во втором, но и в решающий момент был смещен с кафедры и отправлен в ссылку. Более того, Иосиф прямо обвинил владыку, что тот поверил покаянию еретиков и дал им «ослабу». Похоже, Волоцкий игумен просто не нуждался в том, чтобы детально расследовать, как возможные особенности интеллектуальной и духовной жизни Москвы и Новгорода начала XVI в., которые и могли возбудить его ревность, связаны со старой «новгородской ересью» - фамильного родства и формального сходства могло быть достаточно.

Кстати, ничто, кроме самого Иосифа, не подтверждает существование ереси в 1490-е гг. Переведенные и переписанные в это время антииудейские сочинения не могут свидетельствовать о живости продолжающейся полемики, поскольку переводились и переписывались в христианской культуре во все времена. Зато все указывает на то, что игумен начал обличать «жидовствующих» только после государственного переворота в апреле 1502 г., когда венчанный на русское царство князь Дмитрия и Елена Волошанка были отправлены в заточение. Наследником был объявлен Василий, сын Софии Палеолог. Именно тогда и состоялось первое свидание игумена с великим князем Иваном.

Так кем же были «жидовская мудрствующие» новгородцы, существовали ли они вообще и какое отношение «ересь новгородская» имеет к московским «еретикам»? Историк не имеет права отвергнуть известия средневековых памятников, даже если они кажутся ему противоречивыми. Он должен исходить из того, что древний книжник знал и хотел сообщить нам правду. Осталось выяснить, в чем заключалась эта правда в интересующее нас время...

В византийской культуре, к которой принадлежала Древняя Русь, существовали устойчивые выражения: делать что-либо «жидовствующе» или «жидовская мудрствующе». С их помощью описывались умонастроения и практики, которые отдавали предпочтение Ветхому Завету перед Новым. Они могут быть объединены термином «иудаизантные ереси»²⁰⁹. С середины XI в., начиная с трудов монаха Студийского монастыря Никиты Стифата и посланий Вселенского патриарха Михаила Керрулария (1043-1058) термин «жидовствующие» применялся преимущественно к латинянам, что было принесено на Русь митрополитами-греками Георгием и Никифором в XI-XII в.²¹⁰ Ярчайшим примером

²⁰⁹ *Dagron G. Judaïser // Travaux et Memoires. 11. 1991. P. 359-380. В применении к нашей истории см.: Dmitriev M. Christian Attitudes to Jews and Judaism in Muscovite Russia: the Problem Revisited // CEU History Department Yearbook. 2001-2002. Budapest, 2002. P. 21-41; Дмитриев М.В. Структура антииудейского дискурса в «Просветителе» Иосифа Волоцкого и «Послании» инока Саввы (конец XV – начало XVI вв.) // Евреи и христиане в обществах православных стран Восточной Европы и Польши. М., 2011.*

²¹⁰ *Павлов С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878.*

«иудаизантности» Латинской церкви стала каролингская реформа конца VIII-IX вв., которая ввела служение литургии на опресноках, пост в субботу и вполне ветхозаветные особенности догмата иконопочитания. Все эти моменты не были заимствованы франками у синагоги, а были «вычитаны» в Библии. Из современных нашим событиям явлений «иудаизантностью» отличалась европейская Реформация XVI в., придававшая особое значение Ветхому Завету.

Сохранившиеся обличения позволяют утверждать, что «жидовская мудрствующие» новгородцы не имели отношения ни к синагоге, ни к латинству. Они представляли собой классическое иудаизантное движение, характерное для восточно-христианской культуры. Накануне конца истории, ожидаемого в 1492 г., в новгородском образованном обществе должен был проснуться интерес к Библии, обусловленный стремлением восстановить первоначальную чистоту веры. Богословский «ярлык», который навесил своих клириков архиепископ Геннадий, был связан исключительно с их уважительным интересом к Ветхому Завету, разлитому в православной культуре, и с последовавшими за этим практическими выводами. Известно, что в 1580-е гг. даже монахов Иосифово-Волоколамского монастыря, имея ввиду их «ветхозаветное законничество», называли «не осифляны, но жидовляны». Однако это не могло свидетельствовать о приверженности иосифовых постриженников «иудейским молитвенным ритуалам». В Новгороде не существовало и социальной основы для иудейского прозелитизма, успех которого в Западной и Центральной Европе напрямую зависел от авторитета синагоги и наличия у нее конкретных привилегий. Еврейской общины в средневековом Новгороде просто не было, а сами иудеи были здесь редкими гостями.

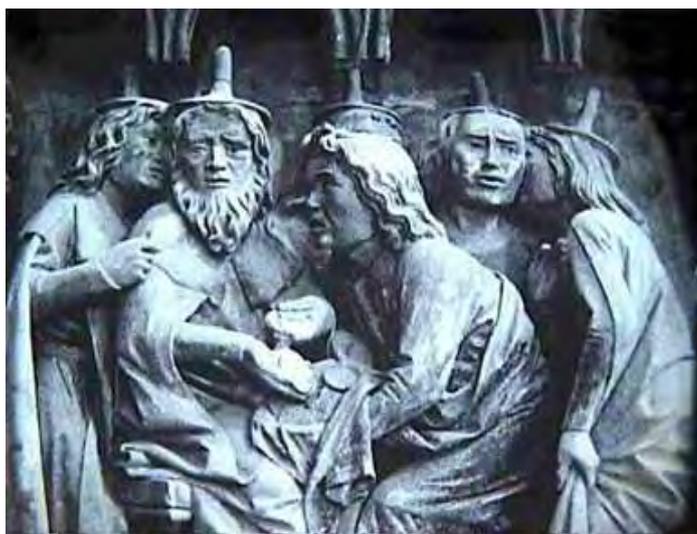
Однко, именно ветхозаветные интересы новгородских священников могут объяснить внимание к ним со стороны Ивана III, который пытался выработать новую концепцию великокняжеской власти на основе византийской императорской идеологии с присущей ей библейскими образами и уподоблением василевса новому Давиду и Соломону. Проснувшийся интерес к Библии в какой-то момент побудил некоторых новгородских священников, используя переводные сочинения, поближе познакомиться культурой синагоги, в том числе с присущей ей календарной традицией²¹¹. С точки зрения средневековья такое «уважительное» отношение к иудаизму было очевидной ересью. В этом смысле обвинения Геннадия нельзя назвать беспочвенными, однако, став частью его борьбы за укрепление личной власти, они утратили право быть непредвзятыми.

Характерна для обвинения в «жидовском мудрствовании» и казнь, которой архиепископ подверг присланных ему на расправу еретиков. Они были посажены на лошадей задом наперед, «хребтом к главам конским», притом, что их одежда тоже была

---

²¹¹ Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы XI – XVI вв. М., 1989. С. 407-429.

обращена «передом назад», и в таком виде провезены по городу. Такое неправильное сидение как «антиповедение» не только восходит к средневековому карнавалу, но и имеет богословское звучание. Оно могло указывать на манеру восприятия Библии иудаизмами, которую те толковали «задом наперед». С точки зрения учения Церкви Ветхий Завет мог быть правильно истолкован только на основе Евангелия, в котором договор между Богом и людьми находил свое исполнение и высший смысл, тогда как еретики пытались реформировать христианство с помощью Ветхого Завета. К тому же надетые на участников этого действия «шлемы берещены остры» идеально соответствовали принятому в западноевропейском искусстве изображению иудеев в островерхих шапках. Этот жест, превращающий иудаизантов в иудеев, хорошо соответствовал культурному динамизму Московской Руси и затянувшемуся разрыву с традициями византийской культуры. Это и привело к тому, что в процессе полемики изначальный смысл термина «жидовское мудрствование», описывающего иудаизантное направление в христианстве, оказался утрачен и замещен непосредственным обращением в «жидовство»-иудаизм.

Изображение иудеев в «шлемах острых» в скульптуре готического собора в Наумбурге. Германия. Конец XIII в.

Нельзя не заметить, что эти обвинения в вероотступничестве, теперь уже в иудаизме, оказываются сродни обвинениям в изменах великому князю и Православию, которыми сопровождалась компания по присоединению Новгорода к Москве 1470-х гг. И Геннадий, и Иосиф выступили здесь как продолжатели традиции великокняжеских книжников. Их преемники в XVI в. подхватили упреки в адрес новгородцев, которые теперь обвинялись в язычестве. Так поступили архиепископы Макарий и Феодосий, пославшие в 1534 и 1548 гг. в Водскую пятину грамоты с требованиями искоренить местные кладбищенские обычаи²¹², которые отражали многообразие северно-русского «народного православия». Столетием

²¹² Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т.1. С. 27-31, 57-60.

позже потомственный служитель дома Святой Софии митрополичий дворецкий Иван Прокофьев Жеглов, возглавивший в 1650 г. новгородский мятеж против разрушителя «старины» Никона, был сослан в Сибирь, где его обвинили в колдовстве. А в 1687 г. его внук Иван Степнов Жеглов был сожжен в Якутске по «колдовскому делу»²¹³. Традиция обвинения новгородцев в «инаковости» оказалась удивительно живучей, меняя лишь свои формы: изменники, вероотступники, язычники, колдуны.

Печать псковского наместника архиепископа Новгородского Геннадия с греческой надписью. 1490-е гг.

Вместе с тем архиепископ Геннадий, похоже, извлек урок из противостояния 1487-1490 гг. Надежды на помощь московских властей в деле культурного преобразования дома Святой Софии окончательно развеялись. Впрочем, Геннадий и раньше вступал с ними в богословские споры, которые в 1482 г. закончились для него заточением в митрополичьем погребе. Архиепископ решил сам решить возглавить развитие независимой новгородской культуры, ориентированной на местное общество. Он организовал активную переводческую деятельность при участии латинского духовенства, венцом которой стала славянская Библия²¹⁴. Он высоко ценил авторитет митрополита Спиридона-Саввы, поставленного Вселенским патриархом Рафаилом (1475-1476) на митрополию всея Руси, но непринятого ни Казимиром Ягеллончиком, ни Иваном Васильевичем²¹⁵. На печатях своих наместников во Пскове он велел изображать греческую надпись «Геннадий, милостью Божией архиепископ Великого Новгорода»²¹⁶, отсылая тем самым своих возможных оппонентов к авторитету греческого Православия, с которым у Москвы практически прервалось церковное общение. Подобная независимость будет и впредь присуща владыкам дома Святой Софии, как, например митрополиту Киприану (1626-1634), не боявшемуся обличать московские порядки²¹⁷.

²¹³ Шашков Т.А. Якутское дело XVII в. о колдуне Иване Жеглове // Общественное сознание книжность литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 83-88.

²¹⁴ Евсеев И.Е. Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914.

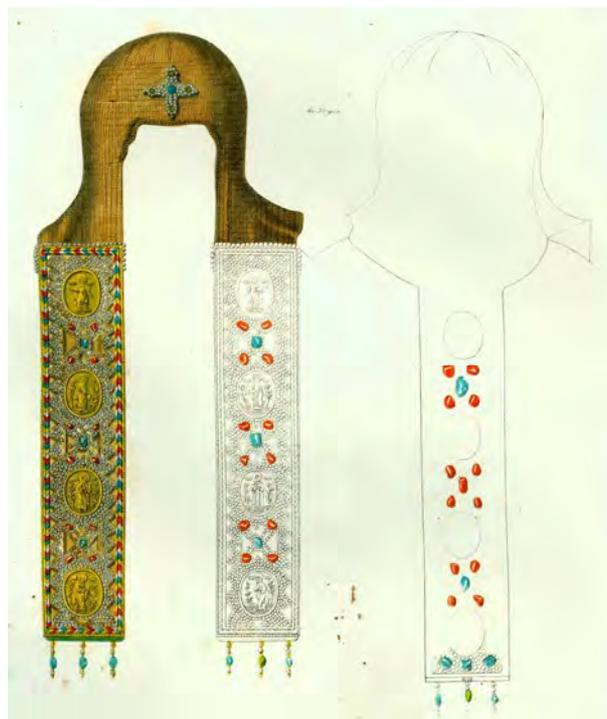
²¹⁵ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.; Л., 1960. С.483

²¹⁶ Белецкий С.В. Загадки печатей Геннадия Гонзова // Советская археология. 2. 1988. С.187-197.

²¹⁷ Зерцалов А.Н. О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627-1633 гг.). // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 176:1:1. 1896.

Наверное, именно тогда один из самых загадочных богослужебных атрибутов Древней Руси – «белый клобук» начинает превращаться в сознании обитателей Софийского дома в особую привилегию Новгородской церкви. Сегодня форма этого клобука известна нашим современникам исключительно благодаря куколю московского патриарха. Однако некогда в Древней Руси этот епископский головной убор был широко распространен среди архиереев, как и их избрание по жребию. Никоновская летопись утверждает, что «изначала клобуки белые вси ношаху на Руси митрополиты и епископы». Ставленник Дмитрия Донского Митяй, став местоблюстителем, надел на себя белый клобук, а в 1406 г. несохранившаяся Троицкая летопись упоминает белый клобук туровского епископа Антония²¹⁸.

Однако только в Новгороде, где избрание епископов стало частью местной идентичности, белый клобук ждала такая же судьба. В XVI в. только новгородские архиепископы сохранили его в своем облачении. На рубеже XV-XVI в. здесь под пером толмача-переводчика Дмитрия Герасимова возникает «Повесть о белом клобуке», передающая нам его фантастическую историю.

Белый клобук «архиепископа Василия». Новгород. XVI в.

Оказывается, некогда он принадлежал римскому папе Сильвестру. Предчувствуя, что слава Ветхого Рима скоро падет, он передал клобук создателю Нового Рима – императору Константину, который вручил его патриарху. Но Новый Рим тоже был не вечен, и патриарх

²¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1815. Т.6. С. 232.

Филофей отправляет клобук новгородскому епископу Василию Калике²¹⁹. Таким образом, не Москве, а Новгороду было уготовано стать Третьим Римом. Но уже собор 1564 г. объявил, что ему не известно, откуда взялась новгородская традиция белого клобука, а Большой Московский собор 1666-1667 гг. объявил саму «Повесть» «лживой и неправой».

В истории о белом клобуке есть ряд плохо преодолимых сложностей. Архиепископ Василий скончался раньше, нежели патриарх Филофей Кокинос вступил на престол. Не сохранилось и известий о том, что в Византии белый клобук был особой богослужебной наградой. Возможно, идея «перенесения» клобука из Царьграда на Русь была порождена тем, что архиепископы Василий и Моисей в 1346 г и 1354 г. получили от Вселенского престола право ношения полиставрия, богослужебного облачения, украшенного крестами²²⁰. Иногда эти ризы изображаются вместе с белым клобуком, как на иконе Богоматери, которая вручает омофор митрополиту Киевскому Максиму (1299-1305).

Моление митрополит Максима – Максимовская икона Божией Матери. 1299-1305 гг. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (инв. № В-2816)

Известно, что в XIV в. два Вселенских Патриарха Иоанн Глика (1316-1320) и Иоанн Калика (1333-1347) имели клобуки белого цвета, что указывало на их немонастырское происхождение. Такая практика, несомненно, существовала и ранее. Однако именно в XIV в. монашеский постриг стал нормой при возведении в епископский сан. Архиерейское облачение окончательно подчинилось монастырской моде с ее черным цветом. Случаи, когда архиереи выдвигались не монастырями, как это было с Василем Каликой, до епископства Георгием, клириком церкви свв. Козмы и Дамиана, встречались все реже. Возможно, для таких как он клобук шился из белой ткани. Со временем эта деталь церковного быта стала софийской традицией и приобрела в глазах новгородцев символическое значение.

²¹⁹ Повесть о белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 198-233.

²²⁰ НПЛ. С. 358, 363, 364.

Иной урок был извлечен из истории «жидовствующих» прп. Иосфом Волоцким, жизнь которого постоянно сопровождали конфликты с монастырской братией, князьями и епископами. Он привык видеть повсюду реальных и мнимых спорщиков и врагов. Окружавшее его брожение умов, присущее рубежу столетий, интерес общества к мирскому знанию, в том числе и связанному с Ветхим Заветом, представлялся ему уже не просто иудаизантной ересью «жидовствующих», а отпадением в иудаизм - «жидовством». Эти люди были для него не еретиками, заслуживающими наказания, но отступниками, достойными казни. Не стоит упрощать его взгляды, приписывая ему роль первого русского «антисемита». Воплощенная в его трудах богословская полемика Церкви и Синагоги не имеет ничего общего ни с бытовым, ни с политическим антисемитизмом. Она устремлена за пределы земного царства, хотя и активно пользуется его услугами для уничтожения противников. То правда, что культурные трансформации Московского Царства легко превращают «жидовское мудрствование» в «жидовство», а его в свою очередь в антисемитизм. Так и поступил Иван Грозный в своих посланиях польскому королю Сигизмунду Августу, утверждая, что «жидов лихия дела» не только «наших людей от христианства отводили», но и «пакости многие» и «отравныя зелья в наше государство привозили»²²¹. Но это уже не вина, а беда Иосифа.

Сравнение посланий Волоцкого игумена с прочими памятниками того времени показывает, что история «московского эпизода» ереси «жидовствующих» была искусственно сконструирована только в 1502-1504 гг. на основе посланий архиепископа Геннадия, для чего сам Геннадий был ему совершенно не нужен. О действительных взглядах «новых еретиков» нам ровным счетом ничего неизвестно, поскольку соборных деяний 1504 г. не сохранилось. Не случайно русское общество было расколото «огненными казнями» 1504-1505 гг. Протест прп. Нила Сорского и «заволжских старцев» против жестокости был не только свидетельством их строго православия, но свидетельскими показаниями, что казенные были простыми вольнодумцами, самое большее – еретиками, требующими вразумления, но отнюдь не вероотступниками, заслуживающими смерти на костре.

Волоцкий игумен, противостоя духовным и интеллектуальным исканиям своего времени, искренне верил в неистребимость зла. Отсюда его убежденность, что «московская ересь», ставшая продолжением ереси новгородской, ни на мгновение не прекращала своего злого дела. Лучшим доказательством «виновности» новых отступников было их семейное родство и служебные связи со старыми еретиками, чья вина была установлена собором 1490 г. или провозглашена Геннадием. Здесь его жажда обличения полностью совпала с интересами Ивана III, смятенное состояние которого после дворцового переворота 1502 г. требовала оправдания как в собственных глазах, так и в общественном мнении. Ересь или

---

²²¹ Гессен Ю. Евреи в Московском государстве в XV—XVII вв. // Еврейская старина. 1. 1915. С. 1-19.

даже отступничество окружения боговенчанного Дмитрия, действительные или мнимые, полностью лишали того царственной легитимности. В Москве жертвами борьбы с ересью пали лица, связанные с Федором Курицыным и Еленой Волошанкой, которые были «выявлены» в результате специального «великокняжеского обыска». Нельзя исключить из факторов составления «расстрельного списка» и возможный конфликт Волоцкого игумена с Софийским домом, к юрисдикции он принадлежал. Архимандрит Юрьева монастыря Кассиан, сожженный в Новгороде в январе 1505 г., будучи главой новгородских монастырей, оказывался начальником и Иосифу, которых начальствующим не жаловал. После новой расправы над новгородской церковной элитой Волоцкий игумен, как известно, в 1507 г. благополучно «изскочил из предела Святой Софии».

Отсрочка великокняжеского «обыска» ересей, о которой упоминает прп. Иосиф в послании архимандриту Митрофану и которая не позволила созвать собор на еретиков ранее декабря 1504 г., вполне объяснима тем, что с «назначением в еретики» существовали определенные трудности. В то же время внимательное прочтение послания Иосифа Митрофану, передающее детали его встречи с великим князем, раскрывает и конкретный культурно-антропологический механизм создания истории ереси. Под руководством опытного духовника-психолога мятущийся князь Иван переоценивает последнее десятилетие своей жизни и, словно озаренный, «открывает» для себя неведомые ранее смыслы и подробности: «А ведь и точно! Не иначе как попович Иван Максимов “сноху у меня мою в жидовство свел”!». В процессе душепопечительской беседы с игуменом разговоры десятилетней давности с попом Алексеем и диаком Федором начинают восприниматься князем как еретическая проповедь. Та же беседа указывает и на искусственное соединение двух исторических эпизодов – «новгородского» и «московского». Признание князя, что он «ведал новгородских еретиков», относится лишь к событиям 1488-1490 гг., но не к последующему десятилетию, о чем свидетельствует фраза самого преподобного: «Только ся подвигнешься о нынешних еретиках, ино и в прежних тебе Бог отпустит»...

Через сто лет после описываемых событий неизвестный монах Троице-Сергиевой лавры, составляя список еретиков, сумеет включить в него лишь 43 имени, конкретная связь которых известными событиями не всегда очевидна. Здесь же он укажет, что на Москве на Торжество Православия анафематствуют лишь пятерых, действительно осужденных собором. Все это свидетельствует, что опасность для дома Святой Софии представляла не ограниченная группа иудаизантных интеллектуалов, любителей Ветхого Завета, а «несимметричный» ответ на ее появление со стороны прп. Иосифа и его сторонников, которым воспользовалась светская власть для решения своих династических проблем...

ОЧЕРК X ОСЕНЬ АРХИЕПИСКОПА

Только через 15 лет после удаления с новгородской кафедры архиепископа Серапиона князь Василий III и митрополит Даниил (1522-1539) решились посадить на престол Святой Софии верного человека. Четвертого марта 1526 г. им стал Макарий - постриженник Пафнутиево-Боровского монастыря и игумен монастыря Лужецкого под Можайском. Новгород стал для него не только ступенью к трону святых митрополитов Петра, Алексия и Ионы, который он занимал с 1542 г. по 1563 г. Именно в Новгороде он выработал основные принципы руководства церковной жизнью.

Стремление к упорядочиванию и даже унификации внешних проявлений церковной культуры было всегда присуще деятельности свт.Макария²²². Представление о культуре как системе – было ли оно подобием Божественной иерархии, прочтенной у Дионисия Ареопагита, или же просто прагматической привычкой? В 1528 г. Макарием была продолжена бесконечно тянущаяся в Новгороде реформа монастырей, предполагавшая переход от «особножительства» к киновии, общежитию²²³. Впрочем, архиепископ нашел к монастырской жизни правильный подход. По свидетельству летописца, монастырям стало «легче в податях»: подать стоила общежития. В 1541 г. в единый сборник Великих Четых Миней был сведен весь круг христианского чтения средневекового новгородца – вещь более удобная, чем полезная. Из Новгорода в Москву, помимо новгородской иконографии, смутившей москвичей и диака Ивана Висковатого, свт.Макарий привез столь любезное ему желание навести порядок в церковной жизни России. Здесь его желания совпали со стремлением Ивана IV создать новое Московское царство. Первым приложением сил нового митрополита и молодого царя стали святые – главные помощники на небе и первые соперники на земле. В том числе и святые новгородские....

История почитания святых на Руси писалась несколько раз, но так и осталась ненаписанной. Быть может потому, что вместо истории почитания, исследователи более интересовались тем, как это почитание утверждалось церковной и государственной властью. Свою печальную роль сыграло и перенесение в Средние века современных стереотипов, разделяющих «местную» и «общецерковную» канонизацию. Знакомство с византийской и древнерусской историей убеждает, что в эпоху Средневековья существовала только «местная» канонизация, суть которой заключалась в признании епархиальным архиереем

---

²²² *Флоровский Г.*, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1988. С.24.

²²³ *Круглова Т.В.* К истории монастырской реформы в Новгородской земле (по летописным данным) // Новгород и Новгородская земля: Искусство и реставрация. Вып. 3. Великий Новгород, 2008. С. 8-29.

уже сложившегося почитания памяти подвижника благочестия. Именно местный епископ вносил память нового святого в синодик-менологий и давал благословение на создание его икон и посвященных ему богослужебных текстов²²⁴. Единство Церкви, исповедуемое в Символе веры, естественным образом довершало дело: святость, признанная епископом одной епархии, становилась достоянием всех в силу церковного единства. Известные из источников прецеденты складываются в стройную систему. Празднование свт.Леонтию Ростовскому было установлено местным епископом Иоанном, служба святителю новгородскому Иоанну и князьям-строителям Софийского собора была учреждена архиепископом Евфимием, новгородский архиепископ Геннадий благословляет игумену Памфилу написать икону прп.Ефросина Псковского и его житие. В отношении митрополита Петра санкция патриарха Иоанна Калеки (1334-1347), полученная в ответ на послание митрополита Феогноста в 1339 г., должна объясняться статусом святого как Киевского митрополита, подчинявшегося Вселенскому престолу.

На этом фоне соборы св.митрополита Макария 1547 и 1549 гг., получившие название «канонизационных», вроде бы выглядят новым явлением в русской истории святости. Считается, что с этого времени вопрос причисления к лику святых, иначе канонизации, стал подлежать соборному суждению всей Церкви и санкции ее предстоятеля. Списки святых, прославленных в 1547 и 1549 гг., как реальные, так и гипотетические, превратились в исторический факт. Однако обращение к истории вопроса о «канонизационных» соборах наглядно показывает, как «факт историографии» становится «фактом истории».

Постараемся понять, в чем же состояло новшество макариевских соборов и действительно ли начиная с этих событий почитание святых было возможно только после обязательной высшей церковной санкции. Сегодня в нашем распоряжении есть 7 списков новых русских святых, память которых так или иначе связана с проведением собора 1547 г.²²⁵. Однако лишь три из них совпадают между собой, что должно противоречить обязательности соборного решения для всей Русской Церкви. Парадоксальным образом среди исторических памятников отсутствует «канонизационный список» 1549 г.

---

²²⁴ *Василий (Кривошеин)*, архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов. 949-1022. Париж. 1980. С.47; о правах митрополитов см., в частности: *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т.3. История церкви в период Вселенских соборов. С.210-211.

²²⁵ *Акты Археографической экспедиции...* Т.1.С.203-204; *Лебедев Н.* Макарий, митрополит Всероссийский (1482-1563). М., 1877. С.1-II; *Кунцевич Г.З.* Подлинный список о новых чудотворцах к Феодосию, архиепископу Новограда и Пскова // *Известия Отделения русского языка и словесности.* 15.1. 1910. С. 252-257; Новгородская четвертая летопись по списку Н Никольского. ПСРЛ. Т. 4. Вып. 3. Л., 1929. С. 619; Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. Н.Н.Покровский, С.О. Шмидт (ред.). М., 1971. С. 13; *Макарий (Веретеников)*, архимандрит. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // // *Русская художественная культура XV-XVI веков. Материалы и исследования.* Т. 11. М. 1998. С.17.

Разночтения редакций списка русских святых, прославленных на соборе 1547 г.

30 марта	Кир.-Бел. Ред. РГАДА. 201. 58	Иона Московский	Вол.-Бел.ред ААЭ-1-213	Иона Московский	Новгород.IV Л. ПСРЛ.4.1. 3	Иона Московский	Ростов. ред. ГПНГБ.Ф.1.3.	Иона Московский	Троицкая ред. Лавра 241	Иона Московский	Новгород. ред. РНБ.Ф. 1. 356	Святцы 7056 г. ГИМ №336
7 сентября	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иона Московский	Иона Московский
1 мая	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский
17 ноября	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский	Никон Радонжский
17 марта	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский
17 апреля	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий
10(11) января	Павел Обнорский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Коломенский	Павел Коломенский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Обнорский
1 июня	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий
30 августа	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий	Александр Свицкий
23 ноября	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский
17 апреля (27 сентября)	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий
11 января	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский
3 декабря							Савва Сторожевский	Савва Сторожевский	Савва Сторожевский	Савва Сторожевский		
26 апреля								Никита Новгородский	Никита Новгородский			
5 ноября											Иона Новгородский	Иона Новгородский
11 марта											Евфимий Новгородский	Евфимий Новгородский

И этот перечень, и понятие «канонизация святых» в отношении деяний соборов 1547 и 1549 гг. являются находкой В.О. Ключевского²²⁶. Для реконструкции списка святых 1549 г., «канонизированных» этим собором, он прибегает к арифметическим действиям. В составе «Особой редакции» жития св.митрополита Ионы, составленной во второй четверти XVI в., находится общий список подвижников благочестия, которым, согласно агиографу, было установлено литургическое празднование при митрополите Макарии (1542-1563 гг.). Достаточно «вычесть» из него имена грамоты собора 1547 г., отправленной в Вологду, чтобы получить искомый «список 1549 г.»: это Евфимий и Иона Новгородские, Стефан Пермский, Иаков Ростовский, Всеволод - Гавриил Псковский, Михаил Тверской, Савва Сторожевский, Евфимий Суздальский, Авраамий Смоленский, Савва Вишерский, Ефросин Псковский, Ефрем Перекомский, Григорий Пельшемский, Максим Московский, Антоний, Иоанн и Евстафий Виленские.

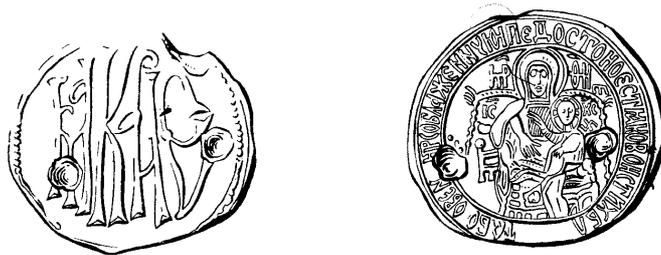
Достоинства такой «духовной арифметики» представляются весьма сомнительными. В конце концов, ниоткуда не следует, что празднование этим святым было установлено именно в этом году и именно соборным решением. Словно признавая недостаточность избранного им источниковедческого приема, В.О.Ключевский предлагает дополнительно включить в этот перечень свт.Нифонта Новгородского, св.Петра Ордынского, а также прпп.Ферапонта и Мартинаиана Белозерских на основании косвенных свидетельств об учреждении им службы в конце 1540-х - начале 1550-х гг. Нельзя не учесть и то, что список святых, связанных с собором 1547 г., в житии свт.Ионы представлен не полностью: там нет прпп. Михаила Клопского, Дионисия Глушицкого и Павла Обнорского. Однако выводы знаменитого историка, подержанные позднее Е.Е. Голубинским, прочно утвердились в науке.

В последнее время в круг источников по истории «канонизационных соборов» был вовлечен месяцеслов устава из собрания Государственного исторического музея в Москве (Син. №336), который было предложено датировать 1548 г.²²⁷ Избыточное количество имен по сравнению со списками 1547 г., которое можно здесь обнаружить, объяснялось фактом проведения еще одного «канонизационного» собора именно в 1548 г. Теперь уже не два, а три собора 1540-х гг. занимались канонизацией святых в Русской Церкви! Вместе с тем, знакомство с месяцесловом позволяет прийти к заключениям иного рода. По сравнению с известными редакциями грамоты собора 1547 г. здесь отсутствуют 5 из 14 «общерусских» святых: Александр Невский, Александр Свирский, Савватий Соловецкий, Михаил Клопский и Никита Новгородский, и 2 из 9 «местночтимых» святых: Арсений Тверской и Иоанн

²²⁶ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.С.222.

²²⁷ Кюсс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т.2. Очерки по истории русской агиографии XIII-XVI вв. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. С.368-369.

Устюжский. Более того, из числа святых, которые, как полагают, были канонизированы собором 1549 г., здесь уже «досрочно» присутствуют Иаков Ростовский, Евфимий Новгородский, Евфимий Суздальский, Стефан Пермский, Авраамий Смоленский, Ефрем Перекомский и Виленские мученики, т.е. 9 из 16. В этом же списке есть святые, которые не упомянуты ни в деяниях собора 1547 г., ни в существующих реконструкциях соборного списка 1549 г.: Ефрем Смоленский, Николай Кочанов Новгородский и Ефросиния Суздальская.

Печать архиепископа Новгородского Макария. 1526-1542 гг.

Непосредственное знакомство с источниками, повествующими о соборах 1547-1549 гг., позволяют нам предложить новую реконструкцию соборных деяний и оценить их последствия для церковной жизни и истории дома Святой Софии. Деяния Стоглавого собора повествуют, что в 1547 г. молодой царь поручат епископату собрать службы и жития новых чудотворцев. На соборе 1549 г. святители «каноны новых чудотворцев, жития их и чудеса на соборе полагают и свидетельствуют ... и предают церквам Божиим пети и славити и праздновати»²²⁸.

Очевидно, что соборы 1547-1549 гг. не занимались ни «причтением подвижников благочестия к лику святых», ни их «канонизацией». Святость этих подвижников в соборных деяниях не подвергается ни малейшему сомнению, поскольку «новых чудотворцев», которым устанавливается соборная служба, Бог уже прославил «многими и различными чудесы и знамениями»²²⁹. Единственным затруднением церковной жизни, которое стояло перед отцами собора, было то, что «не бе им до днесь соборного пения». Суть соборного деяния 1547 г. раскрывается такими словами известительной грамоты как «установили есмя ныне празновати новым чудотворцам», «установихом празновати соборне по прежеуложенному уставу», «пети и празновати повсюду».

Речь идет о литургической реформе, суть которой состояла в упорядочении древнерусского богослужения, максимально широком по средневековым меркам

²²⁸ Стоглав. Издание Д.Е.Кожанчикова. СПб., 1863. С. 37-38.

²²⁹ Стоглав... С. 37-38.

распространении уставной соборной службы в честь «новых чудотворцев» и введении в церковный обиход новых литургических и агиографических произведений. Анализ редакций грамоты 1547 г. предполагает, что соборное решение дополнялось по мере подготовки новых литургических и агиографических текстов. Считаем изначальным минимальный по количеству имен список Кирилло-Белозерского обиходника из собрания Российского Государственного архива древних актов с характерным названием «Сий указ новым чудотворцем на кийждо день указася коемуждо празновати». Остальные редакции демонстрируют в целом единство основной части списка, к которому первоначально стоит отнести 10 имен: свт. Иона Московский, Иоанн Новгородский, прпп. Пафнутий Боровский, Никон Радонежский, Макарий Колязинский, Зосима Соловецкий, Павел Комельский, Дионисий Глушицкий, Александр Свирский и Александр Невский. Отсутствие среди источников какого-либо намека на соборную грамоту 1549 г., аналогичную спискам 1547 г. заставляет признать, что ее не существовало вовсе. Точно также, как и в случае со «списком 1547 г.», освидетельствование новых житий и богослужебных текстов епископатам давало возможность их широкого, «общерусского» распространения в Московском Царстве уже без дополнительной соборной санкции.

Постараемся понять, по какому принципу формировался список святых 1547 г. Этот список практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов 1543-1552 гг. (8-20 декабря 1543 г.- Боровск, 3 марта 1544 г. - Калязин, 21 мая - 7 июля 1545 гг.- Троице-Сергиев, Переславль, Ростов, Белоозеро, Вологда, Прилука, Комла, Обнора, Устюг, 15 сентября - 12 декабря 1546 гг.- Троице-Сергиев, Волок, Ржева, Новгород, Псков, Тихвин, 24 ноября 1550 г. - Владимир, 13 июля 1552 г. - Муром). Практически все святые, которым было установлено соборное пение, оказались так или иначе охвачены царскими маршрутами: Пафнутий Боровский, Макарий Калязинский, Никон Радонежский, святыни Ростова и Переяславля, Павел Комельский, Дионисий Глушицкий, Прокопий и Иоанн Устюжские, Иоанн Новгородский, Михаил Клопский, Александр Невский, Константин, Феодор, Михаил, Петр и Феврония Муромские. Очевидно, паломничество царя повергло его в недоумение, что богослужение почитаемым русским святым не было представлено «соборным пением» прежде всего в самой Москве. Исправлению противоречия между всероссийской значимостью этих святых и отсутствием общецерковного богослужения и были посвящены соборные мероприятия митрополита Макария, инициатива которых могла принадлежать молодому царю.

Сегодня стоит отказаться от предвзятого мнения, что начиная с 1547 г. любое изменение в месяцесловах должно было иметь санкцию высшей церковной власти, как это сложилось в синодальную и современную эпоху. На это указывает отсутствие упоминаний в

источниках о подобных соборах во второй половине XVI-XVII вв. несмотря на то, что состав месяцеслова продолжал пополняться русскими святыми. Очевидно, процесс прославления новых святых оставался в компетенции епархиального архиерея. Именно так в 1572 г. архиепископом Новгородским Леонидом были канонизированы праведные Иаков Боровичский и дева Гликерия²³⁰.

Стоит задаться вопросом, сколь была глубока и основательна была рецепция соборных деяний 1547-1549 гг. массовым церковным сознанием, иначе говоря, как соотносились традиция и новшества в эпоху позднего Средневековья? Знакомство со святыми, как современными соборам, так и последующего времени, демонстрирует нам весьма незначительную степень зависимости их состава от соборных решений²³¹. Стоит вспомнить, что в 1490 г. новгородское духовенство заслужило обвинение в «жидовстве» за то, что «не почитало» московских святых митрополитов Петра и Алексия, празднование которым не вошло в местные святцы...

На этот вопрос можно ответить, анализируя степень проникновения в иконографию позднего средневековья образов «новых русских чудотворцев». Установление общероссийской службы почти 40 святым в середине XVI в. не вызвало революции в содержании церковного искусства на Руси²³². Их образы если и представлены в русской культуре второй половины XVI в., то единичными образцами, связанными прежде всего с местными центрами их почитания. Исключения составляют, пожалуй, лишь прпп. Зосима и Савватий Соловецкие и Александр Свирский. Лишь в отношении архиепископа Иоанна Новгородского известно, что установление ему общерусской службы на соборе 1547 г. привело к тому, что в 1548 г. архиепископ Феодосий (1542-1550) обновил придел св. Иоанна Предтечи в Софийском соборе, где был погребен архиепископ, и «гроб украси святителя Божия Иоанна». Возможно, обретение мощей свт. Никиты Новгородского в 1558 г. также было связано с новым интересом к личности святого, вызванным соборным движением.

Централизаторские тенденции в общественно-политической жизни Московской Руси, как это показывает история макариевских соборов, находили свое отражение и в жизни церковной. Однако религиозное общество эпохи «осени средневековья», продолжало развиваться по своим внутренним законам. Похоже, именно в деле почитания святых черты соборного строя, связанные с регулированием подобных вопросов местной Церковью,

---

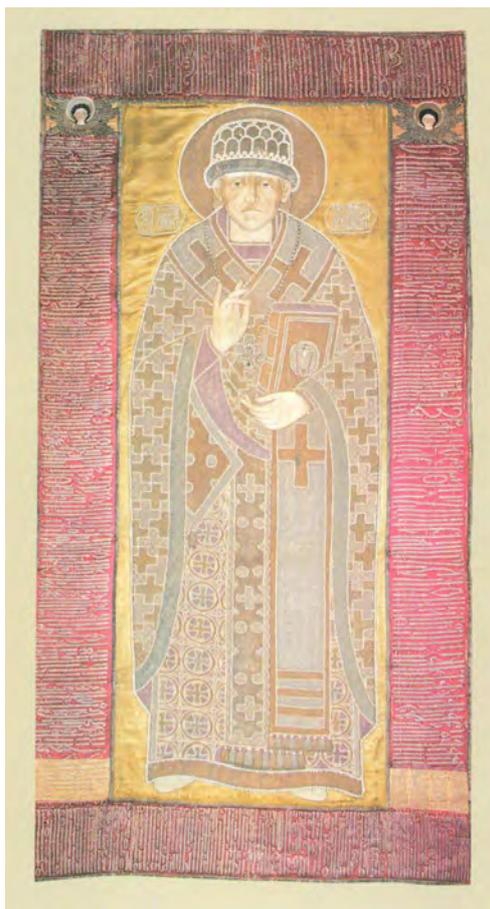
²³⁰ ПСРЛ. Т.3 С.168, 172-173.

²³¹ Например, см.: *Никольский А.И.* Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Синода. СПб., 1904.

Т.1 Рукописи богослужебные. С. 165-166, 167-168, 173-175, 179-180, 180-183, 196-197.

²³² Об этом подробнее: *Мусин А.Е.* Соборы св.митрополита Макария 1547-1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI века // *Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI век.* СПб., 2003. С.145-165.

сохранялись дольше всего. Традиция оказывалась более значима в русской культуре, чем попытки центральной власти унифицировать духовную жизнь Средневековой Руси.

Нагробный покров святителя Никиты Новгородского. Конец XVI-XVII вв.

Эта победа традиции над переменами была присуща и жизни дома Святой Софии. Постоянное вмешательство великокняжеской власти в церковные дела вызывало здесь причудливое смешение вызовов эпохи с неистребимой архаикой средневекового менталитета. Новгородская земля словно заново рождала дух вольности, который превращал ставленников центральной власти в опасных противников централизации, поборников «пошлины и старины». Такое явление можно объяснить оторванностью служилой бюрократии в Новгородской земле, в том числе и церковной администрации, от политического центра, которая способствовала формированию особой стратегии поведения, связанной с высокой степенью самоорганизации, развитием инициативы и ответственности²³³. Все это происходило на фоне сохранения известных элементов автономии Новгородского «государства» в рамках Московского царства, в частности, во

²³³ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 247; Носов Н.Е. Становление сословно-представительских учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957; Казакова Н.А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV — первой половине XVI вв. // Россия на путях централизации. Сборник в память А.А. Зимина. М., 1982. С. 156-159; Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

внешнеполитических делах, что нашло отражение как в формулярах грамот «за рубеж», так и в полномочиях новгородских наместников в сношениях со Швецией. Такая ситуация формировала особенности местного сознания, в которых традиция новгородских вольностей если не возрождалась, то конструировалась сызнова, как это видно в уже известной нам истории архиепископа Геннадия Гонзова и митрополита Киприана Старорушанина. Не были чужды этой участи и прочие владыки дома Святой Софии XVI в., хотя в итоге их участь оказалась много страшнее. Однако существовали и объективные противоречия между «государствами Московского царства», - а именно так во второй половине XVI - первой половине XVII вв. описывалась политическая структура России, - и прежде всего между Московской и Новгородской землями, традиционно рассматриваемых как два «великих государства» этой конфедерации²³⁴...

Митрополит Московский Макарий ввел архиепископа Новгородского Пимена (1552-1570) в дом Святой Софии как в свое наследственное владение, которое он возглавлял 15 лет. Это позволяло Пимену надеяться, что когда-нибудь он сам унаследует кафедру московских святителей. Однако ему пришлось трижды возглавлять интронизацию митрополитов всея Руси, без реальной возможности стать главой Русской Церкви, хотя его полномочия в эту эпоху были весьма близки к митрополичьим. В 1564 г. Иван Грозный предпочел ему, постриженнику далекой Адриановой пустыни или даже Кирилло-Белозерского монастыря, Афанасия (1564-1566), собственного духовника и священника Благовещенского собора в Кремле, проведенного в монашестве менее двух лет. Два года тот и продержался на престоле, который мог оставить из-за жестокостей опричнины. Известно, что начало ей положило возглавляемое Пименом посольство 3 января 1565 г. в Александровскую слободу, умолившее царя вернуться во власть.

Несмотря на то, что после ухода Афанасия с кафедры именно Пимен возглавлял духовенство на Земском соборе 1566 г., благословившем продолжение Ливонской войны, новым царским ставленником вновь стал не он, а архиепископ Казанский Герман (Садырев-Полев), нареченный, но так и не ставший митрополитом в июле 1566 г. В том же году Пимен возглавляет избрание и интронизацию митрополита Филиппа (Колычева) (1566-1568), чтобы в ноябре 1568 г. председательствовать на созванном по царскому велению соборе, который лишит Филиппа сана, и заслужить, по слову князя Андрея Курбского, мрачную славу «гонителя» митрополита-мученика и «похлебателя» царя-мучителя. В том же году он возводит на московский престол последнего из своих митрополитов - Троицкого игумена Кирилла (1568-1572).

---

²³⁴ Собрание государственных грамот и договоров хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Т.1. С 599, 614.

Трудно сказать, какие чувства испытывал Пимен в каждое из этих наречений и чувствовал ли он себя обойденным, но митрополит Филипп, скорее всего, был дважды прав, когда обвинял его в личной заинтересованности в исходе процесса против себя и предрекал скорую опалу: «тщишися чужий престол восхитити, но и своего помале извержен будеши». Истоки такой заинтересованности стоит поискать не столько в угодливости новгородского владыки перед светской властью или же в собственном тщеславии, но и в глубокой обиде за себя и дом Святой Софии. «Митрополичья» чехарда 1560-х гг. началась с «культурного шока», который должен был испытать сам Пимен и его «софияне». На соборе 1563-1564 гг. царь спросил, почему белый клобук носит только Пимен Новгородский, а не митрополит Московский. Естественно, собор утвердил «древнюю почесть» на ношение белого клобука «с рясами и херувимом» за митрополитом, которая с этих пор стала рассматриваться как царское пожалование²³⁵.

Нельзя утверждать, что вопрос о белом клобуке был инициирован самим Пименом, рассчитывавшим на избрание и готовившим себе привычные атрибуты архиерейского достоинства на московской кафедре. Но лишение Новгорода исключительного права на белый клобук, символ церковной избранности, должно было однозначно рассматриваться как уничтожение. Новгородский архиерей не мог этого не ощущать, и московский царь не мог не чувствовать этой подсознательно затаенной обиды. Именно это и должно было позволить Ивану IV во время опричного разгрома Новгорода 1570 г. объявить внешне преданного ему Пимена главой новгородских «заговорщиков». Брошенные Пимену обвинения в «литовской измене» продолжали княжеские традиции идеологической войны XV в. против Новгорода. Свершенная над ним «гражданская казнь» могла воскресить в общественной памяти действие 1490 г., когда «жидовская мудурствующих» новгородцев, тоже обвиненных в «связях с Западом», на сей раз культурных, провезли по городу «передом назад» в конной процессии. Точно так же и Пимен, перед тем как быть сосланным в монастырь, с атрибутами скомороха - музыкальными инструментами в руках был водружен - уж не задом ли наперед? - на кобылу для общегородского позорища.

Однако в его случае такое «шествие на кобыле» было не просто скоморошьим «антиповедением»²³⁶. Оно могло иметь еще один важный внутренний смысл. Неизвестно, когда этот церковный обряд закрепился на Руси, будучи воспринятым из Византии, но каждый год, на Вербное воскресенье, в Новгороде совершался торжественный ритуал «шествия на осляти», воскрешающий события Входа Господня в Иерусалим. Архиепископ

---

²³⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т.1. С. 331-333.

²³⁶ Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 331.

восседал на коня, символизируя самого Христа, а великокняжеский наместник вел этого коня по уздцы, знаменуя тем самым подчинения власти кесаря духовному началу. В Москве участниками этого действа были митрополит и князь, а затем патриарх и царь. «Шествие на кобыле» архиепископа – скомороха стало не только сознательным унижением священнического достоинства и мелкой царской мезтью, но и ритуалом, закрепляющим подчинение Церкви Царству. Знаковые животные вообще играли в эту эпоху особую роль в судьбе дома Святой Софии.

Новый новгородский архиерей Леонид (1571-1575) определенно унаследовал судьбу Пимена и вполне мог унаследовать обиды своего предшественника. В мае 1572 г. он председательствовал на Освященном соборе, благословившем четвертый брак Ивана Грозного и избравшем на московский престол митрополита Антония (1572-1581). Новгородский архиерей вновь возглавил интронизацию главы Церкви, так никогда и не возглавив саму Церковь. Царь был достаточно осторожен, чтобы не пускать наверх церковного иерарха, занимавшего авторитетную кафедру, управление которой порождало соответствующие амбиции и если не независимость, то самостоятельность. На московский престол должны были возводиться люди, непосредственно зависящие от государя.

Дальнейшая судьба Леонида показательна расплывчатостью сохранившихся обвинений, противоречием источников о его судьбе и нарочитой жестокостью некоторых версий его кончины. Считается, что вместе с придворным лекарем Елисеем Бомелиусом он был обвинен не только в сношениях со Швецией и Литвой, но и в колдовстве. Впрочем, имя Бромелиуса здесь могло появиться случайно, чтобы убедить современников в чародействе архиепископа. Русские летописи объединяют смерть Леонида с казнью стольника Протасия Васильевича Захарьина - Юрьева²³⁷.

Обвинения были обычными для Новгорода, граждане которого в глазах великого князя были либо изменниками, либо язычниками, либо колдунами, либо еретиками. Необычной была казнь Леонида, которой тот был подвергнут. По словам псковского летописца, в Москве царь «сан на нем оборвал, и, в медведно ошив, собаками затравил»²³⁸. Жестокость московских забав подтверждает и уникальное известие англичанина Дж. Горсея об устроенном царем «гладиаторском поединке», где против «диких и свирепых медведей» выступили вооруженные четками, крестами и рогатинами клирики или монахи, обвиненные в мятеже против государя²³⁹. Впрочем, существует и другая, весьма мирная версия, что архиепископ был «взят к Москве в государьской опале да тамо и преставился» 20 октября 1575 г.

²³⁷ Пискаревский летописец. ПСРЛ. Т.34. М., 1978. С. 192.

²³⁸ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 262.

²³⁹ Горсей Д. Записки о России XVI-начала XVII вв. М., 1991. С. 67-68.

В данном случае нам важна не столько достоверность страшной смерти новгородского владыки. Гораздо важнее знать, что такие слухи ходили в средневековом обществе, и постараться понять, какие смутные образы они вызывали в сознании современников. Естественно, можно представить оба известия как обычное проявление феодальной жестокости, элемент придворной культуры с ее охотой на медведя, затравленного собаками или забитого рогатинами. Однако стоит задуматься о сочетании смыслов всех элементов этого действия, вписывающегося в нормы средневекового сознания.

О собаках, как нечистых животных в представлении человека того времени, мы уже знаем. В этом смысле смерть архиепископа Леонида, затравленного собаками в конце XVI в., удивительно напоминает смерть епископа Феодора, загрызенного собственным псом в конце XI в. Царь тем самым превращает носителя священного сана, фигуру сакральную, в «заложного» покойника, лишая его священнического достоинства. Низведение архиепископа до уровня псов находит соответствие в глумливом поведении боярина Стрешнева в 1658 г., научившего свою собаку пародировать патриарха Никона, становясь на задние лапы и изображая передними подобие архиерейского благословения. Наконец, травля собаками Леонида, во всем, кстати, поддерживавшего опричные мероприятия, напрямую соотносится с символом опричнины – песьей головой, притороченной к конскому седлу. Кровавый карнавал продолжался, и преданные царю псы, символизировавшие опричников, выгрызли измену медведя-архиепископа.

Медведь тоже значим в этой истории. Дело в том, что этот зверь в русской мифологии считался существом темной, языческой сакральности²⁴⁰. Союз с медведем рассматривалось как служение злу. Медвежья комедия с участием скоморохов (вспомним гражданскую казнь Пимена, обращенного в скомороха!) была излюбленной мишенью обличителей пороков русского общества XVI-XVII в. от протопопа Сильвестра до Ивана Неронова. Шутливое поклонение медведю ростовского митрополита Ионы, которому зверя прислал патриарх Никон, вызывало осуждение протопопа Аввакума. В силу этого «медведно», медвежья шкура, которая «превратила» архиепископа в медведя, как и медведи, на растерзание которым были отданы семь клириков (священное число!), однозначно должны были восприниматься как способ десакрализации сопоставленных с ними или противопоставленных им священных особ.

Существует еще одна ипостась «медвежьего фольклора» - это его связь с богатством и благополучием. Известен ритуал опахивания сельской нивы на впряженном в ярмо медведе, что должно было обеспечить отборный урожай. Так, новгородский святой прп. Савва

---

²⁴⁰ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С.85-111.

Вишерский по приговору веча заставил медведя пахать на монастырском поле вместо лошадей, которых тот задрал. Помимо мотива подчинения хтонических сил православному святому в сознании рассказчика этот эпизод должен был свидетельствовать о мистическом успехе монастырской экономики.

Участие медведя или его образных атрибутов в традиционной свадьбе тоже было обязательным: «Мохнатый зверь на богатый двор, молодым князьям да богато жить». На свадьбе медведя мог заменять вывернутый наизнанку тулуп. В этой связи известие протопопа Аввакума о том, что «медведя Никон, смеясь, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю», связано не только со стремлением десакрализовать никонианское духовенство. За внешне шутейным действием Никона могло стоять символическое пожелание благополучия и богатства ростовскому архиерейскому дому.

В связи со страшной кончиной архиепископа Леонида заметим, что рассказ Дж.Горсея о «медвежьих боях» с клириками разворачивается на фоне известия о Земском или Освященном соборе 1573 и 1580 гг., который был посвящен изъятию у Церкви ее имущества. Неслучайно англичанин влагает в уста царя упоминание о короле Генрихе VIII, проводившем в 1533-1541 гг. политику диссолюции – перераспределения церковных богатств для нужд государства. Опала Пимена и Леонида тоже сопровождалась секуляризацией владений дома Святой Софии. В этом контексте облачение Леонида в медвежью шкуру или, скорее, вывернутую наизнанку шубу символизировало именно секуляризационную политику царя: вместе с опалой и смертью Леонида на государев двор ожидалось пришествие богатства и благополучия....

Царь добился своего. Он получил церковную казну, лояльность церковников и молчание Церкви. О следующем хозяине дома Святой Софии, последнем архиепископе и первом митрополите Александре, возглавившем кафедру в 1576 г., источникам почти ничего не известно. Разве что при нем хозяйство архиерейского дома пришло в полный упадок, пострадав от традиционной отечественной болезни – коррупции и воровства. Новому новгородскому митрополиту Варлааму (1592-1601) пришлось спешно приводить оставшееся в порядок, дабы не растерять последнее. Наступала осень архиепископов. Белый клубок, ставший символом новгородской церковной жизни и культуры, претензией на византийское наследство и судьбу Третьего Рима, пожелтел от времени, как октябрьская листва. Однако жизнь в новгородском доме не могла умереть. Но это уже совсем другая история – история Нового Времени. Новгородское средневековье закончилось вместе с осенью своих архиепископов....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга позволила нам пройти вместе с домом Святой Софии через шесть столетий его истории, следуя главным вехам. Владычный двор на холме над Волховом, где некогда стоял идол Перуна, быстро стал «градообразующим» фактором. Его участие в жизни городской общины, вобравшей в себя различные группы населения, позволило Новгороду обрести культурное единство и сформировать историческую память. Урочище у городских ворот, где епископ взимал с проходящих таможенную десятину, стало символом новгородской истории. Именно здесь образ Божией Матери «Знамение» остановил княжеское наступление на городские права и свободы.

Содержание этих прав, восходящих к эпохе формирования Древней Руси, совпадало с основными положениями церковного права, возникших в эпоху становления Византии. В их основе лежали традиции общинной жизни – греческого полиса и древнерусского града. Вступив во взаимодействие, церковные и гражданские нормы, достаточно демократичные в своей основе, поддерживали друг друга в бытии, помогая новгородской традиции выстоять против московских новшеств. Избрание новгородских епископов на вече не было «республиканской процедурой», однако «вечевая демократия» оказалась сродни соборному строю коллективного управления Церковью. В некотором смысле вече стало общественно-политическим измерением христианской общины древнерусского города.

Особенностью церковной жизни Новгорода было не само избрание епископа этой общиной по жребию, которое известно и в других русских землях. Особенным было то, что оно просуществовало здесь значительно дольше и оказалось запечатлено летописанием как символ новгородской идентичности. В этой истории особая роль принадлежит митрополитам всея Руси, которые, подражая византийским автократорам, стремились по возможности подчинить городскую общину своей власти. В условиях Древней Руси, которой Рюриковичи владели сообща, когда церковная юрисдикция следовала за княжескими пожалованиями, роль митрополитов в истории была действительно объединяющей. В то же время поставление русских митрополитов непосредственно в Константинополе обеспечивало им определенную независимость от княжеской власти, способствуя их посреднической роли в русских спорах. С началом возвышения Москвы церковные и политические интересы митрополитов и великих князей естественным образом совпали, и первые были подчинены последним.

Эти события и стали настоящей древнерусской «революцией», которая потребовала от средневекового общества создания новой системы политического сдерживания в Восточной Европе. Для Новгорода, сохранявшего культурное и политическое единство с

Москвой, союз с новыми киевскими князьями – Гедиминовичами играл символическую роль и служил обновлению отношений с «матерью градов русских» и кафедрой русских митрополитов. Этот союз, который воспринимался средневековым обществом как естественное право новгородской общины, с середины XV столетия – эпохи превращения смыслов и трансформации средневековых ценностей, под пером московских книжников превратился в «измену». Здесь был осуществлен первый опыт фальсификации отечественной истории в интересах московских князей. Фальсификация новгородской истории коснулась и дома Святой Софии, который московские князья обвинили в вероотступничестве, хотя Новгород ни разу не проявил себя сторонником «альтернативного православия», сохраняя верность каноническому праву. Союз с литовскими князьями, который так не привел к подчинению литовским митрополитам, был свидетельством умения разделять светское и духовное, что было присуще средневековому сознанию

С некоторыми особенностями этого сознания нам тоже удалось познакомиться на страницах книги. Здесь можно увидеть насколько характерным для Средних веков оказались элементы архаического сознания, в которые отлилась христианская культура. В поступках государей, считавши себя христианами, отчетливо проступают древние жесткие культы и суеверия, связанные с сакральными животными. Нам удалось выяснить, что «жидовская мудрствующие» новгородцы не были иудейскими прозелитами. Их интерес к Ветхому Завету отражал поиск духовных основ в преддверии ожидаемого конца времен. Лишь разрыв Московского царства с предшествующей культурной традицией превратил их в вероотступников. Средневековое сознание вообще стремилось видеть в культурной самобытности новгородцев то измену, то ересь, то язычество, то колдовство. В книге мы постарались убедить читателя, что конец света у средневекового человека вызывал не парализующий страх, а желание преобразить себя и окружающий мир, вернувшись к истокам христианства. Так в Новгороде появилась икона Софии - Премудрости Божией и Повесть о белом клобуке. Разгадывая загадки дома Святой Софии, нам удавалось иногда уточнить историю некоторых произведений новгородского искусства и связать их с новгородскими владыками. Здесь же мы познакомились с двумя святыми в истории Новгорода – князем и игуменом, такими разными и такими непохожими на привычный евангельский идеал.

Следование историческим вехам позволяет понять, что владыка дома Святой Софии не был сеньором Новгорода и председателем Совета Господ, а образ власти в Новгородской земле нельзя трактовать как «теократию». Описанная выше взаимозависимость епископа и общины, типичная для соборного строя церковной жизни, оказывается надежной «системой

сдержек и противовесов», которая препятствовала формированию клерикального государства.

Эта высокая степень взаимодействия церковного и мирского, общинного и общественного обеспечила не только долгую жизнь, но даже возрождение «новгородских вольностей» в деятельности местной церковной и светской элиты эпохи Московского царства. В отличие от остальной части Московии здесь были возрождены местные выборные органы власти, которые сами осуществляли суд и распределяли государственные подати, выплачивая в казну лишь «откуп». В XVI столетии местное боярство, под предлогом защиты «старины и обычая», боролось за создание «средневекового парламентаризма». Оно не было заинтересовано в закреплении крестьян, а в его деятельности можно усмотреть элементы товарной экономики, свойственные раннему капитализму. Особенности новгородской общественно-политической жизни оказались чрезвычайно эффективны в решении тех проблем, которые встали перед Русским Севером в Смутное время. В эпоху существования новгородского-шведского альянса 1611-1617 гг. здесь была возрождена практика сместного суда, а митрополит Исидор занял то положение в обществе, которое хозяин дома Святой Софии занимал в лучшие времена его истории...

Одной из главных особенностей средневекового общества и человека была непохожесть на современность. Однако «инаковость» средневекового Новгорода оказывается для нас чрезвычайно притягательной, потому что в ней мы узнаем весьма близкие и столь необходимые нам ценности. Среди прочих это вера в свободу и право, которые ограничивали властный произвол и гарантировали верность принятым на себя обязательствам. Новгород оказывается для нас одновременно далеким и близким. Это удивительное сочетание и оказывается главной загадкой дома Святой Софии....

СЛОВАРЬ БОГОСЛОВСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автокефалия – *самоглавность*, независимость Поместной Церкви в делах управления и избрания своего главы, в древности – право каждой епархии

Автономия – *самозаконность*, независимость Поместной Церкви во внутреннем управлении при условии избрания своего главы с согласия автокефальной Церкви

Анафема – не столько отлучение от Церкви, сколько указание на то, что конкретная личность, в силу своих убеждений или деяний, к Церкви не принадлежит

Антиминс – *вместопрестолние*, плат ткани с изображением креста или иконы «Положение Христа во гроб», на котором совершается Евхаристия; освящается епископом и передается в приходской храм как подтверждение права совершения Литургии

Апокалипсис – конец мира, за которым следует второе пришествие Христа и Страшный Суд; в Средние века, в отличие от современности, воспринимался с большим оптимизмом

Архиепископ – старший епископ, архиерей главного города епархии, сегодня в Русской Церкви этот титул может быть личной наградой епископу

Архиерей – епископ

Архимандрит – *начальник огады*, настоятель крупного монастыря, такой титул служил наградой патриарха или митрополита; в Древней Руси – глава всего черного духовенства в городе, в Новгороде им был игумен Юрьева монастыря

Белое духовенство – женатое, приходское духовенство

Благодарный – святой князь – защитник веры

Деисис – *моление*, иконографическая композиция, где Богородица и св. Иоанн Предтеча предстоят в молении Христу

Десятина – церковный налог, десятая часть доходов

Десятник, десятильник – церковный чиновник, собирающий десятину в пользу епископа, в том числе и среди священников

Диптих – исторически - двучастная таблица с официальным документом, в церковной практике – перечень епископов в хронологическом порядке или в порядке общепризнанной значимости занимаемых ими кафедр

Дискос – церковное блюдо для совершения Евхаристии

Диссолюция – политика в Англии эпохи реформации, предполагающая обращение церковных ценностей на пользу общества и государства

Догмат – основное положение церковного вероучения, имеющие непосредственное отношение к Богу

Евхаристия – *благодарение*, основное таинство Церкви, рассматриваемая как совершаемая за Литургией бескровная жертва, когда хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христовы, которыми причащаются присутствующие за богослужением

Епископ – *надзиратель*, глава епархии, избираемый общиной и рукополагаемый другими епископами

Ересиарх – начальник, основоположник ереси

Ересь – учение, расходящееся с верой Церкви в самых основных положениях

Жертвенник – исторически – храм или алтарь как место, где совершается Евхаристия, сегодня - место, где совершается проскомидия – первая часть Литургии, во время которой готовится хлеб и вино для Евхаристии

Игумен – настоятель монастыря

Иерархия – в Церкви – священноначалие, в общественно-политической жизни – система соподчинений

Иерей - священник

Инок - монах

Инtronизация – возведение на кафедру митрополита или патриарха

Исихазм – направление в жизни византийского монашества в XIV в., связанное с покоем и созерцанием

Канонизация – процесс признания святости церковной иерархией

Каноны – церковные юридические нормы, принятые на соборах епископов

Клир – совокупность духовенства

Клобук – монашеский головной убор, в средневековье - полукруглой формы, сегодня – цилиндрический, покрытый тканью черного цвета, именуемой наметкой

Кормчая книга – сборник церковных постановлений в славянских средневековых странах

Литургия – основное богослужение Православной Церкви, во время которой совершается Евхаристия

Минея – книга с текстами богослужений или житиями святых, расписанными по дням месяца

Митрополит – архиепископ, являющийся первым среди равных ему по чести и достоинству епископов на территории церковного округа – митрополии, председательствующий на архиерейском соборе; сегодня в Русской Церкви этот титул может быть личной наградой епископу

Моливдовул – свинцовая печать, привешивавшаяся к документу

Новелла – императорский указ в Византии, изданный после кодификации римского права

Нотарий – чиновник патриаршей или епископской канцелярии

Омофор – часть епископского облачения в виде широкой украшенной крестами ленты, одеваемой на плечи, символ епископской власти

Опресноки – хлеб для Литургии, приготовленный согласно ветхозаветной традиции из пресного, не дрожжевого теста

Панагия – *всесвятая*, круглая наперсная икона, отличительный признак епископа

Паперть – боковая или входная часть храма

Патерик – монастырский сборник поучительных рассказов о предшественниках

Патриарх – глава Поместной Церкви, состоящей из нескольких митрополий

Полиставрий – облачение с изображением крестов, церковная награда епископу

Поместная Церковь – исторически – епархия или митрополия в определенных границах, сегодня – национальная Церковь, независимая от других Поместных Церквей

Потир – чаша, в которой совершается Евхаристия

Преподобный – святой монах

Прозелит – новообращенный в иудейскую веру

Пролог – сборник церковных текстов, вводящих в историю празднуемого события

Равноапостольный – чин святости мирян, связанный с их трудами по распространению христианства

Симония – покупка и продажа церковных должностей, плата за рукоположение; термин восходит к имени языческого жреца Симона, пытавшегося купить у апостолов их пророческий дар

Синод – собрание епископов

Синодик – книга или список имен для молитвы или публичного поминовения

Сместный суд – совместный суд представителей различных властей, в Новгороде – княжеской и общинной, что предполагало вынесение справедливого решения

Собор – собрание епископов или духовенства и мирян, в Древней Руси – городской церковный округ и главный храм этого округа

Тиун – в Древней Руси - княжеский или епископский чиновник, управляющий хозяйством

Торжество Православия – церковный праздник в честь восстановления иконопочитания в Византии в 843 г., отмечаемый в первое воскресенье Великого Поста

Титулярная митрополия – епархия, возглавляемая епископом с титулом митрополита, на территории которой нет других епископов

Харистикарит – передача в Византии церковной собственности в управление светским лицам

Хартофилакс – начальник патриаршей канцелярии и хранитель архива

Хиротония – рукоположение в священный сан, диакон и священник рукополагаются одним епископом, епископ – двумя или тремя епископами

Христовул – золотая печать, привешивавшаяся к императорскому или патриаршему документу, чаще – сам документ с такой печатью

Черное духовенство – монашествующее, монастырское духовенство, иногда совершающее богослужения и на приходах

Экзарх – представитель патриарха на определенной территории

Эсхатология – учение о конце света, втором пришествии Христа, Страшном Суде и новой жизни

Этимасия – иконографическая композиция, изображающая «Престол уготованный» - трон с символом креста, на котором Христос воссядет на страшном суде

Ярлык – документ, выдаваемый ханом Золотой Орды, который подтверждал права русских князей и митрополитов

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841-1842. Т. 1-5.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. 1-4

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С.Н. Валк (ред.). М.; Л., 1949.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI-XV века. М., 1996.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846-1872. Т. 1-12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950

Новгородские грамоты на бересте. М., 1953-2004. Т. 1-11.

Памятники древнерусского канонического права XI-XV вв. Русская историческая библиотека. Т. 6. 1-е изд. СПб., 1880; 2-е изд. СПб., 1908.

Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М. 1841-1995. Т. 1-41.

Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Русский феодальный архив XIV - первой трети XVI века. М., 1986-1992. Вып. 1-4.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб., 2009.

Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480-1510-х гг. СПб., 2010.

Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980

Амвросий (Орнатский), иеромонах. История Российской иерархии. М., 1807-1815. Т.1-6.

Беляев И.Д. История Новгорода Великого от древнейших времен. М., 1866.

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1994. Т. 1-4.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков. М., 1986.

Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1-2.

Голубцов А.П. Чиновники Новгородского Софийского собора. М., 1898.

Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.

Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личность и ментальности русского средневековья. М., 2001.

Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2001.

Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982.

Зимин А.А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М., Л., 1955.

- Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники на Руси. М., 1874.
- Клепенин Н.А.* Святой благоверный и великий князь Александр Невский. Ю.В.Кривошеев, Ю.В. Сандулов (ред.). СПб., 2004.
- Клибанов А.И.* Реформационное движение в России в XIV- первой половине XVI в. М., 1960.
- Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, официальные и независимые летописи об образовании Московского Государства. СПб., 1994.
- Макарий (Булгаков)*, митрополит. История Русской церкви. М., 1994-1996. Т. 1-12.
- Макарий (Веретенников)*, архимандрит. Святитель Макарий, митрополит Московский, и архиереи его времени. М., 2007.
- Макарий (Миролюбов)*, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1-2.
- Мейендорф И.*, протоиерей. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.
- Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Никитский А.И.* Очерк внутренней истории церкви в Новгороде Великом. СПб., 1892.
- Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Подскальский Г.* Христианство и богословская литература Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996.
- Скрынников Р.Г.* Государство церковь на Руси XIV – XVI вв. Новосибирск. 1991.
- Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.
- Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962 -1965.
- Тихомиров П.И.*, протоиерей. Кафедра новгородских святителей со времени введения христианства в Новгороде до кончины последнего митрополита Новгородского Иова в 1716 г. Новгород, 1891-1897. Т. 1-2.
- Толстой М. В.* Святые и древности Великого Новгорода. М., 1862.
- Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1991.
- Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е гг. XVI в. СПб., 2006.
- Щапов Я.Н.* Государство и Церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. 1-е изд. М., 1962; 2-е. изд. М., 2003.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970. Т. 1-2.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Янин В.Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998.
- Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998.
- Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.

Научно-популярное издание

Александр Евгеньевич Мусин

Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X-XVI веках

Редактор:

Корректоры:

Технический редактор:

Художественное оформление

Лицензия 0000000000. Подписано в печать 00.00.0000.

Формат 00x00. Тираж 000 экз. Усл. печ. 10 л. Заказ № .

Институт истории материальной культуры РАН

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18

Отпечатано в типографии